

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Владимир (Зеев) Ханин

**ИЗРАИЛЬ НАКАНУНЕ И В ГОД СВОЕГО
70-ЛЕТИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ**

Москва 2018

Владимир (Зеев) Ханин
ИЗРАИЛЬ НАКАНУНЕ И В ГОД СВОЕГО 70-ЛЕТИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ
ПОЛИТИКИ
М., 2018. 262 с.

ISBN 978-5-89394-294-1

ISBN 978-5-89394-294-1

© Институт Ближнего Востока, 2018
© Владимир (Зеев) Ханин, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Израиль – повестка дня будущих выборов.....	9
Израиль – муниципальный ресурс будущих парламентских мандатов	30
Израиль: борьба правящей коалиции вокруг новой версии закона о (не)призыве ультрарелигиозных евреев в ЦАХАЛ ...	46
Юридическая дипломатия, гражданское общество и политическая борьба в Израиле	69
Иерусалим, Израиль и палестинские арабы в региональной политике США	99
Региональные аспекты «иерусалимской дипломатии» президента США Дональда Трампа	132
Антитеррористические аспекты периферийной стратегии Израиля	163
Курдская независимость и «палестинское единство»: взгляд из Израиля	177
Антиизраильская пропаганда в эпоху кризиса BDS	198

ВВЕДЕНИЕ

На 2017 и первые месяцы 2018 года пришлось целое созвездие связанных с еврейским государством памятных дат, общественное значение которых, судя по оживленной дискуссии в израильских и международных информационных, дипломатических, академических и политических кругах, далеко выводит их за рамки простых исторических символов. Среди этих дат – полувековой юбилей впечатляющей победы Израиля над армиями пяти арабских стран в Шестидневной войне 1967 года, решительно изменившей геостратегический расклад сил в Восточном Средиземноморье.

В августе того же 2017 года отмечалось 120-летие Первого сионистского конгресса. Затем, 2 ноября – 100-летие Декларации Бальфура о признании Палестины (в еврейской исторической традиции – Эрец-Исраэль, то есть «Земля Израиля») Великобританией, а за ней и другими великими державами и некоторыми региональными силами, включая Турцию и «фракцию эмира Фейсала» в панарабском движении местом «национального дома для еврейского народа». Далее, 29 ноября («каф-тет») 2017 года отмечалось 70-летие судьбоносного голосования на Генеральной ассамблее ООН о разделе территории Западной Палестины между евреями и арабами. Это, как известно, было принято сионистским движением и открыло путь к провозглашению Государства Израиль, но было решительно отвергнуто лидерами стран ЛАГ и палестинскими арабами, инициировавшими первую арабо-израильскую войну (в израильской традиции – Война

за независимость), в которой арабы потерпели поражение, а тема создания еще одного арабского государства на территории к западу от реки Иордан была надолго (а возможно, и навсегда) снята с повестки дня.

В апреле 2018 года широко отмечалось 70-летие независимости Израиля, который пришел к этой дате с внушительным списком достижений в различных сферах. Включая экономическую (присутствие в первой и второй десятке наиболее развитых стран мира), политическую (единственная полноценная либеральная демократия на «Большом Ближнем Востоке») и социальную (19-е место в мире по «индексу человеческого развития»). Наконец, в ноябре 2018 года будет отмечаться столетие окончания Первой мировой войны, итоги которой заложили как основы современной ближневосточной геополитики, так и корни ее нынешней трансформации.

Общественная полемика вокруг условий возникновения этих событий и их последствий для еврейского государства, региона и мира в целом, в свою очередь, стала немаловажным фоном деятельности правоцентристского израильского правительства, сформированного по итогам выборов в марте 2015 года в израильский парламент – Кнессет XX созыва. Нетрудно заметить, что это правительство, которое уже в четвертый раз за его политическую карьеру возглавил лидер правоцентристской партии Ликуд Биньямин Нетаньяху (как раз в апреле 2018 года отметивший собственный юбилей – 30-летие политической деятельности), встретило середину своей каденции на рубеже 2017–2018 годов в довольно неординарной внутри- и внешнеполитической ситуации.

С одной стороны, экономика Израиля продолжает демонстрировать устойчивый рост, выдвинувший страну по этому параметру на первые позиции среди государств-членов ОЭСР, сопровождаемый достижением исторического минимума безработицы и заметным – несмотря на все имеющиеся социальные перекосы – повышением уровня и качества жизни населения.

Геополитическое положение Израиля в ближневосточном регионе, который продолжают сотрясать последствия «арабской весны», по большинству мнений, является едва ли не лучшим за всю его историю. А статус еврейского государства в системе международных отношений радикально укрепился с приходом в США к власти республиканской администрации Дональда Трампа, однозначно настроенной снять шероховатости в отношениях, накопившиеся за восьмилетнюю каденцию предыдущей демократической администрации, и углубить стратегическое партнерство двух стран. Декларация Трампа о признании Иерусалима столицей еврейского государства стала пиком беспрецедентных дипломатических успехов Израиля, которые, по мнению аналитиков, имеют мощный кумулятивный потенциал.¹

Помимо укрепления стратегического сотрудничества с США и ключевыми странами Европы и Азии и выстраивания партнерских отношений с РФ и рядом других постсоветских государств, этот период демонстрировал определенный позитивный перелом в борьбе с кампаниями дипломатической и политической делегитимизации еврейского государства, включая фактический провал движения BDS. Наконец, в 2017 и 2018 годах на новый качественный уровень вышла т.н. периферийная стратегия внешней политики страны, предполагающая налаживание двусторонних отношений с неарабскими странами и другими потенциальными союзниками Израиля в Восточном Средиземноморье. А также расширение израильского торгово-экономического, технологического и дипломатического присутствия в Азии, Африке и Латинской Америке и установление отношений стратегического партнерства с ключевыми странами этих регионов.

«Время работает на Израиль», – пишет в обзорной статье о геополитическом положении еврейского государства в день его 70-летия, известный израильский политолог, президент Иерусалимского института стратегических исследований (Jerusalem Center for strategic studies)

Эфраим Инбар. «Простой взгляд на соотношение сил Израиля и его противников, на ресурсы внутренней политической устойчивости страны и ее роль в международном сообществе доказывает, что в обозримой перспективе Израиль будет среди тех, кто [не подчиняется чужим, а] задает свои правила игры». ²

Все это, казалось бы, работает на нынешнее правительство страны, куда помимо упомянутой правоцентристской партии Ликуд Биньямина Нетаньяху входят также центристская партия «Кулану», «светская правая» партия «Наш дом – Израиль» (НДИ), правый религиозно-сионистский блок «Еврейский дом» и две фракции ультрарелигиозных евреев – сефардская партия ШАС и ашкеназский блок «Яхадут ха-Тора». Имеется в виду, что позитивные тенденции в экономике и эффективность линии, проводимой правительством в вопросах внешней политики и безопасности, являющихся главным политическим водоразделом в израильском обществе, по идее, способны обеспечить крайне нечастый в новейшей истории результат. А именно, сохранить правящую коалицию до официального конца каденции Кнессета XX созыва (ноябрь 2019 года) или хотя бы до истечения четырехлетнего срока его деятельности в марте т. г., без назначения очередных внеочередных выборов.

Но именно в 2017-м и первом квартале 2018 года мощный политический резонанс приобрели гражданские сюжеты, ранее находившиеся на периферии общественного внимания – «чистота власти» и особенно новый виток конфликтов, связанных с темой «государство и религия». Эти сюжеты стали не только перспективным электоральным инструментом в арсенале оппозиционных левых партий, которые таким образом надеются с помощью новой повестки дня переломить уже десятилетнюю тенденцию доминирования «правых». Но, по сути, стали и фактором политических конфликтов и противоречий внутри широкого правого и широкого левого сегментов израильской политики.

Статьи, включенные в настоящий сборник, и являются опытом оперативного анализа отмеченных новейших процессов и тенденций внешней и внутренней политики Израиля последних полутора лет. Принимая на себя всю ответственность за изложенные в текстах оценки и выводы, автор хотел бы выразить искреннюю признательность инициатору данного проекта – президенту Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановскому и его директору Е.Л. Жигуну.

¹ См., например: Eran Lerman. 2017: Israel's Year of Diplomatic Triumph // *Mosaic Magazine*, 29.01.2018; Dore Gold. Israel at 70: Flourishing against All Odds // *Jerusalem Center for Public Affairs*, 17.04.2018.

² Efraim Inbar. The Future of Israel Looks Good // The Jerusalem Institute for Strategic Studies (JISS), 18.04.2018. – <http://jiss.org.il/en/inbar-future-israel-looks-good/>

ИЗРАИЛЬ – ПОВЕСТКА ДНЯ БУДУЩИХ ВЫБОРОВ

10 февраля 2018 года исполнилось десятилетие непрерывного нахождения у власти правительств, формируемых коалицией, которую столь же неизменно возглавляет Биньямин Нетаньяху, лидер все эти годы остающейся правящей правоцентристской партии Ликуд. Нынешнее, третье по счету за это время (или четвертое за всю его политическую карьеру) правительство Нетаньяху было сформировано по итогам парламентских выборов в марте 2015 года, соответственно, действующий Кнессет XX созыва вступил в четвёртый год своей каденции.

Современная ситуация

Следующие выборы в Кнессет формально должны быть проведены в ноябре 2019 года, то есть не через 48, а 56 месяцев после предыдущих выборов, поскольку они были проведены досрочно. Однако есть неплохой шанс, что они также состоятся ранее этой даты: по мнению многих обозревателей, это случится весной или в начале лета будущего года. Во всяком случае, повестку дня новой предвыборной кампании израильские СМИ активно обсуждают уже сегодня.

Главные усилия в этом смысле в основном исходят от оппозиционных партий, оспаривающих друг у друга лидерство в «широком левом лагере». Чьи вожди в очеред-

ной раз надеются сделать то, что не удалось ни исторически «центристской» но затем сильно «полевевшей» партии «Кадима» в 2009 году, ни левоцентристской Партии труда (Авода) в 2013 году, ни ей же (уже как ведущей силе блока «Сионистский лагерь») в 2015 году. А именно – победить на выборах и сформировать левое или левоцентристское правительство, переломив тем самым тенденцию доминирования «правых» последних лет.

Сегодня на роль лидера «широкого левого лагеря» и в этом качестве – главного оппонента Ликуда выдвигается новая надежда левоцентристских элит и части левых – «Еш атид» («Есть будущее»). Позиционируя себя в качестве партии «умеренного центра», она одновременно подбирает отпадающих от Аводы избирателей из числа «старых мапайников» (представителей семей, ранее поколениями голосовавших за Аводу и ее предшественницу – некогда почти безраздельно правящую умеренно-социалистическую партию МАПАЙ), и голоса, «плавающие» между левым и правым блоком. А также предъявляет претензии на умеренные сегменты широкого правого лагеря, тем самым стремясь занять нишу «центристской партии власти», то есть повторить опыт изначально «центристской», партии «Кадима» эпохи Ариэля Шарона и Эхуда Ольмерта 2005–2008 годов (но затем заметно сдвинувшейся «влево»).

Еще накануне прошлых выборов в Кнессет Яир Лапид утверждал, что электоральная борьба «не будет проходить между левыми и правыми... а между правыми и центром. Большинство израильтян придерживается центристских взглядов. [И потому] у партий центра есть возможность совершить настоящие изменения в экономике Израиля, в израильском обществе и политике»¹. В марте 2017 года Лапид, излагая свое политическое кредо в интервью престижному американскому журналу «Politico», также утверждал, что во всем мире сегодня «центр возвращается к власти, [поскольку] протестные движения могут только протестовать – но не могут адекватно

управлять». А реальный политический водораздел Лapid представил в довольно расплывчатой схеме противостояния между «экстремистами справа и слева, которые пытаются упаковать реальность в привычные идеологические модели», и «людьми, которые стараются продвинуть позитивную повестку дня». То есть такую повестку, которая, как он считает, «только и способна создать нацию».²

И примерно это же Я.Лapid продолжает говорить и сегодня. Например, в выступлении 31 января на международной конференции Тель-Авивского Института исследований национальной безопасности (Institute for national Security Studies – INSS) Лapid вновь заявил, то «ответственность должна исходить от центристов, а не от людей, придерживающихся крайних взглядов».³

И все же пока очевидный рост популярности «Еш атид», которой опросы обещают от 20 до целых 25 мандатов, происходит в основном за счет перераспределения голосов внутри «широкого левого лагеря». Потому шансы на то, что совокупный потенциал этого лагеря на ближайших выборах перевесит совокупную поддержку партий, позиционирующих себя в правой части политического спектра, по-прежнему невелики. На то есть целый ряд причин, такие как ассоциирование в глазах большинства израильтян «левых» политиков с негативными последствиями инициированного ими «палестино-израильского мирного процесса» (т.н. «соглашения Осло»). Причем неоднократные попытки лидеров левоцентристских списков «замести под ковер» эту невыигрышную для них тему (как пыталась сделать в 2013 году лидер Аводы Шели Яхимович, и предпринимал усилия в том же направлении нынешний председатель партии Ави Габай) чаще всего остаются безуспешными. Не менее важной причиной является и то, что левой оппозиции непросто убедить избирателей в декларируемых ею неудачах правящей коалиции в актуальных для израильского общества сферах – внешней политике и безопасности, развитии экономики и социальной сферы.

Действительно, геополитическое положение Израиля в регионе в последние годы и его статус в системе международных отношений были, по многим признакам, одними из лучших за историю страны. Команда Нетаньяху в Ликуде и его (почти) постоянные коалиционные партнеры – лидер НДИ Авигдор Либерман, глава религиозно-сионистского блока Нафтали Беннет и другие – смогли выдержать давление прежней администрации США, требовавшей от Израиля кардинальных уступок на «палестинском треке», и сохранить геостратегический статус-кво между рекой Иордан и Средиземным морем. А с приходом в Белый дом команды Дональда Трампа готовность американцев принять израильское видение ближневосточного конфликта и путей его разрешения возросла радикально.

Израиль едва ли не впервые в своей истории оказался чужим на «празднике арабской весны», погрузившей регион в пучину межгосударственных и национально-религиозных противоречий, на фоне которых значимость арабо-израильского и тем более палестино-израильского конфликта драматически снизилась. И более того, он стал свидетелем растущей заинтересованности умеренных прозападных арабских режимов к сотрудничеству с Израилем на фоне общих вызовов и угроз – стремления шиитского исламистского Ирана к региональному доминированию и вызовов радикального суннитского исламизма. Что, в свою очередь, стимулирует и ранее невиданный уровень готовности режимов «умеренного суннитского лагеря» к достижению компромисса с еврейским государством и в отношении палестинских арабов.

Далее, наблюдается в целом успешное противостояние кампаниям дипломатической и политической делегитимизации и экономических бойкотов Израиля, инициированным противниками еврейского государства в арабо-исламском мире и их партнерами в леворадикальных кругах стран Запада, включая фактический провал политики BDS. И наконец, более чем удачное возрождение после краха «доктрины Осло» и начала охватившего арабские

страны региона «исламистского цунами» т.н. периферийной региональной стратегии. Предполагающей налаживание двусторонних отношений с неарабскими странами и другими потенциальным союзниками Израиля в Восточном Средиземноморье, а также расширение израильского торгово-экономического, технологического и дипломатического присутствия в Азии, Африке и Латинской Америке и установление отношений стратегического партнерства с ключевыми странами этих регионов.

Что касается экономики, то Израиль все эти годы пожинал плоды либеральных реформ начала века, что на фоне вменяемой фискальной политики последующих лет стимулировало дальнейшую постиндустриальную трансформацию экономики страны. Итогом чего стал быстрый рост ВВП, дохода на душу населения, привлекательности внутреннего рынка для вкладчиков, снижение инфляции и рост экспорта (превысившего в 2017 году уровень в 100 млрд долларов США, включая \$43 млрд в сфере high-tech). В дополнение к этому – позитивная динамика таких показателей, как «индекс человеческого развития», темпы сокращения безработицы (до 4% в 2017 и 3,7% в январе 2018 года – уровень, предшествующий почти полной занятости и самый низкий среди государств ОЭСР), рост общественного потребления и других параметров. Что и позволило Израилю занять вполне почетные места в первой и второй десятке наиболее развитых стран мира.

В свете этих данных критика оппозиции «провальной», по ее мнению, экономической политики правительства для большинства израильтян не выглядит вполне убедительной. Разумеется, у этого экономического роста имеется и обратная сторона – серьезные диспропорции и «перегрев» экономики, значительный разрыв в доходах (при общем росте их уровня) между различными общественными слоями – что, естественно, не раз вызывало всплески общественного недовольства. Их апогеем, как мы помним, стала прокатившаяся по стране летом и осенью 2011 года волна протестов против дороговизны жилья и общего повышения

стоимости жизни, которая на своем пике вывела на улицы городов Израиля сотни тысяч демонстрантов.⁴

Правда, и тут был свой показательный нюанс: в отличие от прошлых выступлений такого рода, главной темой которых было положение малообеспеченных слоев населения, указанное общественное движение проходило под лозунгом «борьбы за право дискриминируемого среднего класса». Потому главным «бенефициаром» тут оказалась не «социал-демократическая» Авода, лидеры которой, как и следовало ожидать от оппозиции, немедленно возложили на правительство (в котором они пребывали с 2009 до января 2011 года) вину за «провалы в социально-экономической политике». А все та же «Еш атид» находилась тогда в процессе своего создания в качестве очередной «партии центра». И подобно своим предшественницам – как правило, лидерским партиям одной идеи (one-man show, one-issue parties), – выдвинула в качестве таковой тему «борьбы за статус и права среднего класса, несущего на себе основную нагрузку налоговых и гражданских обязанностей», каковая и стала «хитом» последующего электорального сезона.

Данная стратегия с ходу принесла партии 19 мандатов на выборах 2013 года, с которыми «Еш атид» и вошла в третью правительственную коалицию Биньямина Нетаньяху, где лидер партии Яир Лапид занял пост министра финансов. Но потеряла почти половину этого потенциала на выборах 2015 года, когда объявленная тема во многом (и, вероятно, на время) ушла с повестки дня.

В любом случае долгосрочное влияние данных факторов не следует преувеличивать. Так, отчеты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР – клуба наиболее развитых стран мира, куда входит и Израиль) в последние годы стабильно фиксируют более высокую степень удовлетворенности уровнем и качеством жизни израильтян, чем в большинстве членов этой организации. В конце первого и на протяжении второго десятилетия нынешнего века этот параметр составлял

в Израиле 7,2 пункта по десятибалльной шкале по сравнению с 6,5 в среднем по ОЭСР.⁵

В свою очередь, сравнительно недавний репрезентативный опрос общественного мнения (осень 2017 года), проведенный по заказу газеты «Едиот ахронот» (считающейся рупором лагеря наиболее непримиримых критиков Биньямина Нетаньяху и его правительства), показал, что более половины респондентов положительно оценивали экономическое положение в стране. Более 40% считали социально-экономическую политику правительства успешной, и более 70% участников опроса были удовлетворены положением в сфере безопасности. А параллельный опрос, проведенный по инициативе другого влиятельного израильского издания – «Маарив», показал, что почти 70% израильтян в сентябре 2017 года считали Израиль «хорошим местом для проживания», причем 86% опрошенных тогда оценивали свое положение как «вполне или в целом благополучное».⁶

Близкие данные в своем ежегодном отчете за 2017 год приводит и Израильский институт демократии, согласно которому 68% опрошенных им израильтян были оптимистично настроены в отношении своего будущего, и 84% считали Израиль «хорошим местом для проживания». Еще одним важным индикатором является желание более 80% опрошенных остаться в Израиле, даже если у них будет возможность получить гражданство США или одной из других западных стран. Причем тот же опрос показал почти полный паритет (соответственно, 46 и 46,5%) между теми, кто считал, что «жизнь в Израиле более сложна, чем в большинстве стран Запада», и теми, кто так не думал, а три четверти опрошенных признали, что молодежи в Израиле сегодня сложнее жить, чем молодежи прошлых поколений.⁷ В этой связи показательно, что хотя 60% опрошенных считали, что большой разрыв доходов различных слоев населения может создать угрозу демократии в стране, более половины респондентов все же полагали, что популярные в левых кругах утверждения о том, что

«израильская демократия находится в смертельной опасности», не соответствуют истине. А СМИ, по мнению 56% опрошенных израильтян, отражают ситуацию в Израиле «намного хуже, чем она есть в реальности».

Не следует забывать и то, что в Израиле различие социально-экономических доктрин («свободный рынок» или «социальное государство») не является главным водоразделом между «левым» и «правым» лагерем. Так, не только откровенно «либерально-рыночная» по своей идеологии «Еш атид», но и официально «социал-демократическая» Авода пользуются повышенной (в процентном отношении) поддержкой верхних слоев среднего класса и других обеспеченных общественных слоев. В ультралевой партии МЕРЦ, позиционирующей себя как социально-либеральное движение, долгие годы была «радикально-рыночная» фракция, а во всех правых партиях (Ликуд, НДИ и «Еврейский дом»), официально отстаивающих идею экономического либерализма, есть мощное социальное лобби. Потому как тем идеологическим «левым», в смысле их отношения к внешней политике, которые считают себя сторонниками минимального вмешательства государства в рыночные процессы, так и тем идеологическим «правым», которые одновременно обеспокоены своими социальными и экономическими перспективами, нет нужды искать электоральное решение в «чужой» части политического спектра. В свете этих фактов не является сюрпризом стабильный перевес потенциала партий правого спектра над левым блоком, и эта тенденция, судя по всем данным, сохраняется и в эти дни.⁸

Гражданская тема

Похоже, что единственным перспективным ресурсом оппозиции в наступающем предвыборном сезоне остается третий, наряду с безопасностью и социально-экономической политикой, актуальный для общества пакет – социально-гражданская проблематика. В этот пакет

входят многочисленные сюжеты, но наибольшее звучание в последнее время получила проблема борьбы с коррупцией, привлекая общественное внимание в связи с расследуемыми полицией подозрениями в отношении якобы противоправных действий премьер-министра и его окружения.

С лета 2017 года страницы газет и волны электронных СМИ заполнены бесконечно сливаемыми туда деталями, подробностями и непроверенными слухами, касающимися расследований, получивших кодовые наименования «дело 1000», «дело 2000», «дело 3000», и «дело 4000». Первое рассматривает незаконное, по версии следствия, получение семьей Нетаньяху от состоятельных бизнесменов подарков в виде дорогих шампанского и сигар. Второе – якобы имевшие место попытки премьер-министра договориться с издателем газеты «Едиот ахронот» о снижении в ее публикациях накала критики в его адрес. Третье, по которому Нетаньяху проходит в качестве свидетеля, имеет отношение к подозрению против членов близкого окружения главы правительства, якобы вовлеченных в сомнительные, как утверждают их критики, схемы приобретения у Германии нового поколения подводных лодок. И четвертое, наиболее проблематичное, по мнению комментаторов, дело касается подозрений в адрес премьер-министра о якобы продвижении им бизнес-интересов владельцев компании «Безек».

Если верить оценкам немалого числа экспертов в области уголовного права, основания для предъявления претензий самому Нетаньяху по каждому из этих дел весьма неочевидные. Собственно, как пишут израильские СМИ и как сообщил сам генпрокурор Авихай Мандельблит еще 23 января 2018 года, полиции пока не удалось собрать убедительные улики для выдвижения против премьер-министра Биньямина Нетаньяху проекта обвинительного заключения, которое могло бы быть принято судом. Максимум, в чем можно обвинить премьер-министра, – это минорные нарушения админи-

стративных положений или расплывчатых норм «общественного доверия».

Сам же Нетаньяху отрицает все подозрения (его чеканная фраза «ничего не будет потому, что ничего и не было», широко цитируется), демонстрирует хладнокровие и *business as usual*. А сторонники премьер-министра активно намекают на то, что возбужденные полицией расследования имеют политическую подоплеку. Дополнительным аргументом сторонников подобной версии стала публикация 25 февраля 2018 года 10-м каналом ТВ Израиля переписки между судьей Ронит Познански-Кац, рассматривавшей просьбу полиции о продлении сроков содержания под стражей подозреваемых по «делу 4000», и представителем Управления ценных бумаг, расследующим это дело. С помощью переданных через WhatsApp сообщений представитель Управления инструктировал судью о желаемом направлении судебного заседания и решениях, которые на нем должны быть приняты, включая сроки помещения под стражу подозреваемых.

Этот материал стал причиной скандала в юридической и судебной системе Израиля. Министр юстиции Аелет Шакед и председатель Верховного суда Эстер Хайют приняли решение обратиться к Управляющему по работе с жалобами населения на судей, по итогам которого судья Ронит Познански-Кац была отстранена от ведения «дела 4000».

Сложно сказать, в какой мере все эти события подтверждают популярные в окружении премьер-министра Израиля утверждения, что речь идет чуть ли не о заговоре оппозиционных политиков и негативно настроенных к Нетаньяху кругов судебно-полицейской элиты. Однако трудно не заметить, что публичный антураж и полемика в СМИ, сопровождающие всю эту историю, вызывают у лидеров оппозиции понятное искушение попытаться заработать на продвижении данной темы какие-то политические дивиденды.

Одну из первых попыток такого рода в июле 2017 года предпринял бывший начальник Генштаба ЦАХАЛа и бывший

министр обороны Израиля Моше ("Буги") Яалон, который присоединился к критике премьер-министра Биньямина Нетаньяху за его роль в процессе приобретения израильским ВМФ новейших подводных лодок германского производства. А заодно выдал резкую отповедь нынешнему министру обороны, лидеру партии "Наш дом – Израиль" (НДИ) Авигдору Либерману, который заметил, что именно Яалон в качестве главы оборонного ведомства вместе с премьер-министром принимал решение об этой сделке и потому не мог не быть в курсе ее деталей. И коль скоро, по мнению Яалона, в этом деле была коррупционная составляющая, ему не следовало так долго держать эту информацию при себе.

Реакция бывшего министра обороны на критику в свой адрес выглядела как потребность человека, который ступает на партийно-политическую стезю, в некоем символе, который поможет ему застолбить место в желаемой им нише политического спектра страны. И подтверждение данного заключения не заставило себя ждать: уже в конце февраля второй канал телевидения Израиля сообщил, что Моше Яалон приступил к формированию собственной умеренно-центристской партии, главой которой он намерен баллотироваться в Кнессет XXI созыва. А сам бывший министр обороны вскоре после этого признал, что он уже «ездит по стране, встречаясь с самыми разными людьми и формируя свой политический потенциал».

Парламентские мандаты для своего проекта он намерен отобрать у партий, занимающих эту нишу сегодня. Прежде всего, у левоцентристского списка «Еш Атид» бывшего министра финансов Яира Лапида, который сегодня вновь набирает электоральные очки. А также у центристской партии «Куляну» нынешнего министра финансов Гилада Эрдана, которая, напротив, сейчас стремительно теряет свою популярность. Иными словами, пока Моше Яалон намерен идти по традиционному пути инициаторов центристских проектов в израильской ситуации – попытаться «втиснуться» в узкий промежуток между левым и правым лагерями политического спектра, точнее –

партиями-лидерами этих лагерей. «Широкого правого», который возглавляет правящий Ликуд, и «широкого левого», за лидерство в котором сегодня борются два левоцентристских списка – упомянутый «Еш Атид» и блок «Сионистский лагерь».

Инициаторы каждого нового центристского списка, как правило, претендуют на «плавающие» между этими блоками голоса (обычно 4–5 мандатов). И одновременно пытаются «отщипнуть» и какую-то часть собственно «правого» и «левого» электората, делая акцент на одном из них. Разумеется, все это будет иметь смысл, если инициаторы нового политического проекта оказываются в состоянии выдвинуть некую востребованную в обществе идею. Здесь может быть одно из двух: либо сделать ставку на выдвижение внешнеполитической программы, альтернативной платформам ведущих партий правого и левого блока. Либо, напротив, не слишком акцентировать тему арабо-израильского противостояния, которая может мгновенно развести потенциальных избирателей нового списка по привычным «правому» или «левому» политическим углам (что постоянно и происходит). А вместо этого предложить им популярного лидера (каковым в своем случае Буги, судя по всему, полагает себя), или же привлекательную социально-экономическую и/или гражданскую идею.

Перспективность первого, «внешнеполитического» сценария для Моше Яалона пока неочевидна. И это несмотря на, казалось бы, естественную для бывшего министра обороны и начальника генштаба возможность занять нишу «обеспокоенного битхониста» (профессионала национальной безопасности). Как, собственно, с разным успехом в прошлом уже пробовали делать многие левые или сдвигающиеся влево выходцы высшей военной элиты страны (Эхуд Барак, Ами Аялон, Шауль Мофаз, Ави Дихтер и другие).

Этого искушения явно не избежал и Яалон, выступив год назад в тандеме со своим «визави» из левого лагеря, Эхудом Барак на Герцлийской конференции. Где оба

думающих о возвращении в большую политику бывших начальника Генерального штаба и министра обороны обрушились с резкой критикой на стиль руководства и политику в сфере безопасности премьер-министра Биньямина Нетаньяху и ключевых членов военно-политического кабинета. Впрочем, оба политика тогда поспешили заявить, что их союз невозможен из-за различия во взглядах на внешнеполитические и социально-экономические вопросы.⁹

Тем не менее, высказывания Яалона по вопросам региональной политики пока не выходят за рамки заявлений о том, что он расходится в представлении о путях и перспективах диалога с ПНА с лидером «Еш Атид» Яиром Лапидом (программа которого мало отличается от идей окружения бывшего лидера Аводы Бужи Герцога). На презентации своей платформы в ходе мероприятия, проведенного 23 февраля с. г. занимающейся продвижением Яалона организацией «Манхигут ахерет» ("Другое лидерство") в коллективном поселении Бейт-Хорон, им было сделано несколько общих замечаний по поводу желаемой им модели политического статуса для палестинских арабов. Включая максимальный внутренний суверенитет при сохранении экономических связей с Израилем, который будет полностью контролировать границы, воздушное пространство и ситуацию в сфере безопасности. Что, как можно заметить, совпадает с концепцией Биньямина Нетаньяху палестинского "государства минус", а идея Яалона о политике «кнута и пряника» в отношении Сектора Газа идентична программе Авигдора Либермана.

Примерно те же идеи Яалон озвучил и три месяца спустя, утверждая, что в «палестино-израильском конфликте у Израиля нет партнера для окончательного соглашения. Палестинцы зависят от нас, не в состоянии существовать без нас, и так будет продолжаться еще очень долго. То, к чему стоит стремиться – поддерживать статус-кво в отношении палестинских арабов, включая ХАМАС. [Ибо] шансов для соглашения с палестинцами нет, хотя и управлять ими я тоже не намерен».¹⁰

Таким образом, какую-либо оригинальную идею в сфере внешней политики и безопасности Яалон пока не представил. А его массированная критика премьер-министра и бывших коллег по правительству, Нафтали Беннета и Авиغدора Либермана, которых экс-министр обороны обвиняет в безответственности, популизме и гонке за рейтингом, вакуум позитивной платформы практически не заполняет.

В итоге в активе у Яалона пока остается только второй «центристский» сценарий партийного строительства, именуемый в израильской политической традиции “one-man, one issue party” – лидерская партия одной, но привлекательной идеи. Например, Моше Кахлон, который, как и теперь Яалон, за два года до прошлых выборов покинул Ликуд и основал партию «Куляну», занявшую в 2015 году ныне желаемую Яалоном центристскую нишу, и электорат которой, как отмечалось, Буги, видимо, готов освоить, в качестве такой идеи избрал социальную тему. Он пообещал тогда снижение цен на жилье и товары первой необходимости, помощь пожилым людям и молодым семьям, что и принесло партии голоса, обеспечившие ей 10 мандатов в Кнессете. И сейчас уже неважно, что многие из ее бывших избирателей сильно разочарованы результатом ее деятельности. Что же в этом смысле может предложить Моше Яалон?

Обвинительный приговор в деле Лиора Азари – бойца ЦАХАЛа, который в марте 2016 года добил атаковавшего израильских солдат и уже нейтрализованного арабского террориста, (о чем подробнее пойдет речь в ниже), позволил Яалону озвучить политическую и гражданскую составляющую своей платформы – пока достаточно аморфной, но уже включающей некий базовый ценностный компонент. Его роль выполняет идея «уважения к мнению международного сообщества в существенно большей степени, чем это кажется многим израильтянам» в процессе принятия политических решений, включая пути, которые Израиль должен выбирать для купирования террористической угрозы.

Если к этому добавить декларации Яалона об отсутствии сегодня «прямой и непосредственной угрозы существованию Израилю», из чего проистекает его требование к правительству «прекратить запугивать граждан новым Холокостом, который якобы вот-вот разразится». А также отказаться от закупки части дорогостоящих вооружений (типа трех новых субмарин у концерна Thyssenkrupp), перенаправив средства на «нужды инвалидов, больницы, приемные отделения, и на бедность, которая существует в нашей стране».¹¹

И наконец, заявление о том, что «самая большая проблема в стране – это коррупция», хотя и «оборонная тема [тоже] вызывает тревогу»,¹² в итоге сформирует, как, вероятно, представляют имиджмейкеры Яалона, его новый политический образ. Который можно обозначить так: «идеологически умеренный лидер, настаивающий на приоритете либерально-гражданских ценностей» в сочетании с заботой о социальном благополучии и «разумном понимании» задач обеспечения безопасности страны.

Собственно, и свое решение покинуть правительство и Кнессет в мае 2016 года Яалон объяснил последовательной радикализацией Ликуда, а также распространением культуры ненависти между всеми слоями в обществе. Утверждая, что «в сегодняшнем Ликуде Владимир Жаботинский [основатель ревизионистского течения в сионизме, являющегося официальной платформой Ликуда] и Менахем Бегин [символ «либерального лица» и моральный авторитет этой партии] не прошли бы праймериз», Яалон намекает, что именно он и является настоящим ликудником. Имея, правда, в виду не заявку на лидерство в этой партии, а на ее электорат для своего проекта.

Впрочем, главным соперником Яалона, по мнению наблюдателей, на этом этапе является не столько Биньямин Нетаньяху, сколько лидер «Еш атид» Яир Лапид, которого бывший министр обороны хотел бы, собрав голоса со всего умеренного спектра, оттеснить с позиции главной альтернативы лидеру Ликуда. Эффект от подобных усилий, судя по опросам общественного мнения, пока невелик.

Потому основными бенефициарами коррупционных скандалов надеются стать лидеры упомянутых левоцентристских списков, члены которых в той или иной степени заинтересованы спровоцировать отставку премьера и, соответственно, всего правительства, последствием чего станут досрочные выборы. Примером подобных настроений можно считать заявление лидера ведущего сегодня оппозиционного блока «Сионистский лагерь» Ави Габая, утверждающего, что «дело 3000» (о продаже Германией Израилю субмарин) «такое серьезное, что лишает премьер-министра права принимать решения в сфере безопасности», и если он окажется в числе подозреваемых по этому делу, то должен уволиться с поста главы правительства.¹³

Примерно в том же духе постоянно высказывался и лидер партии «Еш атид» Яир Лапид, считающийся сегодня главным соперником действующего премьера на пост следующего главы правительства. Так, летом прошлого года Лапид назвал историю с приобретением у Германии подлодок «самым крупным скандалом в израильской истории».¹⁴ А комментируя 31 января с. г. сообщения прессы о возможном вызове премьер-министра в качестве свидетеля по делу о германском контракте, Лапид повторил свое декабрьское высказывание, что «Нетаньяху – не второстепенный игрок в этом деле. Закупкой субмарин занимались самые близкие ему люди. И если он все знал, то пойдет в тюрьму. А если он действительно был не в курсе происходящего, то не может занимать пост главы правительства, ведь речь идет о безопасности государства».¹⁵

В полной мере эти факторы проявились в середине февраля, когда полиция опубликовала рекомендации отдать премьер-министра Биньямина Нетаньяху под суд по итогам проведенных расследований в рамках «дела 1000» и «дела 2000». Как и ожидалось, глава партии МЕРЕЦ Захава Гальон немедленно призвала Нетаньяху, который, по ее словам, «на фоне таких серьезных подозрений лишился морального права занимать свою должность», временно сложить с себя полномочия премьер-

министра. Того же потребовали и лидеры блока «Сионистский лагерь», пригрозив, если он сам не снимет с себя полномочия главы правительства, «сделать это за него». А депутат от этого блока и координатор действий оппозиционных фракций Йозель Хасон потребовал от юридического советника правительства назначить дату завершения работы над окончательным решением по делам премьер-министра. (То есть завуалированно озвучил надежду не дать Нетаньяху закончить эту каденцию и спровоцировать досрочные выборы). В том же духе – «человек, против которого выдвинуты такие тяжелые обвинения, большую часть которых он даже не отрицает, не может продолжать руководить страной и нести ответственность за безопасность и благополучие граждан» – высказался и глава партии «Еш Атид» Яир Лапид, согласившийся также стать свидетелем обвинения по «делу 1000».

Общественное мнение

В свою очередь партнеры Ликуда по коалиции предложили всем ратующим за власть закона, последовать собственным рекомендациям и «не обвинять невиновного, пока не доказано обратного». А в самом Ликуде оппозицию призвали «не мешать премьер-министру Биньямину Нетаньяху продолжать управлять важными делами государства и спокойно ждать решения юридического советника правительства» (министр транспорта и разведки Исраэль Кац). И оценили ситуацию как «хорошо спланированный фестиваль прессы» и «печальную попытку добиться свержения правого правительства вопреки всем законодательным нормам» (министр экологии и по делам Иерусалима Зеэв Элькин). Их коллега министр культуры и спорта Мири Регев охарактеризовала происходящее как «открытие всем истинного лица провального политика Яира Лапида, который присоединился к тем, кто держит гильотину на улице Ротшильда и

пытается отстранить Ликуд от власти недемократическим путем».

Регев явно намекала на утверждение, что именно оппозиционные партии и симпатизирующие их идеологической платформе «неполитические» организации стоят за регулярными и достаточно шумными демонстрациями на тель-авивской площади Рабина, у резиденции премьер-министра в Иерусалиме и дома юридического советника правительства (возглавляющего в Израиле Генпрокуратуру) в Петах-Тикве. Их сравнительно немногочисленные участники требуют отставки главы правительства, но этот и другие драматичные заявления и лозунги пока находят не слишком большой отклик на уровне общественного мнения.

С одной стороны, израильская публика, согласно опросам, крайне негативно реагирует на случаи злоупотребления политиками своим положением и возможностями (например, согласно упомянутому исследованию ИИД 2017 года, не менее 80% респондентов считают, что «политики больше думают о своих интересах, чем об интересах народа») и считает коррупцию проблемой, требующей решения. Тем не менее в порядке приоритетов эта тема стоит заметно ниже вопросов безопасности, экономики, благосостояния населения, образования, экологии и иных сюжетов.

Не случайно упомянутые опросы газет «Едиот ахронот» и «Маарив», проведенные в конце прошлого года, показали, что жители Израиля вполне довольны деятельностью Биньямина Нетаньяху и его правительства, а публичные дебаты о (якобы) коррумпированности премьер-министра и его окружения практически не влияют на их электоральные предпочтения. Поэтому если бы выборы проходили в тот момент, партия премьера Ликуд выиграла бы их с большим отрывом от ближайших соперников – «Еш атид» и «Сионистского лагеря», а Нетаньяху обошел бы их лидеров Лапида и Габая в качестве предпочтительного кандидата на пост премьер-министра на 16–21 про-

центных пункта. Аналогичную картину показали заказанные несколькими средствами массовой информации опросы, проведенные на следующий день после публикации 14 февраля 2018 года полицией рекомендации отдать под суд премьер-министра Биньямина Нетаньяху по обвинению в коррупции.

Так, опрос телекомпании «Решет», показал, что 49% респондентов верят полиции, 25% верят премьер-министру и еще 26% не знают, кому верить. Но 73% респондентов считают, что глава правительства должен остаться на своем посту, и только 17% ожидают, что Нетаньяху временно уйдет с занимаемой должности. Другой опрос, заказанный Десятым каналом ИТВ, показал, что полиции доверяют 53% и еще 13% не имеют определенного мнения, а 34% считают, что полиция участвует в заговоре с целью государственного переворота. Заметим, что согласно этим опросам, респонденты разделились почти поровну в отношении вопроса, должен ли Нетаньяху временно окончательно уйти в отставку, или может продолжать работать в обычном режиме. Однако лишь 12% респондентов заявили, что их позиция в отношении премьер-министра изменилась после публикации рекомендаций следователей. В итоге упомянутые опросы не только не зафиксировали падения рейтинга Ликуда, но и, напротив, показали даже некоторый его рост.

Итоги опубликованного два дня спустя опроса, проведенного авторитетным Институтом Смита по заказу газеты «Маарив», показали, что данная тенденция лишь набирает силу. Согласно данным этого опроса, 48% респондентов считали премьер-министра Биньямина Нетаньяху коррумпированным, но 43% из них (относительное большинство) полагали, что ему не следует уходить в отставку (25% считали, что Нетаньяху должен временно уйти с занимаемой должности, и 22% – что он должен уйти в отставку прямо сейчас). Ликуд в любом случае сегодня получил бы на выборах 28 мандатов против 22 у «Еш атид», а разрыв между

правым и левым лагерем в целом по-прежнему составляет не менее 10 мандатов.¹⁶

Наконец, опубликованные 24 февраля 2018 года службой новостей коммерческих каналов «Кешет» и «Решет» итоги опроса, проведенного институтом «Мидгам», показали, что если бы выборы в Кнессет 21-го созыва состоялись сегодня, то рейтинг Ликуда на фоне проводимых против премьер-министра расследований даже вырос бы. Партия получила бы, по этим данным, 28 мандатов (самый высокий показатель в опросах этого института за последний год), в основном, за счет оттока голосов из центра и от правой религиозной партии «Еврейский дом».

Напрашивающийся в этой связи вывод таков: израильтяне считают, что страной должен управлять тот, кто способен не поддаваться давлению извне и обеспечить дальнейший уверенный экономический рост. Левые в Израиле смогут победить, если будут в состоянии убедить избирателя в своей способности решить первоочередные политические и экономические проблемы лучше нынешних коалиционных партий. И это остается за пределами вопроса о чистоте власти, сколь бы важным он ни был.

¹ «Вменяемый центр против сумасшедших экстремистов». Интервью Яира Лапида сайту Newsru.co.il, 17 сентября 2015, <http://www.newsru.co.il/israel/17sep2015/lapidint701.html>

² Цит. по: Susan S. Glasser. The Man Who Would Beat Bibi // *Politico*, 24.03.2017, <https://www.politico.com/magazine/story/2017/03/benjamin-netanyahu-israel-politics-yair-lapid-interview-214945>

³ Head of Yesh Atid, MK Yair Lapid at the 11th Annual International Conference of the Institute for National Security Studies (INSS), 31.01.2018. – <http://www.inss.org.il/head-yesh-atid-mk-yair-lapid/>

⁴ Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. – Классовая борьба в Израиле: опыт социально-политического анализа «палаточного протеста»: Доклад на международной научной конференции «Россия Израиль: 20 лет восстановления дипломатических отношений», 24–25 октября 2011 года, Москва, Институт востоковедения РАН.

⁵ Measuring and Assessing Well-being in Israel (Paris: OECD, 2015), <http://www.oecdbetterlifeindex.org>

⁶ Цит. по: Gil Hoffman. Corruption? Shmorrution! Polls show Israelis don't care // Jerusalem Post, 25.09.2017.

⁷ Tsmar Herrman, Chanan Cohen, Ella Heller, Tzipy Lazar-Shoef and Fadi Omar. Israeli Democracy Index 2017. Jerusalem: The Guttman Center for Public Opinion and Policy Research, IDI, 2017, <https://en.idi.org.il/publications/20280>

⁸ См., напр.: «Опрос: "Ликуд" громит "Сионистский лагерь", ШАС проваливает выборы», 28 Aug. 2017, <http://9tv.co.il/news/2017/08/24/247174.html>; Опрос 10-го канала ИТВ, 1 ноября 2017; Тами Тохфельд. Внутренний опрос Ликуда: Нетаньяху вырывается вперед, у [партии] Лапида растут мандаты, а Габая разваливается // Исраэль Хайом, 1.02.2018 (на иврите).

⁹ Радио "Решет Бет", 31 июля 2016 года.

¹⁰ Интервью радиостанции «Тель-Авив», 12 мая 2017 года.

¹¹ Видеообращение Моше Яалона в социальной сети Facebook, 17.05.2017. – https://www.facebook.com/BogieYaalon/videos/1586739131359259/?hc_ref=NEWSFEED

¹² См.: Raoul Wootliff. Ya'alon warns: If Netanyahu isn't indicted for graft, I'll tell all // *The Times of Israel*, 17.05.2017.

¹³ Цит. по: Raoul Wootliff. Gabbay: "Netanyahu should resign if named as suspect in submarines affair" // *The Times of Israel*, 29.01.2018.

¹⁴ Цит. по: Lapid says submarine scandal worst graft case in Israeli history // *Times of Israel*, 14.07.2017.

¹⁵ Цит. по: Ynet, 25.01.2017,

<https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-5061782,00.html>

¹⁶ См. Арик Бендер. Опрос Маарив: порядка половины публики считают, что Премьер-министр должен временно уйти со своего поста или подать в отставку // Маарив, 16.02.2018, – <http://www.maariv.co.il/news/politics/Article-624368> (на иврите).

ИЗРАИЛЬ – МУНИЦИПАЛЬНЫЙ РЕСУРС БУДУЩИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ МАНДАТОВ

Почти устоявшейся традицией, как минимум, последних двух десятилетий израильской политики стало превращение выборов в местные органы власти в «предисловие» или «послесловие» ближайшей по времени электоральной кампании в Кнессет. Когда муниципальные списки, аффилированные с теми или иными общенациональными или секторальными партиями, соответственно, либо оттачивают свои «послания» избирателям на предстоящих общенациональных выборах, либо (ре-)структурируют свою муниципальную базу по их итогам.

Платформы предвыборной борьбы

Похоже, что следующие муниципальные выборы в Израиле, запланированные на октябрь 2018 года, тоже не станут исключением, как минимум, по двум причинам. Во-первых, очередные выборы в Кнессет, которые формально должны быть проведены в ноябре 2019 года (то есть не через 48, а 56 месяцев после предыдущих выборов, поскольку они были проведены досрочно), имеют неплохой шанс состояться тоже досрочно. По мнению многих обозревателей, это может случиться весной или в начале лета того года, то есть через несколько месяцев после муниципальной кампании. И что еще более важно в случае, если нынешние политические тенденции не изменятся, выборы в Кнессет и местные органы власти,

не исключено, продемонстрируют нечастую в израильской политике близость повестки дня.

В обычной ситуации размежевание между парламентскими выборами и выборными кампаниями в городские и региональные советы прослеживается достаточно четко. Если на первых, как правило, доминируют вопросы безопасности, стратегии экономической политики и прочие главные «водоразделы» общенациональной повестки дня, то вторые чаще всего сфокусированы на темах, имеющих прямое отношение к уровню и качеству жизни населения. Таких, как образование, транспорт, вопросы экологии, качество инфраструктуры и муниципальных услуг, размер местных налогов и сборов, строительство жилья и социальных объектов, взаимоотношения подрядчиков с городскими и региональными властями и лидерами местных групп интересов. И не в последнюю очередь, режим работы учреждений культуры и спорта, а также сферы обслуживания, в массе своей представленной предприятиями малого и среднего бизнеса.

В израильской ситуации данные социально-экономические и культурно-гражданские интересы весьма часто имеют и так называемую «секторальную коннотацию». То есть по-своему интерпретируются представителями т.н. «Первого Израиля» (потомки «первопоселенцев», в массе своей ашкеназского, то есть европейского происхождения, образующих ядро властно-собственнического истеблишмента и среднего класса страны) и каждой из четырех не принадлежащих к «культурно-политическому мейнстриму» этнообщинных групп. То есть «сефардами» (евреи-выходцы из стран Азии и Африки и их потомки – т.н. «Второй Израиль»), «русскими» (выходцы из стран бывшего СССР), и израильскими арабами. А также ультрарелигиозными ашкеназскими евреями – т.н. «харедим» (дословно – «трепещущие» [перед Б-гом]).

Список сюжетов муниципальной политики, которые нередко воспринимаются как факторы конфликтов между общинами – например, между евреями и арабами, «свет-

скими» и «религиозными», новыми репатриантами и «старожилами», выходцами из бывшего СССР и выходцами из стран Востока и пр., достаточно длинен. В нем имеются и приоритеты в финансировании учреждений, удовлетворяющих специфические культурные и образовательные потребности определенных социокультурных, субэтнических, этно-национальных и религиозных сообществ, и деятельность местных социальных и благотворительных организаций, и порядок работы торгово-развлекательных центров и бизнесов в субботу, праздники и обычные дни и, разумеется, система и кадровые приоритеты для муниципальных назначений.

Чаще всего на местном уровне эти разногласия и остаются – то есть решаются, или консервируются. Но в некоторых случаях, при осознании обществом той или иной из этих проблем как выходящих за рамки муниципальной политики и наличии определенного «партийно-политического запроса», они становятся фактором общенациональной повестки дня. И нечто подобное, по всем признакам, может иметь место на ближайших выборах в Кнессет, ибо оба запроса – общественный и партийный в нынешней ситуации однозначно присутствуют.

«Партийный запрос» в основном исходит от оппозиции: начиная с 2009 года у власти в стране находится коалиция правых и центристских партий, после каждого выборов неизменно формирующая правительство во главе с лидером правоцентристской партии Ликуд Биньямином Нетаньяху. И переломить эту тенденцию оспаривающие друг у друга лидерство в «широком левом лагере» – Партия Труда (Авода), «Кадима» и блок «Сионистский лагерь» так пока и не смогли. Нынешние надежды левой и левоцентристской части «старых» элит связаны с новым соискателем лидерства в «широком левом лагере» – партией «Еш атид» («Есть будущее») бывшего министра финансов Яира Лапида, которая одновременно позиционируя себя в качестве партии «умеренного центра», предъявляет претензии также и на умеренные сегменты «широкого

правого лагеря». И тем самым пытается переиграть Ликуд и его партнеров по коалиции, в том числе, и на их поле.

Как мы отмечали, убедить избирателей в том, что правительство провалилось в решении таких актуальных для израильтян вопросов, как внешняя политика и безопасность, и социально-экономическое развитие, лидеры оппозиции сегодня не в состоянии. В любом случае и здесь израильтяне скорее готовы поверить считающемуся «архитектором израильского экономического чуда» нулевых годов премьер-министру Биньямину Нетаньяху, который на заседании правительства отметил достижения «последовательной политики, которую [мы] ведем уже долгие годы». По его данным, эта стратегия «привела к беспрецедентному росту израильского рынка, росту ВВП, практически беспрецедентному снижению безработицы, которая достигла исторического минимума, росту доходов на душу населения, снижению социального неравенства, и значительному увеличению заработной платы представителей среднего класса и малообеспеченных слоев населения».¹

Продвижение темы «коррупционности власти» хотя и встречает немалый общественный резонанс, однако, как было сказано выше, пока никак не влияет на баланс сил между «широким правым» и «широким левым» лагерем: опросы свидетельствуют, что перевес пока однозначно на стороне первого. Потому лидеры «Еш атид» и иных партий, претендующих на роль силы, способной представить политическую альтернативу «правой коалиции», ориентируются на сюжеты, связанные с двумя другими главными политическими водоразделами израильского общества – взаимоотношения государства и религии и упомянутые социально-общинные конфликты.

Оба сюжета сегодня тесно переплетены на фоне раздражения многих израильтян попытками входящих в правящую коалицию ультрарелигиозных фракций – сефардской партии ШАС и ашкеназского блока «Еврейство Торы» (ЕТ) – изменить исторический статус-кво между светским и ре-

лигиозным населением страны в пользу религиозных общин и организаций. В то время как лидеры этих партий, в свою очередь, утверждают, что их действия направлены, наоборот, на прекращение уже давно идущей инфляции все того же статус-кво в пользу светских кругов, и небезуспешно пытаются собрать под своим зонтиком «всех, кому дорога еврейская (в значении религиозной) традиция». Включая тех из религиозных, соблюдающих традицию, и даже некоторых из тех светских, которые, в принципе, не имеют ничего против религиозно-культурной традиции как таковой, чьи голоса в «спокойном состоянии» рассеяны по иным общенациональным и секторальным спискам.

Заметим, однако, что размежевание между сторонниками борьбы за сохранение «традиционных культурных ценностей» или против «религиозного диктата в общественной жизни» сегодня отнюдь не проходит по обычной границе между левым и правым лагерем. Так, одним из наиболее жестких критиков изменения баланса общественной политики в интересах электората, формально примыкающих к «широкому правому лагерю» ультрарелигиозных партий, помимо оппозиционной «Еш атид», является «светская правая» партия «Наш дом – Израиль» (НДИ) министра обороны Авиغدора Либермана.

В свою очередь, в «широком левом лагере» имеется основная на сегодняшний день оппозиционная фракция – блок «Сионистский лагерь» (союз левоцентристских партий Авода и «Движение»), лидеры которого, разумеется, озвучивают критику в адрес процессов «харедизации» общественной повестки дня. Но все же имеют в своей среде тех, кто предлагает делать это более осторожно, полагая «безбрежную критику» инициатив ЕТ и ШАСа, возможно, политически непродуктивной. Поскольку эти партии, являющиеся не только ультрарелигиозными, но и социально-популистскими движениями, в перспективе могут стать «естественными союзниками» социал-демократической Партии труда (Авода) в борьбе против «радикаль-

но-рыночного» курса нынешнего правительства Израиля и тем самым шансом Партии труда когда-либо вернуться к власти. (Не случайно ситуация, когда председатель Партии труда Ави Габай, как пишет один из наблюдателей, «надевает на голову кипу и рассуждает о еврейской вере», так раздражает его критиков «слева»).

А примыкающие к тому же широкому левому лагерю арабские списки вообще в последнее время открыто блокируются с еврейскими ультраортодоксальными фракциями. В то время как «харедим» помогают арабским партиям торпедировать продвигаемый НДИ закон, запрещающий мечетям использовать громкоговорители в городах со смешанным населением, Объединенный арабский список в Кнессете поддерживает ШАС и ЕТ в актуальных для них вопросах. Таких, как закон о запрещении работы предприятий торговли, развлечений и общественного питания в субботние и праздничные дни (т.н. «Закон о супермаркетах», на иврите «Хок ха-марколим»), а также закон, который должен закрепить порядок освобождения ультрарелигиозной (и арабской) молодежи от призыва в ЦАХАЛ в качестве конституционной нормы.

И особенно – в продвижении законопроекта о расширении полномочий религиозных судов. Не случайно, эту сделку ШАС и ЕТ с Объединенным арабским списком представители НДИ назвали «скандальной и недопустимой», ибо, по их мнению, «при всем уважении к еврейскому праву, сама попытка создать параллельную юридическую систему вступает в противоречие с сионистской идеей и государственными устоями, сложившимися за 70 лет».²

Заметим, что данный демарш НДИ имеет вполне прочную политическую базу в его электорате, в массе своей, состоящем, подобно Авигдору Либерману, из выходцев из бывшего СССР. Причем речь идет как о твердом электоральном ядре НДИ, так и о тех, кто позиционирует себя как «неопределившихся», но в принципе готовых взвесить поддержку данной партии на выборах. Это, в частности, показал репрезентативный опрос граждан Израиля в воз-

расте 18 лет и старше, проведенный социологическим агентством ПОРИ (Public Opinion Research Institute) по инициативе информационного портала NewsRu в июле 2015 года по программе, предложенной автором этих строк. По данным этого исследования, принятое в начале нынешней каденции правительства (до присоединения к коалиции НДИ) решение о переводе раввинских судов из Министерства юстиции (которым руководит министр от религиозно-сионистского блока «Еврейский дом») в Министерство по делам религий (то есть под контроль ШАС) вызвало резкие возражения почти половины респондентов. (Еще четверть выступила за такое решение, и более четверти тогда не проявили к этой теме особого интереса).

Однако в секторальном разрезе тенденции были намного более очевидными. Против данного решения выступили почти 2/3 "русских израильтян" и половина представителей других еврейских сегментов израильского общества, в то время как четверть этой второй группы (то есть в 4,5 раза больше, чем среди выходцев из СССР/СНГ), включая, понятно, основную массу «харедим», были готовы поддержать эту идею. В то же время половина израильских арабов, принявших участие в опросе, заявили, что «им данная тема безразлична», и еще пятая часть выразила готовность согласиться с таким шагом. Что вполне объясняет готовность лидеров парламентских фракций евреев-«харедим» и израильских арабов, при всем несогласии по длинному списку иных вопросов, в данном вопросе найти полное взаимопонимание.

«Религиозные марокканцы» и «светские русские»

Все это в очередной раз подтверждает и еще один постулат израильской политики: тема культурно-религиозного противостояния работает особенно четко, если она приобретает политическую коннотацию в сочета-

нии с общинно-секторальными и социально-общинными интересами и конфликтами. Так, блок ультрарелигиозных ашкеназских партий «Еврейство Торы» в этой ситуации может рассчитывать также на часть голосов религиозных сионистов, в первую очередь из так называемого «ультра-ортодоксально-национального» лагеря, обычно голосующих за Ликуд, религиозно-сионистский список «Еврейский дом» и другие правые партии.

А избирателей этих, а также центристских партий из числа сефардов (евреев-выходцев из стран Востока и их потомков) может привлечь возглавляемая сефардскими ультра-ортодоксами социально-популистская партия сефардов-традиционалистов ШАС. Давая ей тем самым шанс значительно пополнить свое твердое электоральное ядро из числа этой группы избирателей, соблюдающих традицию и в массе своей населяющих периферийные «города развития» и социально неблагополучные, по израильским понятиям, кварталы мегаполисов. Адресом для критики со стороны этих партий во всех случаях являются «левые элиты светских ашкенази», встречные призывы которых к борьбе с «религиозным диктатом» в этой ситуации также приобретают вполне ощутимую (суб-)этническую коннотацию.

Иными словами, оба послания – и со стороны формально принадлежащих к «широкому правому лагерю» партий «харедим» и со стороны левых партий – направлены к умеренным сегментам правой части политического спектра. При этом партии еврейских религиозных ультра-ортодоксов фактически борются за перераспределение голосов внутри «широкого правого лагеря», к которому эти партии формально принадлежат.

Очевидно, что «антиклерикальные», а на их фоне, хоть и не высказываемые вслух, «антивосточные» послания левых партий скорее направлены не к избирателям собственного лагеря (хотя, отчасти, и к ним тоже, как видно на примере оттока к «Еш атид» голосов от Партии труда). Но скорее к «плавающим» центристским голосам,

особенно к умеренным сегментам правой части политического спектра, с помощью которых они надеются переломить в свою пользу десятилетний правый крен в настроениях израильских избирателей. Именно поэтому лидер «Еш атид» Яир Лапид (как и стремительно «центрирующий» Ави Габбай), как справедливо замечают комментаторы, «будет пытаться убедить избирателей, что он, не дай Б-г, не левый, и что его естественным партнером по будущей правительственной коалиции, разумеется, является Ликуд».

Наиболее перспективной в этом смысле группой принято считать «русскоязычных израильтян», которых, как непоколебимо уверены многие левые (и не только) политики, легко привлечь на свою сторону путем «незаметного» смещения акцентов. Например, переведя такие темы, как (якобы) отсутствие возможности заключения нерелигиозных браков, режим работы транспорта и предприятий в субботу и т.п., из категории непростых, но существенно менее политизированных гражданских вопросов на привычные рельсы светско-религиозного противостояния.

Искушение велико, и прецеденты действительно имеются. Так, примерно такой ход принес в 1999 г. успех тогдашнему лидеру Партии труда Эхуду Бараку на прямых выборах премьер-министра, причем львиная доля этого успеха была получена именно благодаря поддержке выходцев из бывшего СССР. Политтехнологи «русского штаба» Барака, положение которого на «русской улице» в начале кампании было близким к катастрофе, сумели убедить репатриантов в том, что в Израиле идет «война светской и религиозной культур», в свете которой меркнут «существенно менее актуальные для общины» сюжеты внешней политики и безопасности.

В итоге поддержка «антиклерикала Барака» репатриантами выросла с 18–19% в феврале до 54% накануне выборов в мае 1999 г., что, как считается, и обеспечило его победу. Что, заметим, не помешало ему начать формирование своего правительства с приглашения туда ультрарелигиозных партий. Но это было уже после выборов,

на которых его соперник, тогдашний (и нынешний) премьер-министр и лидер Ликуда Биньямин Нетаньяху, которому за время каденции удалось радикально снизить уровень палестинского террора и начать процесс подготовки либеральных экономических реформ (реализованных уже в новом веке) соответственно, проиграл. Ибо в период избирательной кампании он так и не смог убедить репатриантов в беспочвенности утверждений, что он отнюдь не намерен «продать страну религиозным ортодоксам».

Что-то подобное, хотя и в намного меньших масштабах, повторилось и на следующих выборах 2003 года. Агрессивная антиклерикальная пропаганда левоцентристской партии «Шинуй» («реинкарнацией» которой многие считают «Еш атид» Яира Лапида – сына покойного лидера «Шинуя» Йосефа (Томми) Лапида) тогда принесла ей 15 мандатов, включая 4 в «русском» секторе, отвоеванных в основном у тогдашнего фаворита «русской улицы» – партии «Исраэль ба-алия». Не вызывает сомнения, что левые и ультралевые партии – Авода, «Сионистский лагерь», МЕРЕЦ и, понятно, играющий на обоих полях – левом и центристском – «Еш атид» и сегодня крайне заинтересованы в повторении истории пятнадцати – и, особенно, двадцатилетней давности. Однако нынешние активные действия «антиклерикального лобби» в правом лагере, прежде всего «светской правой» НДИ, большинство избирателей которой как раз и составляют русскоязычные, показывают, что отдавать без боя эту группу избирателей они отнюдь не намерены.

Похоже, что репетицией станут ближайшие муниципальные выборы, что неслучайно: вопросы взаимоотношений государства и религии в их комбинации с общинно-секторальными интересами больше, чем иные базовые водоразделы израильской политики, имеют муниципальную коннотацию. Собственно, фактическое втягивание «русских» во многих смешанных по составу жителей израильских городах в местные политические конфликты на стороне «светских» политиков против их «религиозных»

соперников произошло и в муниципальных кампаниях 2008 и 2013 годов. Причем антиклерикальный фактор тогда явно усилил желание русскоязычных избирателей голосовать за списки, которые готовы представлять их специфические общинные интересы.

Ашдодский казус

Интересным примером указанных процессов является город Ашдод – традиционная «база» общинной политики «русского» (и не только) Израиля. Проведенный по заказу НДИ в конце декабря 2008 г. опрос русскоязычных жителей этого города показал, что фактор светско-религиозного противостояния тогда сыграл свою роль в том, что примерно треть опрошенных считала необходимым для репатриантов из бывшего СССР голосовать за «свои» общинные партии. И еще порядка 40% говорили о необходимости наличия у израильских партий, которым они готовы отдать свои симпатии, определенной «русской коннотации». В сентябре 2013 года предпочтения в отношении списков на приближавшихся в тот момент муниципальных выборах, выразились в 37% респондентов, которые не смогли дать однозначного ответа. Остальные 15% предпочитали тогда «свой», чисто «русский» список; 25% желали победы общегородскому списку с широким представительством репатриантов и 23% – общегородскому списку без общинной коннотации.

Похоже, что в свете нынешнего обострения «светско-религиозного противостояния» Ашдод может стать платформой для повторения подобных схем в преддверии ближайших муниципальных выборов. Именно в этом городе накапливающееся недовольство «законодательным активизмом» ультрарелигиозных фракций вырвалось наружу в виде регулярных (в начале – практически еженедельных) демонстраций против «религиозного диктата». Поводом в ряде случаев стали штрафы, выписываемые

контролерами муниципалитета владельцам предприятий, открытых в субботу, вопреки предписаниям «Закона о супермаркетах», «продавленного» ЕТ и ШАС и в порядке правительственной дисциплины поддержанного коалиционными партиями (за исключением голосовавшей против фракции НДИ) и Объединенным арабским списком.

Целью для критики стал мэр Ашдода Йехиэль Ласри, который под давлением местных «харедимных» фракций в городском совете отказался последовать примеру своих коллег из многих других городов, которые воспользовались имеющейся в «Законе о супермаркетах» нормой, оставляющей в силе подзаконные муниципальные акты, разрешающие субботнюю торговлю, принятые до введения данного закона в силу. Причем утверждения Й. Ласри о том, что он ведет переговоры с представителями всех секторов населения и в ближайшее время представит программу, позволяющую урегулировать начавшиеся в городе «субботние войны», особого успеха не имели.

Естественно, что политики тоже не остались в стороне, в первую очередь те из них, для кого тема борьбы с диктатом ультрарелигиозного истеблишмента стала заметным элементом гражданской платформы их партий. Так, город стал объектом повышенного внимания представителей партии «Еш атид», прилагающих большие усилия для освоения всплеска антиклерикальных настроений последних месяцев и перехвата на этом поле инициативы у НДИ. Появившись в сопровождении депутата Кнессета Константина Развозова и нескольких десятков активистов «Еш атид» перед участниками одной из наиболее массовых демонстраций, ее лидер Яир Лapid пообещал, что именно из Ашдода начнется «революция» (не уточнив, правда, ее конкретного смысла), которую он намерен возглавить. И пообещал в случае победы его партии на выборах отменить «Закон о супермаркетах», принятый с подачи лидера ШАС Арье Дери.

Однако едва ли не наиболее нашумевшим в те дни шагом все же стало демонстративное прибытие в субботу

20 января к ашдодскому торговому центру «Биг» (где и находится большая часть магазинов и кафе, попавших под штрафные санкции) лидера партии НДИ, министра обороны Авидора Либермана. А также проживающей в Ашдоде министра алии и интеграции от той же партии Софы Ландвер. По мнению А. Либермана, выступившего перед собравшимися участниками митинга с акцентированно антиклерикальной речью, влияние закона на жизнь граждан носит серьезный характер. Ибо если, по его оценкам, «в недавнем прошлом Ашдод был примером гармоничных отношений между светским и религиозным сектором, ныне от этой гармоничности не осталось и следа».

Политический эффект этого демарша был столь велик, что лидер ШАС и инициатор «Хок ха-марколим», министр внутренних дел Арье Дери, которого с лидером НДИ связывала многолетняя дружба, посчитал нужным заявить, что «с Либерманом, который грубо растоптал субботу, у него закончены все отношения». В свою очередь, лидеры блока «Еврейство Торы» выступили с совместным заявлением, где назвали Либермана «подстрекателем и очернителем» и потребовали от премьер-министра Биньямина Нетаньяху «призвать Либермана к порядку». А мэр города Й. Ласри обвинил его в интриганстве вокруг прошедших в городе демонстраций, абсолютное большинство участников которых (как и подавляющее большинство избирателей НДИ) представляют сообщества «русских» израильтян.

Понятно, что культурно-политический аспект противостояния в Ашдоде, имеющий шанс по мере приближения к муниципальным и парламентским выборам проявиться и в других местах, далеко выходит за рамки межпартийной конкуренции. И именно вокруг понимания сути этого феномена и идет упомянутая общественная и политическая полемика. Выступая в Ашдоде, Либерман акцентировал внимание, что «вопреки утверждениям, что закон о порядке работы магазинов по шаббатам ничего не меняет, он буквально расколол Ашдод на два лагеря».

И с этим утверждением, в принципе, там же согласился и Яир Лапид. С самим этим фактом, разумеется, невозможно спорить – осталось лишь определить, о каких же именно лагерях в данном случае идет речь.

Мнения на это счет расходятся. Часть комментаторов полагают, что речь идет все о том же противостоянии светских и религиозных общественных групп, за чьей спиной стоят, соответственно, «левый» (так сказать, либеральный) и «правый» (или, в терминологии сторонников такой точки зрения, «религиозно-консервативный») политические лагеря. Разумеется, если не обращать внимания на «аномалии» в виде присутствия в правом лагере выступающей в данном вопросе со вполне либеральных позиций НДИ, и сделки примыкающих к противоположным политическим лагерям арабских и ультрарелигиозных еврейских партий. Другие комментаторы и аналитики (включая автора этой статьи) все же считают, что реальное противостояние протекает не между светским и религиозным населением, а между сионистским большинством (светские, традиционалисты, религиозные сионисты и ультраортодоксально-национальный лагерь) и антисионистским меньшинством (арабы и «харедим»-антисионисты).

Возвращаясь в масштабы такого города, как Ашдод, отметим, что по данным ЦСБ, по состоянию на 2010 год в составе его населения было 10% ультраортодоксов и 6% «просто религиозных» (религиозных сионистов или «современных ортодоксов»). А также порядка 50% «традиционалистов» (то есть людей, которые, соблюдая многие еврейские религиозные традиции, в целом ведут «светский» образ жизни) и 34% «светских» горожан. Возникает вопрос, проходит ли граница упомянутого культурно-политического противостояния между двумя третями тех, «кому дорога еврейская традиция» (в той или иной мере), и третью «светских» горожан, или же между 84% «светских и традиционалистов» и 16% «жестко религиозных»? Не говоря уже о том, что граница между «светскими» («хилоним») и «традиционалистами» тоже условна.

«Хилоним» (за исключением убежденных антирелигиозных атеистов, каковых на самом деле в Израиле не так уж много) – это люди, которые в массе своей с уважением относятся к людям, соблюдающим религиозную традицию. И даже выполняют время от времени кое-какие обряды (Бар/Бат мицва, свечи в шаббат, хупа и пр.), но не хотят, чтобы им указывали, как жить в остальное время. «Традиционалисты», по всем опросам, – это люди, которые соблюдают традицию более строго, но тоже нередко полагают, что характер и порядок ее соблюдения в целом является их личным делом. В итоге совершенно не факт, что все «светские» (как и все «религиозные») находятся в одном и том же культурно-политическом лагере.

И еще более усложняет всю эту схему наличие в Ашдоде 75,5 тысяч репатриантов 1989–2017 гг., основную массу из которых составляют «по определению светские», как принято считать в журналистских, политических, а нередко и исследовательских кругах, выходцы из бывшего СССР и стран СНГ. И что на самом деле тоже отнюдь не факт – многие из них разделяют отмеченное выше совсем не однозначно негативистское отношение к еврейской традиции. Собственно, многие из русскоязычных и иных репатриантов, участвуя в демонстрации, подчеркивали, что выступают не «в пику» религиозным согражданам, а просто хотят иметь нормальный досуг по субботам. Не говоря уже о том, что среди поселившихся в Ашдоде репатриантов последних волн имеются 8% недавних выходцев из Франции, в массе своей религиозных и традиционалистов. И еще почти 3,000 выходцев из Эфиопии, на 2/3 – из последних двух волн приезда из этой страны, которые практически поголовно проходят ортодоксальный гиюр. Да и среди «русских» 15% – это кавказские и бухарские евреи, очень многие из которых являются «масоратим».

Остается признать, что вся эта тема крайне сложно вписывается в понимаемые узко межпартийные противоречия, хотя не снимает вопроса о том, какая из партий

сумеет политически отработать данную тему, чтобы самой собрать урожай протестных голосов, не уступив их своим соперникам. Что делает более чем вероятным превращение муниципальных выборов осенью нынешнего года в «разминку» по внедрению этих сюжетов в кампанию по выборам в Кнессет 21-го созыва.

¹ Цит. по: PM Netanyahu's remarks at the start of the weekly Cabinet meeting, 25 Feb 2018. Communicated by the Prime Minister's Media Adviser, 25.02.2018. –

<http://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2018/Pages/PM-Netanyahu%27s-remarks-at-the-start-of-the-weekly-Cabinet-meeting-25-February-2018.aspx>

² Цит. по: НДИ: Сделка между ультраортодоксами и Объединенным арабским списком скандальна и недопустима. – Пресс-релиз партии «Наш дом – Израиль», 14 февраля 2018. –

<http://ndi.org.il/ndi-ilatov-forer/>

ИЗРАИЛЬ: БОРЬБА В ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ ВОКРУГ НОВОЙ ВЕРСИИ ЗАКОНА О (НЕ)ПРИЗЫВЕ УЛЬТРАРЕЛИГИОЗНЫХ ЕВРЕЕВ В ЦАХАЛ

В первой половине марта 2018 года правящая в Израиле правоцентристская коалиция во главе с премьер-министром Биньямином Нетаньяху пережила крупнейший с момента ее формирования весной 2015 года правительственный кризис, который чуть было не завершился роспуском Кнессета и объявлением досрочных выборов. Кризис начался в последний день февраля, когда две ультрарелигиозные парламентские фракции – сефардская партия ШАС и ашкеназский блок «Еврейство Торы» (ЕТ) намеревались вынести на пленарное голосование в Кнессете разработанный ими проект Основного закона «О ценности изучения Торы», спровоцировав выход на поверхность всего набора непростых культурно-политических противоречий.

Идеи и реакции

Основная полемика идет о сути законопроекта, который требует официально закрепить важнейшие для общины «харедим» (ультрарелигиозных евреев-ортодоксов) «понимания», возникшие на заре оформления в Израиле т.н. «светско-религиозного статус-кво». Одним из них является освобождение от службы в Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) студентов системы ультрарелигиозных

учебных заведений – йешив (училищ для молодежи) и колелей (школ для женатых мужчин).

По сути, мы имеем дело с новым витком дискуссии о «равенстве обязанностей граждан в несении налогового и армейского бремени», которая после довольно долгого, почти десятилетнего перерыва примерно с 2012 года вновь стала заметным элементом общественной и политической повестки дня. Триггером обострения этой темы тогда стал провал деятельности «Комиссии Плейснера», назначенной вторым правительством Биньямина Нетаньяху для разработки проекта реформы принятого в 2005 году т.н. «Закона Таля». Этот закон впервые на уровне правовой нормы регулировал механизм, который ранее был незакрепленной законодательно прерогативой министра обороны – освобождения ультраортодоксов от порядка обязательного призыва в ЦАХАЛ, каковой действует в отношении всех остальных групп еврейского (светские, «традиционалисты» и религиозные сионисты) и некоторых групп нееврейского (друзы, черкесы и часть бедуинов) населения.

По существующему порядку, освобождение ультраортодоксальной молодежи от службы официально является «отсрочкой» от обязательного призыва на все время, пока они полностью посвящают себя изучению Торы и других священных еврейских текстов и религиозно-правовых комментариев к ним, что на практике они делают до достижения ими предельного призывного возраста 32 лет. Учитывая, что все это время они официально не работают, им также полагаются выплаты по обеспечению прожиточного минимума от Института национального страхования «Битуах леуми». Так как существовать на эти весьма скромные выплаты многодетным, как правило, семьям довольно сложно, многие из студентов йешив и колелей подрабатывают «по-черному». Ибо официально трудоустроившись и, следовательно, прекратив отдавать все свое время только учебе, те из них, кому еще не исполнилось 28 лет, по старой версии

«Закона Таля» подлежат немедленному призыву в ЦАХАЛ. Чего ультраортодоксы стараются избежать, поскольку, по мнению их духовных и политических лидеров, военная служба несовместима с образом жизни этой группы населения.

Тем самым они, по мнению критиков подобного феномена, не участвуют в «справедливом распределении гражданского бремени» дважды – не только не участвуют в обороне страны (упрек, который также адресован и большинству израильских арабов), но и недостаточно участвуя в формировании доходной части бюджета. Не случайно, регулярно публикуемые опросы общественного мнения показывают одну и ту же картину: 50–60% еврейского населения Израиля полагают, что ультраортодоксы обязаны, как и все, служить в ЦАХАЛе полный срок, либо, по крайней мере, должны призываться на альтернативную или гражданскую службу. И еще 15–20% опрошенных готовы согласиться на установление квот освобождения от призыва для наиболее способных учеников религиозных учебных заведений. Соответственно, менее пятой части израильтян готовы оставить, все как есть сегодня, в то время как в самом ультрарелигиозном сообществе этого требуют более 90% опрошенных.

Основным инструментом сторонников борьбы с привилегиями «харедим» обычно были обращения в Высший суд справедливости (БАГАЦ), обладающий в Израиле статусом высшей надзорной инстанции за соответствием принимаемых Кнессетом законов и правительственных постановлений «духу» конституционных принципов израильского законодательства. БАГАЦ уже не раз выражал готовность принять аргументы тех, кто утверждал, что существующий порядок «отсрочки от призыва» обучающихся в религиозных учебных заведениях ультраортодоксального сектора нарушает принцип равенства граждан перед законом. Что, собственно, в очередной раз и случилось в феврале 2012 года, вынудив государство назначить упомянутую комиссию Плейснера, а затем раз-

бираться с политическими последствиями ее деятельности и общественной полемики вокруг нее.

Потому придание, на уровне конституционной нормы, изучению Торы в религиозных школах статуса «базовой ценности еврейского государства», по замыслу инициаторов нового законопроекта, гарантирует, что ультрарелигиозная молодежь не будет призвана на службу, несовместимую, по мнению духовных и политических лидеров «харедим», с образом жизни этой группы населения. И более того, при расширительном толковании новый закон может фактически приравнять ультрарелигиозное образование к военной или альтернативной службе – с перспективой со временем требовать все причитающиеся для военнослужащих и демобилизованных солдат статусы и льготы.

Непосредственной причиной данной инициативы ЕТ и ШАС стало приближение завершения годовой отсрочки (крайний срок которой истекает в июле 2018 года), которую БАГАЦ предоставил правительству для разработки альтернативы закону о льготах «харедим» в отношении призыва в ЦАХАЛ. Данный закон был принят в начале каденции этого правительства в 2015 году, отменив существенно более жесткий в отношении «харедим» прежний вариант 2013 года. Но в свою очередь, был отменен судом в сентябре 2017 года, что означает, что по истечении моратория БАГАЦа, «харедим» будут призываться в ЦАХАЛ на общих основаниях. Правительственная комиссия во главе с Яривом Левином, созданная для решения этого вопроса с участием представителей всех коалиционных фракций, успеха не имела, не сумев согласовать даже базовые принципы нового варианта о порядке призыва «харедим» и отсрочки от него.

Проблему попробовал решить министр обороны Авигор Либерман, который в феврале 2018 г. объявил о создании профессиональной комиссии под руководством юридического советника своего ведомства, поставив ему задачу быстро подготовить и представить Кнессету вари-

ант, который удовлетворит большую часть израильского общества и большинство фракций политического спектра. Но для «харедим» подобная схема означала изменения правил игры, установившихся в момент формирования четвертого правительства Биньямина Нетаньяху.

В соответствии с достигнутым тогда взаимопониманием, в обмен на невмешательство или поддержку ЕТ и ШАС в критически важных для главы правительства темах, последний не только был готов учесть их немалые бюджетные требования. Но и поддержать продвигаемые ультраортодоксальными фракциями законы и решения, включая замораживание проекта строительства дополнительного участка у Стены плача для молитвы представителей консервативного и прогрессивного иудаизма; отмены закона, лишавшего контролируемый ультраортодоксами Главный раввинат монополии на проведение гиюра (перехода в иудаизм). И наконец, принятие вызвавшего мощный негативный резонанс в обществе закона об ужесточении ограничений на работу предприятий торговли, развлечений и общественного питания в субботние и праздничные дни (т.н. «Закон о супермаркетах»). И у них не было причин считать, что глава правительства не пойдет им на встречу, что, судя по всему, на этот раз было недалеко от истины.

Небезосновательные предположения, что вариант Либермана даст ультрарелигиозному сектору намного меньше, чем они надеялись получить от премьер-министра, заставил лидеров ШАС и ЕТ пустить в ход «тяжелую артиллерию». Ультра-ортодоксы пригрозили, что не дадут правительству провести уже согласованный госбюджет на 2019 год (что предполагалось сделать до завершения зимней сессии 18 марта), пока не будет решена проблема (не)мобилизации молодежи этого сектора в ЦАХАЛ. Ибо, по мнению лидеров ЕТ, о котором стало известно благодаря попавшим в прессу записям заседания их парламентской фракции и с которым явно были солидарны и их коллеги из ШАС, имеется серьезное опа-

сение, что если устраивающий их вариант Закона о призыве «харедим» не пройдет сейчас, у них не останется рычагов давления добиться этого в будущем.

Не исключено, что в конечном итоге премьер-министр пошел бы на то, чтобы с теми или иными поправками закон о призыве в относительно устраивающем «харедим» варианте был проведен через Кнессет. (Во всяком случае, еще 26 февраля Биньямин Нетаньяху, принимая участие в заседании фракции ШАС, приуроченной ко Дню рождения главы этой партии, министра внутренних дел Арье Дери, на вопрос журналистов о перспективе утверждения законопроекта о призыве ответил утвердительно). Однако буквально в то же время выяснилось, что не только в самом правящем правоцентристском Ликуде многие не в восторге от такого развития событий, но и потенциал «гибкости» всех, кроме, понятно, «харедимных» партнеров по коалиции тоже практически исчерпан.

Против этого варианта закона с разной степенью категоричности выступили и в центристской партии министра финансов Моше Кахлона «Кулану», и в правом религиозно-сионистском блоке «Еврейский дом» министра просвещения Нафтали Беннета. Но наиболее резкой критике и сам законопроект, и поведение ультрарелигиозных лидеров подвергли в «светской правой» партии «Наш дом – Израиль».

По словам главы этой партии, министра обороны Авигодора Либермана, НДИ (которая и находясь до мая 2016 года в оппозиции, и после присоединения к правящей коалиции резко возражала против изменения «статус-кво» пользу «харедим») готова поддержать лишь тот закон о призыве, который будет сформирован рабочей группой его министерства. «Будучи членом коалиции, мы готовы идти на различные компромиссы, но не в том, что касается безопасности государства Израиль. Поэтому любая попытка провести законопроект, противоречащий интересам безопасности, встретит резкий отпор всех членов нашей фракции».¹ А председатель парламентской

фракции НДИ Роберт Илатов тогда же, 26 февраля потребовал от председателя парламентского большинства Давида Амсалема не выносить этот и любые другие важные законы на голосование до всестороннего их обсуждения на заседании правительства и глав коалиционных фракций. Пообещав, что в противном случае его фракция в полном составе будет голосовать против них.

Беря на себя подобные обязательства, лидеры НДИ шли на немалый риск. Ибо в случае, если Закон о призыве будет внесен в Кнессет от имени правительства, голосование всей фракции «против» даст право премьер-министру уволить второго члена правительства от этой партии – министра алии и интеграции Софу Ландвер (которая в отличие от Либермана также является и депутатом парламента). И тем самым спровоцировать почти гарантированный выход НДИ из коалиции.

В том, что у НДИ в этой ситуации практически нет выбора, убеждают не только настроения, доминирующие в руководстве и среди активистов этой партии. Но и настроения ее потенциальных избирателей, основная масса которых, как и сам Авигдор Либерман и половина членов ее парламентской фракции, – это выходцы из бывшего СССР и постсоветских стран.

Так, репрезентативный опрос, проведенный социологическим агентством Public Opinion Research Institute (PORI) в июле 2015 года, то есть по истечении двух месяцев после формирования четвертого правительства Биньямина Нетаньяху, показал негативное отношение многих граждан к шагам, предпринятым в рамках коалиционных соглашений Ликуда с партиями ШАС и ЕТ. В частности, к отмене принятых на волне гражданских протестов тех лет в прошлую каденцию (в том числе, и по инициативе НДИ) законов, призванных остановить подрыв «светско-религиозного статус-кво». Прежде всего, это отмена реформы гиюра (перехода в иудаизм, что по еврейской традиции означает также и присоединение к еврейству как национальному коллективу с вытекающими из этого пра-

вами и обязанностями) и поправки к Закону о всеобщей воинской или альтернативной службе, предполагавшие санкции, налагаемые на ультрарелигиозных и прочих «уклонистов». А также решение правительства о переводе раввинских судов из Министерства юстиции (которым руководят религиозные сионисты из блока ЕД) в Министерство по делам религий (то есть под контроль ШАС).

Причем русскоязычные израильтяне возражали против этих законодательных изменений заметно жестче, чем другие группы населения. Так, против отмены санкций в отношении граждан, уклоняющихся от службы в ЦАХАЛе, выступали более 80% русскоязычных израильтян (по сравнению с разделившими тот же подход почти 60% представителями других групп еврейского населения Израиля и менее 40% израильских арабов). А негативное отношение к идее отменить реформу процесса перехода в иудаизм и перевести раввинские суды из ведения Минюста в Министерство по делам религий высказали, соответственно, 70 и 64% «русских» израильтян, что было в полтора раза больше, чем в среднем по выборке. Нынешнее настроение общины касательно углубления дисбаланса в отношениях государства и религиозных институтов, как минимум, не изменилось, что во многом обеспечивает «тыл» готовности НДИ и сегодня «идти до конца».

Партийная повестка дня

Собственно, нельзя не признать, что позиция лидеров партии в этом вопросе достаточно последовательна. Тема призыва ультраортодоксов, ослабления монополии религиозных общин в гражданских вопросах и формализации статуса внутри еврейского коллектива членов семей репатриантов нееврейского и смешанного происхождения традиционно является основой гражданской платформы НДИ. В соответствии с каковой ее фракция во вре-

мя упомянутого предыдущего витка общественной полемики на эти темы, в конце марта 2012 года, внесла в секретариат Кнессета законопроект о всеобщей армейской и альтернативной службе. Параллельно добиваясь согласия премьер-министра на выполнение этого пункта коалиционных соглашений.

Представители НДИ и тогда и впоследствии продвигали идею универсального призыва, согласно которой все граждане Израиля – светские и религиозные, евреи и арабы, мужчины и женщины – обязаны делать то, что, собственно, всегда делало и делает в Израиле подавляющее большинство четырех категорий евреев – светских, соблюдающих религиозную традицию и религиозных сионистов, а также представителей т.н. «ультраортодоксально-национального лагеря». А именно: накануне 18-летия явиться на призывной пункт, предоставив уже самой армии, исходя из ее возможностей и потребностей, решать, кого из них призвать на действительную, кого – на альтернативную или гражданскую службу, а кому дать освобождение «на месте», что для «харедим» также означает возможность легально выйти на рынок труда. (Заметим, что радикальное крыло духовных и политических лидеров возражает даже против последнего, запрещая своим последователям являться на призывной пункт даже для того, чтобы получить там освобождение от призыва и тем самым сделать легитимными решения сионистского государства).

В отличие от плана партии НДИ проекты, представленные ее коалиционными партнерами – правящим Ликудом и Кадимой, напротив, предполагали отказ от идеи универсального призыва в пользу установления для жителей Израиля, ранее подпадавших под политику «вечных отсрочек», т.н. ежегодных и постепенно повышаемых «квот призыва». И это с тем, чтобы избежать раскола между светским и ультрарелигиозным населением. Именно к этому пониманию оказалась ближе версия Закона о призыве, разработанная комиссией под руководством депутата Кнессета от блока «Еврейский дом» (ныне занима-

ющей пост министра юстиции) Аелет Шакед, который и был принят следующим, XIX Кнессетом 12 февраля 2014 г.

С той лишь разницей, что данный вариант предусматривал большие ограничения численности получающих освобождение от призыва учеников йешив, а также финансовые санкции и уголовное наказание для «уклонистов» от призыва. Наиболее активно на подобных поправках настаивала левоцентристская партия «Еш атид» («Есть будущее») тогдашнего министра финансов Яира Лапида. (Этот с успехом стартовавший на выборах 2013 года список Лапида многие считали идеологической «реинкарнацией» политического проекта его покойного отца Йосефа Томми Лапида – «антиклерикальной рыночной» партии «Шинуй»). Позицию «Еш атид» по данному вопросу тогда бескомпромиссно сформулировал Офер Шелах, представитель в комиссии Аелет Шакед: «Любой отказ от криминальных санкций за уклонение от службы является грубейшим нарушением контракта с нами... [и потому] мы не примем никаких других формулировок»

Депутаты НДИ, для которых было актуально закрепление самого принципа движения в сторону «равного распределения гражданского бремени», поддержали этот вариант закона. Оговорив, правда, необходимость параллельно поощрять в принципе имеющую место тенденцию постепенного увеличения доли добровольно идущих служить в армию или на альтернативные программы «харедим» и их последующий выход на рынок труда. И соответственно, не абсолютизировать реалистичность применения и эффективность уголовных санкций против «харедим», уклоняющихся от срочной службы.

Забегая вперед, отметим, что эти опасения (с которыми тогда были по большей части солидарны и во фракциях Ликуда и ЕД) во многом подтвердились уже довольно скоро. Так, согласно сообщению Минобороны парламенту страны, уже в первом полугодии того же 2014 года число ультраортодоксов, призванных в ЦАХАЛ, сократилось на сорок процентов по сравнению с тем же периодом

предыдущего года.² А назначенная Либерманом в качестве министра обороны в 2017 году экспертная комиссия, включавшая представителей высшего офицерского состава ЦАХАЛа, пришла к заключению, что арест «уклони-стов» не только не дает желаемого эффекта, но и наоборот, усиливает позиции противников сотрудничества с армией и радикальных групп ультрарелигиозной общи-ны. И превращает арестованных дезертиров в героев ра-дикально настроенных ультраортодоксальных кругов. Существенно более эффективным способом привести «харедим» на призывные пункты, согласно документу, является применение к «уклонистам» гражданских, а не уголовных санкций: отказ от выдачи водительских прав, блокирование выезда из страны и лишение денежных по-собий – но не аресты.³

Но как бы то ни было, и тогда, и сегодня в НДИ, были готовы обсуждать методы привлечения ультрарелигиоз-ной молодежи к армейской службе и ее интеграцию в официальную экономику страны, но не отход от идеи постепенной ликвидации системы вечных освобождений и отсрочек от призыва в ЦАХАЛ для целых групп населе-ния. Подобный подход стал фактором серьезной полити-ческой коллизии, имевшей место сразу после выборов в Кнессет XX созыва, по итогам которых Ликуд вновь стал правящей партией.

Формируя свой четвертый уже кабинет в марте-апреле 2015 года, Нетаньяху, который в свете опыта прошлой каденции, судя по всему, пришел к выводу, что издержки от его партнерства с левоцентристскими парти-ями – «Еш атид» и «Ха-Тнуа» превысили выгоды, был однозначно заинтересован заменить их на ультрарелиги-озные ШАС и ЕТ, пойдя навстречу их пожеланиям и тре-бованиям. Именно коалиционные соглашения Ликуда с ШАС и ЕТ, включавшие обильные бюджетные вливания в пользу электората этих партий и обещание отмены упомянутых «антиклерикальных» законов, принятых, в том числе, и по инициативе НДИ, стали объявленной

причиной, по которой НДИ не вошла в четвертое правительство Нетаньяху сразу после выборов 2015 года, предпочтя в тот момент занять нишу «светской правой оппозиции» его кабинету, показав себя одним из наиболее жестких его критиков.

И это – несмотря на поддержку фракцией НДИ кандидатуры Нетаньяху на пост премьера перед президентом страны и восприятие этой партии в качестве «естественного коалиционного союзника» Ликуда. Что определяется близостью их идеологических позиций, а также тем фактом, что Либерман – давний сподвижник (и временами соперник) Нетаньяху по правому лагерю, занимал в двух его предыдущих кабинетах должность министра иностранных дел.

Но и когда «дорожно-транспортное происшествие», как определил тогда провал коалиционных переговоров с НДИ нынешний министр экологии и по делам Иерусалима Зезв Элькин, было преодолено год спустя после выборов, Либерман ввел свою партию в правительство Нетаньяху и тем самым обеспечил ему недостающую стабильность под набор вполне определенных условий. Среди них, помимо поста министра обороны для самого Либермана, министра алии и интеграции – для Софы Ландвер, ужесточения политики в отношении режима ХАМАСа в Газе и Палестинской национальной администрации в Рамалле, а также решения пенсионных проблем репатриантов, было и требование ультимативного консенсуса коалиционных фракций по всем вопросам, касающимся статуса взаимоотношений государства и религиозных структур.

Потому лидеры НДИ не могли воспринимать сегодняшние попытки удовлетворить законодательные требования «харедим» в обход согласованных механизмов иначе, чем нарушение принципиальных договоренностей и пониманий. Причем нарушений настолько для них неприемлемых, что готовы пойти на риск увольнения из правительства Софы Ландвер (которая в прошлый раз

подчинилась коллегиальной дисциплине, и по согласованию со своей фракцией, голосовавшей против «Закона о супермаркетах», просто вышла из зала Кнессета), а вслед за этим и угрозу потери членства в правящей коалиции.

Кому нужны новые выборы?

Впрочем, очевидно и то, что выход НДИ из коалиции был бы не концом, а началом нового витка процесса, ибо следующий этап – это провал голосования по бюджету, и вскоре – новые досрочные выборы. Очевидно, что Биньямину Нетаньяху хотелось бы избежать подобного сценария, хотя имеются и комментаторы, полагающие, что главе правительства как раз может быть выгодно использовать всю эту ситуацию как повод для того, чтобы распустить Кнессет и пойти на выборы. И вновь выиграть их на волне внешнеполитических и экономических успехов Израиля и одновременно на фоне ведущихся против него и его окружения полицейских расследований по подозрению в коррупции, что, судя по опросам, в сумме скорее повышает его политический рейтинг.

Похоже, что данный вариант премьер-министр тоже не отвергал с порога и, по оценкам тех же комментаторов, в конечном итоге не принял такого решения потому, что в досрочных выборах не были заинтересованы не только большинство коалиционных фракций, но и крупнейший оппозиционный блок «Сионистский лагерь», которому опросы сулят крупный электоральный провал. А без их поддержки у закона о роспуске Кнессета и назначении выборов не было бы парламентского большинства.

Даже если это и так, на решение Нетаньяху не могло не повлиять и осознание рисков, сопряженных с длительным электоральным забегом. Особенно в ситуации, когда взаимоотношения государства и религии вновь могут стать одной из ведущих тем избирательной кампании, в ходе которой его партии, возможно, не просто будет от-

вечать на критику серии его уступок «харедим». Очевидно, что максимум дивидендов из такого расклада будут стараться извлечь политехнологии партии «Еш атид», лидер которой Яир Лапид сегодня считается основным конкурентом Нетаньяху на пост главы правительства. И для достижения этой цели пытается сплотить под «зонтиком» своей партии максимум избирателей из левой части политического спектра и «умеренного центра», предлагая им, в том числе, и антиклерикальную тематику.

Собственно, первый пакет политических очков в этом смысле Лапид попытался набрать, когда он 7 февраля 2018 года представил на пленарном заседании Кнессета свой вариант закона о равноправном распределении гражданских обязанностей. Этот проект практически совпадал с тем законом, который был принят в начале 2014 г. и отменен под давлением религиозных партий в 2015 году. Разумеется, шансов на прохождение этого законопроекта практически не было, но Лапид в тот момент вполне устраивал и возможный пропагандистский успех.

Однако Нетаньяху понимал, что во время избирательной кампании критика будет звучать не только со стороны левой оппозиции, но и со стороны партнеров-соперников в собственном правом лагере. Достаточно взглянуть на результаты недавнего опроса, проведенного по заказу «Движения за свободу вероисповедания и равенство». Согласно этим данным, против введения Основного закона, приравнивающего религиозное образование к военной службе, выступают 79% израильтян. Включая 88% избирателей правого национально-религиозного блока «Еврейский дом», 81% избирателей Ликуда и 91% избирателей центристской партии «Кулану».⁴ (Исследователи не указали позицию избирателей НДИ, однако господствующие настроения на «русской улице», представители которой составляют подавляющее большинство сторонников этой партии, сомнений не оставляют).

Потому более предпочтительным для Нетаньяху сценарием, насколько можно судить, все же было бы сохранить действующие Кнессет и правительство хотя бы еще на год. А для этого – поскорее (более чем за полгода до положенного, и за год до крайнего срока, определенного в законе) утвердить в Кнессете государственный бюджет на 2019 год и погасить, хотя бы на время, иудейские религиозные войны. Потому Нетаньяху довольно заметно изменил свою прежде в целом компромиссную позицию в отношении Основного закона «О ценности изучения Торы», перейдя в ряды критиков этого законопроекта, и предпринял усилия к тому, чтобы развести эту и бюджетную тему.

Во всяком случае, по данным СМИ, уже накануне отъезда в США он объявил тому же Арье Дери и его ультра-религиозным ашкеназским союзникам, что ресурс уступок Ликуда требованиям «харедим» исчерпан с принятием, по их настоянию, «Закона о супермаркетах», политическая и практическая польза которого, по мнению премьер-министра и большей части его коалиционных партнеров, мягко говоря, неочевидна. А издержки весьма и весьма значительны. Что попытки министров-«харедим» провести проект Основного закона «О ценности изучения Торы» через межминистерскую комиссию по законодательству на этом этапе непродуктивны. И что попытки связать продвижение той или иной версии «Закона о призыве» с поддержкой закона о бюджете, как это вновь и вновь делают лидеры ЕТ – заместитель министра здравоохранения Яков Лицман и глава финансовой комиссии Кнессета Моше Гафни, однозначно для него неприемлемы.

И уже находясь в США на конференции AIPAC, Нетаньяху предъявил ультиматум лидерам коалиционных фракций: либо найти долгосрочное решение проблемы призыва ультра-ортодоксов, либо идти на выборы.⁵ После чего, естественно, закон о бюджете будет обсуждаться снова и, не исключено, в новом парламентском раскладе, который в этом случае может поставить под вопрос нали-

чие в нем многих столь полезных для электората партий «харедим» пунктов, которые содержатся в нынешнем законопроекте.

Формально данное послание премьер-министра (долгосрочный компромисс или выборы) направлено не только ультраортодоксам, но и всем противоборствующим в коалиции сторонам. Но с точки зрения Либермана, формула компромисса, который, по идее, устраивает как большинство израильского общества, так и сам «харедимный» сектор (хотя, вероятно, и не его политическую элиту), уже имеется: он содержится в упомянутом плане, который формулирует группа профессионалов Министерства обороны и ЦАХАЛа. Реагируя на массовый митинг «харедим», выступающих против призыва в ЦАХАЛ, превративший 8 марта 2018 года въезд в Иерусалим в одну гигантскую автомобильную пробку, министр обороны заявил, что его партия «не станет вести переговоры с пистолетом у виска». В пресс-релизе, опубликованном его канцелярией вечером того же дня, было подчеркнуто, что НДИ – верный партнер в правом правительстве, но «отказаться от основополагающих принципов партийной стратегии: безопасности и ответственности», партия не готова. И, «что касается призыва, решения будут принимать ЦАХАЛ и силы безопасности, а не религиозные партии». Таким образом, с точки зрения Либермана, максимум возможных для его партии уступок уже сделан, и тема закрыта.

Итак, мяч сегодня находится на стороне поля лидеров ультрарелигиозного сектора, причем в ситуации острых разногласий между различными фракциями его политических и духовных элит в отношении тактики политического поведения, а также принципиальной возможности компромисса и его глубины. Так, по теме призыва имелось противостояние между партией ШАС, которой опросы предсказывают сегодня едва ли не крупнейший электоральный провал в ее истории, и потому ее лидер Арье Дери менее других заинтересован идти на выборы, и

ашкеназским блоком «Еврейство Торы», которому потеря мандатов не угрожает. Но, как отмечалось, гарантировать, что следующее правительство будет таким же чутким к их требованиям, как и нынешнее, сегодня не возьмется никто.

Кроме того, в самом блоке ЕТ идут тактические и стратегические разногласия между различными фракциями политиков и авторитетных раввинов, представленных в т.н. «Советах мудрецов Торы», входящих в блок партий. А именно, «Агудат Исраэль» («Союз [народа] Израиля») и «Дегель ха-Тора» («Знамя Торы»), представляющих, соответственно, хасидское и литовское («миснагидское») направления ашкеназской религиозной неоортодоксии. А внутри литовского направления уже давно идет противостояние между «умеренным» лагерем, чьей базой являются религиозные кварталы Бней-Брака (город-спутник «большого Тель-Авива»), и «религиозными фундаменталистами» из «Иерусалимского лагеря» (на иврите «Пелег Йерушалми»). К тому же стоит учесть, что харизматичные и непререкаемые духовные лидеры этих течений, раввин Аарон Штейнман и раввин Шмуэль Ауэрбах, оба, с разницей в две недели, скончались в декабре 2017 года. И ныне идет борьба за их духовное и политическое наследство, в которой никто из кандидатов не желает выглядеть недостаточно настойчиво отстаивающим интересы своей общины.

И все же наиболее непримиримую позицию заняли в нынешнем кризисе «иерусалимские радикалы», которые еще в 2013 году фактически вышли из партии «Дегель ха-Тора» и образовали самостоятельное движение «Нецах» (Вечность [Народа Израиля] – одно из иносказательных имен В-вышнего). В частности, лидеры этой фракции не просто выступают против призыва в ЦАХАЛ даже минимального числа учеников йешив, но и запрещают своим последователям являться на призывной пункт, даже для того, чтобы получить там освобождение от призыва, не желая никоим образом давать легитимность решениям сионистского государства.

Причем жесткая позиция «Пелег Йерушалми» по поводу «Закона о призыве» находит почти полное понимание у радикальной фракции «Агудат Исраэль» во главе с заместителем министра здравоохранения Яковом Лицманом, который раздраженно оборвал своих «более умеренных» коллег по фракции ЕТ, критикующих его за позицию, способную привести к досрочным выборам. И в этой связи откровенно заметил, что «они могут заниматься своими делами и не лезть в мои, так как у них есть свои раввины, у меня свои».⁶

В свете описанных обстоятельств понятны причины, по которым «послания» лидеров блока отличаются зримой разнородностью и очевидной непоследовательностью. Например, лидеры ШАС и часть политиков блока «Еврейство Торы» готовы к компромиссу, в то время как другие фракции «харедим»-ашкеназов требуют до конца использовать потенциал давления на коалиционных партнеров. Так, глава финансовой комиссии Кнессета Моше Гафни из ЕТ 27 февраля 2018 года объявил, что его фракция, будучи частью коалиции, голосовала за законы, вносимые от ее имени в Кнессет. Но в случае, если не получит поддержки в интересующем ЕТ вопросе, будет действовать только в соответствии с тем, что ей кажется правильным.

Потому сторонники такой точки зрения продолжают добиваться выдвижения проекта Основного закона «О ценности изучения Торы» от имени правительства, настаивая на его проведении через межминистерскую комиссию по законодательству и утверждению в Кнессете в предварительном чтении. В свою очередь, сторонники компромисса продолжают искать менее конфронтационный выход из положения, например, как было объявлено утром 7 марта, готовность глав ультраортодоксальных фракций проголосовать за проект государственного бюджета на 2019 год в обмен на обещание остальных коалиционных партий поддержать законопроект во втором и третьем чтении в ходе летней сессии Кнессета.⁷ Именно такой

«смягченный» вариант 10 марта утвердили в виде инструкции делегации ЕТ на консультациях с премьер-министром Б. Нетаньяху раввины Хаим Каневский и Гершон Эдельштейн,⁸ осуществляющие после ухода раввина Штейнмана коллегиальное руководство «умеренным» лагерем партии «Дегель ха-Тора».

Этот вариант выглядел малореальным в свете жесткой позиции НДИ и возражений депутатов от других фракций. Например, партии «Кулану» министра финансов Моше Кахлона, который отклонил идею «поэтапного утверждения» закона о призыве, требуя принять закон о бюджете до начала рассмотрения любого другого законопроекта⁹. А также лидера хасидской части блока ЕТ Якова Лицмана, который продолжает требовать прохождения закона в трех чтениях в Кнессете.

Другим выходом из положения могла стать идея сторонников компромисса снять требование о принятии «конституционного» Закона «О ценности изучения Торы» и подать свой вариант «Закона о призыве» в виде частного законопроекта, избавив главу правительства от необходимости задействовать коалиционную дисциплину и применять санкции к ее нарушителям. Показательно, что подобные компромиссные нотки имеют место и в чрезвычайно жестком, на первый взгляд, заявлении Моше Гафни, в котором он угрожал перестать поддерживать «безумные», в его определении, законопроекты коалиционных партнеров. В качестве одного из таких законов, которые Гафни пообещал провалить, он назвал продвигаемый НДИ т.н. «Закон о муэдзинах», запрещающий мечетям использовать громкоговорители в городах со смешанным населением.

Гафни намекнул на идущий в последние месяцы своеобразный процесс формирования неформального блока несионистских партий – еврейских ультрарелигиозных и арабских, теоретически примыкающих к противоположным (то есть правому и левому) партийно-политическим лагерям. На практике это партнерство выражается

в помощи, которую ШАС, ЕТ и Объединенный арабский список (ОАС) в Кнессете (блок коммунистических, арабских националистических и исламистских фракций израильских арабов) оказывают друг другу в актуальных для них вопросах.

По мнению комментаторов, подобный «обмен услугами» мог состояться, если ЕТ поможет торпедировать «Закон о муэдзинах», а 13 депутатов ОАС проголосуют «за» или, как минимум, воздержатся, или выйдут из зала при голосовании законопроекта, дающего освобождение ультрарелигиозной (и арабской) молодежи от призыва в ЦАХАЛ в качестве конституционной нормы. И именно так они и поступили, когда «Закон о призыве» был вынесен на голосование в предварительном чтении 13 марта. В итоге голосование НДИ «против» этого закона не помешало его прохождению за счет голосов ультраортодоксальных членов Кнессета и почти всех депутатов от Ликуда, ЕД и «Кулану».

Промежуточный итог

Итак, в начале марта 2018 года на столе правящей в Израиле коалиции находилось 4 «ультиматума». **Первым** было требование ШАС и ЕТ законодательно придать изучению Торы в религиозных школах статуса «базовой ценности еврейского государства», фактически приравняв эту деятельность к службе в ЦАХАЛе, и тем самым окончательно закрыть вопрос о призыве ультрарелигиозной молодежи на службу.

Со **вторым** выступил министр финансов и лидер быстро теряющей рейтинг центристской партии «Кулану» Моше Кахлон, который вложил в продвижение госбюджета на 2019 год все имеющиеся политические ресурсы в надежде на то, что содержащиеся в нем параметры помогут партии переломить эту негативную тенденцию. И потому он был готов принять предложенную ШАС и ЕТ

версию закона о призыве, однако категорически потребовал принять бюджет до начала обсуждения закона о призыве и пообещал, что в противном случае его партия покинет правящую коалицию, лишив ее тем самым парламентского большинства.

Третий ультиматум выдвинул министр обороны и глава партии «Наш дом – Израиль» (НДИ) Авигдор Либерман, который в феврале с.г. поручил профессиональной комиссии своего ведомства подготовить новый вариант закона о призыве, который отвечал бы двум критериям. Во-первых, прошел бы экзамен БАГАЦа, поскольку в основу этого проекта должна была лечь идея «равного распределения гражданских обязанностей для всех» – светских и религиозных, евреев и арабов. И одновременно он должен содержать оптимальный баланс санкций и стимулов, способных резко активизировать нынешнюю, пока очень слабую тенденцию постепенной интеграции «харедим» в израильское общество посредством их добровольного призыва в ЦАХАЛ, а затем – выхода на легальный рынок труда.

Наконец, автором **четвертого** ультиматума был сам премьер-министр Биньямин Нетаньяху, который потребовал от коалиционных фракций либо найти долгосрочное решение проблемы призыва ультраортодоксов, либо распустить Кнессет и идти на досрочные выборы. Что, в общем, и становилось вполне реальной возможностью, коль скоро перспективы сближения позиций наиболее непримиримых противников (НДИ и ЕТ), казалось, не было в принципе.

Однако, как и предполагали некоторые аналитики (включая автора этих строк), платить политическую цену за свой шаг лидерам НДИ не пришлось, хотя (по ощущениям активистов партии) ситуация весела на волоске. (Особенно с точки зрения сотрудников канцелярии министра алии и интеграции Софы Ландвер, которым еще утром того дня, когда кризис был урегулирован, дали указание быть готовыми в любую минуту начать собирать

вещи). Но на практике партия и ее лидер, которые, по его словам, «чтобы отстоять свои принципы, были готовы идти до конца, включая отказ от министерских постов, и не испугались ничьих угроз», – считаются едва ли не главными победителями этой политической схватки.

Принятая компромиссная схема по всем признакам, была ближе к требованиям НДИ, чем какой-либо иной фракции. Премьер-министр не только воздержался от санкций по отношению к фракции НДИ, проголосовавшей против нынешнего варианта компромиссного законопроекта о призыве «харедим» в предварительном чтении. Но и не потребовал от партии дать обязательство поддерживать нынешний проект закона о призыве во втором и третьем чтениях, подготовка к которым начнется в конце апреля, по возвращении Кнессета с пасхальных каникул. Далее, «харедим» пришлось снять с повестки дня проект «конституционного» закона «О ценности изучения Торы» и согласиться взять за основу вариант законопроекта о призыве, который, как и требовал Либерман, будет представлен комиссией Министерства обороны. Причем его окончательная редакция должна быть приемлема для всех фракций коалиции.

Немалый успех на свой счет записал и министр финансов Моше Кахлон, для которого урегулирование кризиса дало возможность уже через два дня провести без «предварительных условий» закон о бюджете на 2019 год – уже пятый с момента вступления в должность. Чего, как не преминули заметить комментаторы, в Израиле еще не удавалось ни одному министру финансов. Свой «политический купон» получил ЕД, представитель которого, министр юстиции Аелет Шакет провела серию успешных переговоров и сумела достичь, по крайней мере, на этом этапе, хотя бы подобия компромисса, благодаря которому правое правительство избежало опасности распада.

А в лагере «харедим» все не так однозначно: в то время как партия ШАС, которая, случись выборы сегодня, рискует вообще не пройти электоральный барьер, явно

осталась в выигрыше от снятия немедленной угрозы досрочных выборов (к чему немало усилий приложил ее лидер Арье Дери), ашкеназский блок ЕТ и особенно – радикальная фракция Якова Лицмана оказались в категории проигравших. Впрочем, несомненно, что подписанный ими компромисс сторонники блока вряд ли видят окончанием процесса – что и подтвердилось на следующем витке политических разногласий в июле 2018 года, которые все еще продолжались на момент написания этих строк, и, похоже, вряд ли будут завершены до конца каденции Кнессета XX созыва.

¹ Цит. по: <https://www.facebook.com/AvigdorLiberman/posts/1847037265309213> (на иврите).

² Цит. по: Jeremy Sharon. Haredi enlistment down 40 percent in 2014 following passage of new conscription bill // Jerusalem Post, 02.07.2014.

³ См.: Янив Кобович и Йонатан Лис. ЦАХАЛ: тюремное заключение харедим-уклонистов от призыва неэффективно, предпочтительно применять к ним гражданские санкции (צה"ל: כליאת אזרחיות (סרבני גיוס חרדים לא יעילה, עדיף להטיל סנקציות הארץ, 04.03.2018).

⁴ Цит. по: 7 канал, 6 марта 2018.

<https://www.inn.co.il/News/News.aspx/367812>

⁵ Информация Десятого канала ИТВ, 6 марта 2018.

⁶ См.: Rabbi Litzman. Unfortunately, No Realistic Proposal for Draft Law Offered Yet // *Hamodia*, Thursday, 08.03.2018.

⁷ Радио "Кан – Бет", 7 марта 2018.

⁸ Kobi Nachshoni. Haredi Lithuanian faction will suffice with preliminary reading of draft bill // Ynetnews, 3.10.2018.

⁹ Радио "Кан – Бет", 6 марта 2018.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИЗРАИЛЕ

Одним из наиболее ярких политических событий в Израиле в первой половине каденции Кнессета XX созыва было завершение в феврале 2017 года затяжной борьбы за обновление состава Верховного суда, который помимо функций высшей апелляционной коллегии имеет и иную ипостась – Высшего суда справедливости (БАГАЦ). Важность этого органа, который считается оплотом культурно и политически влиятельных левых элит «первого Израиля», уже определена в его функции – защита личных и гражданских прав жителей страны и судебный контроль действий властей на предмет их соответствия «духу» неписаной конституции страны. И уже поэтому, он является не только платформой, но и активным участником идеологической полемики и политической борьбы в еврейском государстве.

Политический контекст

После продолжительного и изнуряющего заседания комитета по назначению судей в состав Верховного суда Израиля вошли четыре высокопрофессиональных юриста – член окружного суда иерусалимского округа Давид Минц, член окружного суда Хайфы Яэль Вильнер (первая женщина-член Верховного суда из общины религиозных ортодоксов Израиля) и президент того же суда Йосеф Эль-

рон. А также член Тель-Авивского окружного суда Джордж Кара, израильский араб-христианин из Назарета (Нацрата), известный тем, что вел процесс по делу бывшего президента Израиля Моше Кацава.

Нынешние назначения считаются крупной победой министра юстиции от правореligиозного блока «Еврейский дом» Аелет Шакед и правого политического лагеря в целом. Действительно, четыре новых верховных судьи, пришедших на смену Мириам Наор, Элиакиму Рубинштейну, Салиму Джибрану и Цви Зильберталю, как минимум, трое из которых имеют репутацию «либералов», напротив, считаются консерваторами. К тому же двое из новых верховных судей – жители еврейских поселений Иудеи и Самарии. Не случайно, итоги работы комиссии приветствовало и объединение юристов, активно отстаивающих права поселенцев (т.н. «Юридический форум в защиту Эрец-Исраэль»), полагающих, что «усиление консервативной тенденции» в деятельности Верховного суда соответствует реальным процессам в израильском обществе.

Отметим, что сам факт поддержки тех или иных кандидатов в верховные судьи министром юстиции все же не является гарантией их прохождения. При существующей в Израиле системе, когда успешный кандидат должен получать квалифицированное большинство голосов не менее 7 из 9 членов комиссии по назначению судей, фактическое право вето на любое такое назначение принадлежит «замыкающему блоку» из трех представителей в комиссии самого Верховного суда. Что делало крайне затруднительным назначение в состав судов различных инстанций (и особенно Верховного суда) тех юристов, которые не разделяют господствующие в верхушке юридической системы взгляды на место высших судебных органов во взаимоотношениях с другими ветвями власти.

Именно этот аспект отличает израильскую ситуацию от той, которая имеет место в большинстве других западных стран, например США, где размежевание между кон-

серваторами и либералами относится прежде всего к гражданским вопросам. Что же до Израиля, то основной водораздел в его высшей юридической элите касается концепции судебного активизма. Речь идет о том, что израильская судебная система, особенно Верховный суд, помимо собственно судебных функций в особых израильских условиях выполняют несвойственные обычным судам законотворческие и правоохранительные функции. Так, в соответствии с предложенным тогдашним председателем ВС Израиля Ароном Бараком принципом «ха-коль шафит» («все подсудно») Верховный суд Израиля (в его роли БАГАЦа, который, как отмечалось, является неким подобием конституционного суда) часто вмешивается в решения и деятельность Кнессета и правительства.

Вместе с тем этот «судебный активизм» часто становился объектом острой общественной критики. Заметные всплески этой критики имели место в 1999 году, в период первого правительства Б. Нетаньяху; в 2004 году, в связи с вмешательством БАГАЦа в решения военно-политического руководства страны о месте строительства «забора безопасности», а также десять лет спустя, в ходе общественных дебатов о реформе юридической системы страны.

В отличие от такого «либерального» взгляда на вещи, который разделяло большинство ушедших на пенсию членов Верховного суда, как минимум, трое из четырех новых членов ВС полагают, что суд должен минимально вмешиваться в решения законодательной и исполнительной власти. Понятно, что такие взгляды в условиях существования в комиссии по назначению судей отмеченного «замыкающего» блока верховных судей, в большинстве придерживающихся иного подхода, обычно сильно осложняют прохождение «консервативных» кандидатов, и так могло случиться и на этот раз.

Тот факт, что случилось иначе, комментаторы объясняют мощной поддержкой, которую министр юстиции получила от членов комиссии по назначениям судей, пред-

ставляющих в ней израильский парламент. Это депутат Кнессета от правящей партии Ликуд, Нурит Корен и особенно – депутат от другой правой коалиционной партии «Наш дом – Израиль» (НДИ) Роберт Илатов. Свою роль, вероятно, сыграла и «сделка», которую А. Шакед, по данным СМИ, предложила фактически доминирующим в комиссии верховным судьям-«либералам»: не блокировать ее кандидатов в обмен на отзыв из Кнессета правительственного законопроекта, предлагающего заменить квалифицированное большинство в комиссии на простое.¹

Все это выглядело бы точечным политическим маневрированием в рамках принятых правил игры, если бы данная история не была бы проявлением дискуссии о существенно более общей тенденции, которую одни именуют «политизацией судебной системы», а другие, напротив, «мишпатизацией» (от "мишпат" – суд, закон, на иврите) системы политической. Судебная система Израиля, в принципе, достаточно профессиональная и, в привычном понимании этого слова, почти не коррумпированная, по мнению критиков проходящих в ней процессов, превратилась в замкнутую элитную группу, жестко отстаивающую свои корпоративно-кастовые интересы. Вершина этой системы – Высший суд справедливости (БАГАЦ), призванный выносить независимые и беспристрастные суждения по общественно-значимым вопросам, стабильно демонстрирует тенденцию принятия решений в спорных с общественной точки зрения вопросах, исходя из собственного (как правило, леволиберального) мировоззрения судей. И упомянутый судебный активизм БАГАЦа, который активно вмешивался в деятельность других ветвей власти, отменяя или выхолащивая законы, принятые Кнессетом, и распоряжения правительства, является, по тем же мнениям, лишь одним из индикаторов этих перекосов. Что в свою очередь способствует возникновению политико-правовых феноменов и коллизий, нередко вызывающих серьезные политические конфликты в израильском обществе.

Политические аспекты «дела Азарии»

Ряд критиков подобного феномена идут еще дальше, полагая, что вынося свои решения, БАГАЦ не просто формирует некую политико-правовую реальность, но и в каком-то смысле задает нормативно-идеологический тон деятельности других судебно-юридических институтов страны, включая военные суды.

Примером такого явления стала нашумевшая история Эльора Азарии, военнослужащего из расквартированного возле города Хеврон в Иудее (в международной терминологии, на Западном берегу р. Иордан) подразделения бригады «Кфир». Начало истории было положено 24 марта 2016 года, когда Азария выстрелил и, как показала экспертиза, тем самым добил уже лежащего на земле террориста, нейтрализованного после того, как этот террорист напал на израильских солдат и ранил одного из них. По свидетельству солдата и его адвокатов, он пошел на этот шаг из опасений, что тот задействует взрывное устройство, которое могло находиться под курткой террориста, надетой на него в очень теплый день.

Помимо дискуссии по поводу юридической стороны дела, в котором было много неочевидных моментов и расхождений, вся эта история стала и фактором, и индикатором существующих в израильском обществе идеологических и политических противоречий. Собственно, громкие судебные дела имеют общественный резонанс практически в любой стране мира, но в Израиле такие резонансные сюжеты оказывали, может быть, больше, чем в других странах, влияние на функционирование политического процесса. И создавали нормы, которые надолго или навсегда оставались частью политической культуры страны.

Достаточно вспомнить дело Кастнера, которое привело к перевороту в нормах взаимоотношений коалиции и оппо-

зиции, отказу от силовых методов как принципа в политическом диалоге в обмен на то, что оппозиция получает вполне надежные рычаги (в том числе информационные) влияния на принятие политических решений. Далее, дело Лавона, которое привело к укреплению механизма общественного контроля над спецслужбами. Или наиболее близкая по времени история – это дело Шая Дроми (он застрелил проникшего на его ферму грабителя-бедуина из числа участников банд, которые просто разоряют еврейские хозяйства юга страны), вынудившее парламентариев изменить законодательство и разрешить гражданам страны защищать свое имущество с оружием в руках.

Дело Азарики будет, несомненно, одним из этой серии. Начнем с того, что оно решительно раскололо местное общественное мнение. Например, согласно опросу, проведенному 2-м каналом Израильского телевидения после вынесения Азарики в январе 2017 года приговора в непредумышленном убийстве террориста в Хевроне, более половины респондентов выразили протест против такого решения, и только 36% опрошенных признали его справедливым. Соответственно, 67% израильтян оправдывали действия Эльора Азарики и считали, что солдат должен быть помилован, и лишь 19% заявили, что Азарика должен понести наказание.²

Таким образом, лишь меньшинство еврейских граждан страны поддержали тогдашнего министра обороны Моше Яалона, который поспешил осудить действия Азарики, исходя из соображения, что «мы не добиваем террористов и тем более не действуем, исходя из личной мести». (В аналогичном ключе в первые часы после инцидента высказался и премьер-министр страны Биньямин Нетаньяху). Существенно больше граждан полагали, что «террорист, пришедший убивать израильтян, не должен оставаться в живых». И потому солидаризировались с теми политиками, которые, как министр образования от блока «Еврейский дом» Нафтали Беннет, потребовали «поддержать солдата, который выполнял свой долг».

Лидер партии «Наш дом – Израиль» Авигдор Либерман, вскоре сменивший Яалона на посту главы оборонного ведомства, заявил, что «решение, действовал ли правильно, или ошибся (этот) солдат, должны, после проверки, принять должностные лица в ЦАХАЛе... но ожесточенные нападки на военнослужащего (в любом случае) несправедливы и лицемерны. Уж лучше солдату ошибиться – но остаться в живых, чем быть убитым террористом из-за того, что промедлил».³

Собственно, именно в том, что скандал сразу стал публичным, а не был разрешен в стенах армии, многие израильтяне и обвиняли Моше Яалона. Среди них, что характерно, оказался и один из военных судей, вынесших Эльору Азалии обвинительный приговор – полковник Майя Эллер, которая в своем частном определении подвергла критике бывшего министра обороны, немедленно, по горячим следам заявившего, что речь идет о проштрафившемся солдате. По ее мнению, «общественным деятелям стоило воздержаться от публичных высказываний в то время, когда армейское расследование еще не завершилось».

И именно не замедливший появиться ответ экс-министра обороны (который в прошлом занимал также пост начальника Генштаба ЦАХАЛа) показал, что тема выходит далеко за рамки процедурно-правовых вопросов. Яалон заметил, что результаты первичного расследования дела в Хевроне были переданы ему, начальнику Генштаба и главе правительства, и всем трим, по его словам, «с первой минуты было понятно, что речь идет о беспрецедентном случае. Поэтому спустя несколько часов после этого происшествия мы выступили с совместным заявлением, чтобы предотвратить возможные беспорядки на местах, чтобы это происшествие не использовалось в качестве доказательства того, что солдаты ЦАХАЛа казнят палестинцев без суда и следствия». Соответственно, заключает Яалон, «это было сделано ради безопасности Израиля».

Идейно-юридический контекст

Иными словами, за стенами суда общественная дискуссия идет совсем на ином поле, где правове­ды, политики, журналисты, военные и гражданские активисты все это время обсуждают, как минимум, два вопроса. Ответ на первый из них – должны ли юридические и прочие нормы быть интерпретированы в соответствии с соображениями «целесообразности» – на первый взгляд, прост и очевиден. Хотя на практике, разумеется, бывает всякое, большинство израильтян все же не считают, что судьба солдата, призванного на защиту страны, должна быть заложником общественных настроений (и, как следствие, электорального выбора граждан), и тем более задач «успокоения палестинских соседей». С такой точки зрения, ответ Моше Яалона на критику судьи выглядит, как простая, не очень убедительная отговорка.

Вторая же тема как раз связана с отмеченной выше тенденцией «мишпатизации», которая также существенно влияет и на взаимоотношения армии и общества, внутриармейские взаимоотношения высшего командования со средним и рядовым составом ЦАХАЛа, а также отношения армии и политического руководства Израиля с окружающим миром. Речь в данном случае идет об усилении юридической составляющей процесса принятия решений, в том числе и в сугубо оборонных вопросах, причем не только стратегических, но и тех, которые касаются поведения военнослужащих на поле боя.

Мнения на этот счет в профессиональном и политическом истеблишменте и в гражданском обществе Израиля существенно расходятся. Есть те, кто считает, что развитие этического кодекса ЦАХАЛа должно идти в направлении ограничения свободы действия бойцов и командиров в ситуациях, которые могут быть пробле-

матичны с точки зрения идеи защиты «универсальных прав человека». То есть именно в тех ситуациях, которые постоянно сопровождают противостояние регулярных сил с боевиками террористических организаций.

С точки зрения расширительной («максималистской») интерпретации такого рода сюжетов, события на поле боя следует оценивать с тех же позиций, что и гражданский случай. Если это так, то это значит, что боец ЦАХАЛа Эльор Азария застрелил преступника, совершившего сколь угодно тяжкое правонарушение, но, тем не менее, имеющего как гражданин – или как человек, находящийся в рамках израильского правового поля, право на то, чтобы стать объектом не расправы, а некоторой юридической процедуры.

Другие комментаторы полагают неверным рассматривать ситуацию в таком ключе. Ибо он не только серьезно связывает руки демократических режимов в борьбе с террором, но и сильно ограничивает свободу действий армии в условиях конвенциональных и квазиконвенциональных конфликтов со структурированными и локализованными режимами террористических группировок, такими, например, как режим ХАМАСа в Газе или «Хизбалла» в Ливане. «Максималистская интерпретация универсальных прав» позволяет этим режимам, действующим в качестве фактического суверена на контролируемых ими территориях, употреблять все имеющиеся там материальные и человеческие ресурсы для террористической активности. В том числе, используя гражданское население в качестве «живого щита» своих боевиков и объектов, при этом возлагая ответственность за последствия на сторону, которая борется с террором.

При всей абсурдности подобной логики именно такую интерпретацию продвигает немалое число политиков, дипломатов, юристов, высокопоставленных сотрудников международных организаций (таких как ООН и ЕС) и правозащитных НПО. Так, наиболее выпукло

подобный подход в свое время представила министр иностранных дел Швеции Маргот Вальстрем, которая в декабре 2015 года «прославилась» обвинениями израильской армии во «внесудебных казнях» палестинских террористов «путем диспропорционального применения военной силы». То есть, как заметил тогда же посол Израиля в Швеции Ицхак Бахман, сторонники такого взгляда на вещи «предлагают (осуждающе) фокусироваться на действиях тех, кто пытается защититься от террора, уводя внимание от инициаторов и виновников террористической активности».⁴

Примерно те же мантры были озвучены в выпущенном в феврале с. г. заявлении «флагмана дипломатической борьбы» с Израилем – т.н. Совета по правам человека ООН по поводу решения израильского военного суда по делу Эльора Азари, который, по мнению авторов документа, «получил слишком мягкое наказание за внесудебную расправу над раненым палестинцем». Закономерно, что министр обороны Израиля Авигдор Либерман определил данное заявление СПЧ как «новое доказательство [того], что по искаженной шкале нравственности Совета по правам человека, одна пуля, выпущенная Азарией в террориста, является более тяжким преступлением, чем миллионы пуль, выпущенных в невинных людей в Сирии, Ливии, Ираке и Йемене». А также как очередной аргумент в пользу того, что «Совет по правам человека на самом деле является Советом ненависти к Израилю».⁵ И в тех же категориях была выдержана оценка СПЧ и со стороны администрации Д. Трампа, резко раскритиковавшей «двойные стандарты» деятельности этой международной организации – непродуктивно-предвзятое отношение к еврейскому государству на фоне почти полного игнорирования массовых нарушений гражданских и гуманитарных прав в других странах.⁶

В итоге многие в Израиле скорее солидарны с мнением, что тенденция «мишпатизации» сможет увести

ЦАХАЛ настолько далеко, что сделает почти невозможными наиболее эффективные варианты борьбы с террором. Коль скоро если не каждому солдату, то к каждому офицеру нужно будет приставлять юридического советника, который будет давать ему рекомендации почти по всем поводам, включая ведение огня по конкретному противнику. Потому с точки зрения сторонников такого подхода, Азария стрелял не в преступника-гражданина страны, который имеет право на определенную судебную процедуру. Он стрелял в террориста, то есть в человека, который взял оружие и пошел на поле боя убивать израильских солдат, активиста организации, которая ведет объявленные военные действия против Израиля, и потому сама отвечает за своих пострадавших.

Вопрос о том, в какой мере подобная, более рациональная, по мнению большинства израильтян, логика имеет возможность, наконец, утвердиться в международной дипломатической и политико-правовой практике, остается открытым. Не исключено, что тон, который задает новая американская администрация Дональда Трампа, сможет переломить прежнюю негативную для Израиля тенденцию.

Как бы то ни было, позиция международных организаций, с точки зрения тех, кто занят борьбой с политической и дипломатической делигитимацией Израиля, является не единственной проблемой. Обвинения Израиля в «диспропорции в применении силы» и практике «несудебных расправ» со стороны некоторых европейских (и тем более арабских или мусульманских) политиков и международных бюрократов, часть из которых официальные европейские и международные инстанции в свете разгорающихся дипломатических скандалов поспешили дезавуировать, большинство израильтян как раз не слишком удивляют. (Равно как и не делают особой погоды). Намного большее удивление у них вызывает то, что готовность усвоить близкий подход выражает часть израильского юридического и политического сообщества.

Политизация правозащитных организаций

Другой проблемой судебного активизма в Израиле является и то, что независимые судебные инстанции, помимо своих прямых обязанностей, де-факто заполняют и ниши, в которых должно, но почти не присутствует гражданское общество.

Израильское законодательство проводит достаточно четкие различия между неприбыльными гражданскими объединениями (так называемыми амутот) и другими «признанными законом негосударственными организациями» – политическими партиями (мифлагот) и коммерческими компаниями (хеврот). Но на практике граница между ними в последние годы выглядит все более размытой. Так, немалые нарекания вызывает недостаточная способность гражданских объединений выполнять функции самоуправления и саморегулирования общественных процессов без вмешательства государственных органов. Например, едва ли не единственным видом деятельности подавляющего большинства правозащитных объединений стало обращение в Верховный суд справедливости – БАГАЦ. Наконец, огромное число коррупционных скандалов связаны с деятельностью амутот как каналов незаконного финансирования политической деятельности и нецелевого расходования бюджетных средств.

Но главная проблема вполне сложившихся и имеющих почти столетнюю историю израильских гражданских институтов последних 10–15 лет была даже не в этом. А в глубоком расколе «третьего сектора» (как и общества в целом) вследствие палестино-израильского «мирного процесса» и последовавших за его кризисом «интифады Аль-Акса» («войны Осло») и проведенного А. Шароном в августе 2005 года одностороннего вывода еврейских поселений из Газы и Северной Самарии. Едва ли не в большинстве случаев политические противоречия меж-

ду гражданскими организациями оказались для них важнее их совокупного интереса – служить ограничительным барьером всемогуществу власти.

Казус Амоны

Ярким проявлением этой ситуации стала вовлеченность общественных организаций, позиционирующих себя в качестве правозащитных, в события вокруг небольшого еврейского поселка Амона в Самарии.

В декабре 2016 года жителей этого поселения принудительно эвакуировали оттуда в соответствии с решением Верховного суда по иску, поданному израильскими правозащитными организациями от имени палестинских арабов. Заявивших на основании представленных ими документов времен иорданской оккупации и разной степени достоверности о своих правах на землю, на которой поселок и был построен 22 года назад.

Предложенное правительством решение проблемы, которое было принято поселенцами (перенос поселка на соседний участок), было отвергнуто Высшим судом справедливости (БАГАЦ – составом Верховного суда в его ипостаси высшей конституционно-правовой коллегии) двумя судьями против одного. Основанием стал новый иск правозащитной организации «Еш дин» от имени быстро найденной ими очередной семьи палестинского араба, ранее никогда не заявлявшей о своих правах собственности на этот участок земли.

Вечером того же дня премьер-министр Биньямин Нетаньяху объявил о формировании специальной рабочей группы, которая должна продвигать проект создания нового поселка для жителей Амоны. В состав вошли представители поселенцев Амоны, глава канцелярии премьер-министра, а также помощник министра обороны по вопросам поселенческого движения. Однако самого выселения еврейских жителей Амоны, разрушения их домов и

сопутствующих картинок на телеэкранах в Израиле и мире в целом – столкновения поселенцев и особенно прибывших в поселок групп радикально настроенной молодежи с сотрудниками сил безопасности – избежать уже не удалось.

Собственно, в этом и заключается смысл тактики и стратегии упомянутых правозащитных организаций: добиваться судебного решения, что дома этого и иных подобных поселков, построенных на выделенной государством земле, к которой десятилетия после завершения строительства никто не предъявлял никаких претензий, на самом деле находятся на землях, якобы принадлежащих палестинским арабам. По данным СМИ, такие организации делают все, чтобы убедить обнаруженных ими реальных – или, как утверждали их процессуальные оппоненты, надуманных – владельцев передать им права на коллективный иск, требующий разрушить дома, возведенные евреями, а землю передать «законным владельцам».

Понятно, что ни у кого, включая самих арабов, не было сомнения в том, что и в данном случае, как только еврейские постройки Амоны будут разрушены, а системы электро- и водоснабжения демонтированы, эта земля вновь приобретет, в коммерческом смысле, нулевую или даже отрицательную стоимость. Однако все предложения по поводу выплаты компенсаций объявившимся собственникам или предоставления им альтернативных участков земель правозащитниками были отвергнуты с порога.

В этом, как и других подобных случаях, упомянутые ультралевые организации преследовали не столько собственно юридические или этические, сколько вполне определенные политические цели. А именно, затормозить, остановить, а в идеале – повернуть вспять процесс заселения евреями свободных земель в любом районе за «Зеленой чертой», которые, согласно идеологическим представлениям израильских левых и их союзников

за рубежом, при любом варианте развития событий должны находиться под палестинским или другим арабским суверенитетом.

В итоге у немалой части израильтян, чем дальше, тем больше утверждается мнение о том, что многие из тех неправительственных объединений (т.н. амутот), которые действуют под лозунгом «правозащитных организаций», де-факто функционируют как полноценные субъекты политического процесса. То есть вместо того, чтобы быть собственно институтами гражданского общества, призванными защищать граждан от всемогущества власти, а гражданские права индивида – от неоправданных посягательств бюрократии, на практике функционируют как политические партии, со своей вполне определенной идеологической платформой.

Сама по себе такого рода функция в либерально-демократической стране не может вызывать возражений – за исключением того, что «ребенка нужно назвать по имени», то есть зарегистрировать такую организацию, которая намерена вести, и ведет политическую деятельность, не у регистратора неправительственных организаций, а у регистратора политических партий. И вместо того, чтобы вводить публику в заблуждение своим правозащитным фасадом, прямо заявить о конечной цели своей деятельности – например, как в данном случае: разделение Западной Палестины/Эрец Исраэль (то есть территории между Средиземным морем и рекой Иордан) по т. н. «Зеленой черте». Не говоря уже о том, что политизация правозащитных организаций оказывает немалое негативное воздействие на сферу, ради которой эти организации формально и существуют: собственно защита гражданских и человеческих прав, групповых и индивидуальных, которые оказываются на периферии интересов НПО, в основном занятых не своими делами.

Заметим, что общественная дискуссия по этому поводу во многих случаях намного шире, чем анализ реальной политической роли таких НПО, как «Еш дин», «Регавим»

и других – как левой, так и правой части политического спектра, но все больше обсуждаются и иные институты. Такие как судебные инстанции, гражданские организации, аналитические центры, СМИ, агентства по изучению (а де-факто – формированию) общественного мнения и т.п. Которые в отличие от аналогичных структур в других странах, выполняют в Израиле не только или даже не столько сугубо присущие им функции, но, так или иначе, также становятся субъектами собственно политического процесса и политической борьбы. И вместо того, чтобы выступать исключительно как институты гражданского общества, защищающие те или иные аспекты гражданских прав, используют механизм правозащитной деятельности и судебную площадку для продвижения собственной политико-идеологической повестки дня.

Пути решения проблемы

Понятно, почему такая модель чаще всего устраивает израильский левый лагерь. Элиты этого лагеря, из-за кризиса продвигаемой ими идеи разрешения упомянутого конфликта по, как полагают многие в Израиле, исчерпавшей себя схеме «два государства для двух народов», быстро теряют доступ к формируемым электоральным путем официальным инструментам власти (Кнессет и правительство). Но все еще широко представлены в упомянутых судебно-юридических, информационно-аналитических и гражданских структурах, оказывающих огромное влияние не только на формирование общественной повестки дня, но и на процесс принятия политических решений.

Несмотря на то, что это – функция совершенно иных институтов, такова данность нынешнего этапа развития политической структуры Израиля. Тем не менее, вне зависимости от удовлетворенности новым составом Верховного суда Израиля, или отсутствия таковой, большинство

комментаторов согласны, что сложившуюся ситуацию сложно считать безупречной с практической и правовой точек зрения.

Очевидно также наличие общественного запроса на наведение порядка в этой сфере, с возвращением партиям, движениям, прессе и правозащитным организациям их оговоренных в законе и приемлемых обществом функций. Причем начать чаще всего предлагается именно с прекращения процесса размывания границ между ветвями власти, ожидая, чтобы тон в этом смысле задавала именно судебная система.

Поэтому внутри экспертного сообщества, в политическом классе и в гражданском обществе Израиля идет оживленная дискуссия о путях решения этой проблемы. Все множество высказываемых по этому поводу идей, по сути, сводится к двум «школам», каждая из которых дает свой ответ на вопрос, по какому пути нужно идти дальше?

Одна школа утверждает, что необходимо развести политические и юридические функции Верховного суда, то есть параллельно с Верховным судом создать институцию, которая бы играла роль конституционного суда де-факто. То есть занималась бы всеми теми же сюжетами, которыми занимается Верховный суд в его в ипостаси БАГАЦ, самому же ВС оставить функции высшей апелляционной инстанции и структуры, которая поддерживает функционирование гражданского общества и защищает права личности. Тем самым юридическая система становится свободной от несвойственных ей политических функций.

Сторонники второй школы полагают, что ситуация такова, какова она есть, и политизация высшего звена судебной системы – это некий свершившийся факт (что, понятно, противоречит мнениям их противников, по-прежнему утверждающих, что ничего подобного не происходит). Они предлагают сделать все возможное для того, чтобы высшее звено судебной системы, хотя бы пропорционально представляло различные группы израильского

общества и те политические настроения, которые в нем имеются.

Похоже, что это именно тот путь, по которому готов сегодня идти израильский законодатель. Не случайно, комментируя итоги работы комиссии по назначению судей, Аелет Шакед назвала случившееся «историческим событием, открывающим путь практике назначений, которые отражают разнообразие нашего общества, которого так не хватало до этого момента судам высшего уровня». А гарантией стабильности этой тенденции она, судя по всему, считает тот факт, что «контроль над нашей юридической системой сегодня меняет направление». Того же мнения придерживается и коллега А. Шакед по фракции, министр сельского хозяйства Ури Ариэль, который также выразил надежду, что новый состав Верховного суда, отражая культурно-политическое разнообразие страны, сможет укрепить общественное доверие к судебной системе. А член комиссии по назначениям судей, депутат от НДИ Роберт Илатов в этой связи предположил, что появление русскоязычного верховного судьи (в дополнение к уже имеющимся 8–9 «русским» судьям более низких инстанций) является лишь вопросом времени.

Понятно, что израильские политики левого толка выступили с прямо противоположными выводами. Так, лидер леворадикальной партии МЕРЕЦ Захава Гальон оказалась не готова усматривать в действиях Шакед и ее коллег из правых партий, что бы то ни было, кроме преследования «узких политических интересов». А также (намекая на то, что назначение в Верховный суд трех мужчин и только одной женщины изменит, по ее мнению, «гендерный баланс» в этом органе) «легализацию практики дискриминации женщин при продвижении кадров в системе».

В свою очередь, обозреватель газеты «Гаарец» (фактически «рупора» радикально-леволиберальных групп) Алуф Бен⁷ утверждал, что такой состав Верховного суда приведет к тому, что суд, автоматически поддерживая все

решения правительства, займется «закреплением оккупации арабских территорий», ради чего, по его мнению, новые судьи и были избраны. Это полностью противоречит мнениям, которые суммировал упомянутый Роберт Илатов, согласно которым предположения, что Верховный суд потеряет малейшую долю независимости, лишены оснований.

Промежуточную позицию занимают те комментаторы, которые полагают, что даже если признать, что решения судей в идеологически чувствительных вопросах не всегда мотивируются исключительно профессиональными соображениями, все же мнения об «узурпации» высшим звеном судебной системы ряда ролей законодательной и исполнительной власти сильно преувеличены. А состав Верховного суда и БАГАЦ до его нынешнего обновления был достаточно умеренным в своих вердиктах и не так уж часто вмешивался в решения щекотливых политических вопросов. И более того, БАГАЦ как удобный инструмент деликатного выхода из нерешаемых политических хитросплетений нередко устраивает не только левых, но и некоторых правых политиков, что и заставляет их мириться с фактом превращения израильской судебной системы в еще одну площадку для разворачивания палестино-израильского конфликта и политических конфликтов в целом.

Возможные политические импликации

Поэтому беспокойство израильского левого лагеря на практике вызывает не тот или иной персональный состав Верховного суда Израиля и его «чувствительность» в отношении тех или иных запросов проарабских или пропоселенческих НПО, сколько логический капкан, связанный с упомянутым усилением юридической составляющей нынешнего состояния палестино-израильского конфликта. Действительно, если организации, выступаю-

щие от имени палестинских арабов, или структуры, связанные с палестинской администрацией, обращаются в израильские суды, значит, они признают их юрисдикцию. И этот прецедент теоретически обязывает их признавать израильскую юрисдикцию и в иных вопросах (заявления из серии: «тут мы признаем, а тут – нет», в этом случае не могут восприниматься серьезно).

И этого можно делать разные выводы, включая такой: признание израильской юрисдикции означает признание Израиля единственным реальным сувереном между рекой Иордан и Средиземным морем, то есть внутри бывших границ Британского мандата на западную Палестину. Что в свою очередь означает, что палестинские арабы являются не самостоятельным квазигосударственным субъектом мировой и региональной политики, а участником неурегулированного внутреннего этнического конфликта, каковых в мире множество. И, соответственно, единственным адресом для обсуждения притязаний палестинского истеблишмента является Иерусалим. Что, собственно, израильское руководство и пытается уже полтора десятилетия доказать своим партнерам и противникам.

Подобное понимание, естественно, в Рамалле отвергают, что называется, «с порога», последние 7–8 лет полагаясь на международное прикрытие в лице однозначной мобилизованности в пользу ПНА/ООП международных организаций (ООН и других) и правительств отдельных стран. Быстрая потеря наследниками Я. Арафата своей значимости как «передового авангарда» мало кому уже интересной «борьбы с сионизмом» на фоне охватившего регион цунами «арабской весны», гражданской войны в Сирии, кризиса беженцев, роста радикальных суннитских движений и превращения лидера шиитского «джихадизма» – Ирана в потенциальную военную ядерную державу ни для кого не является секретом. В том числе и для команды Махмуда Аббаса, озабоченной продолжением функционирования слегка замаскиро-

ванного под «палестинское государство в пути» механизма аккумуляции и перераспределения гигантских средств, поступающих из внешних источников (Израиль, ЕС, США и, в намного меньшей степени, арабские страны).

Способов поддержания необходимой для реализации этой цели своей релевантности в качестве самостоятельного субъекта регионального процесса у лидеров ПНА остается не так много. Один из них – это адаптировать статус своих претензий к Израилю к популярным в ООН и ЕС схемам «моральной силы», ссылаясь на якобы «притеснение израильянами населения оккупированных территорий». И тем самым перетащить фокус своего конфликта с еврейским государством на международно-правовое поле. Однако смена правил игры может привести к появлению новой конфигурации, когда юридический механизм будет работать уже, например, не против еврейского поселенческого движения, а против палестинских лидеров, а также покровителей, соучастников и доноров их антиизраильских демаршей. Причем как на международных площадках, так и в контексте двусторонних отношений.

Единой точки зрения на возникающие в этой связи возможности и вызовы в нынешнем израильском руководстве пока нет. Там имеются две во многом конфликтующие (но и где-то дополняющие друг друга) школы, которые, в определенном смысле, представляют два члена военно-политического кабинета правительства – министр обороны Авигдор Либерман и министр просвещения Нафтали Беннет.

Беннет и иные сторонники первого подхода полагают, что основное внимание следует уделить всем еврейским поселениям, вне связи со степенью их изолированности или с перспективами сохранения за Израилем при том или ином варианте развития событий, территории, на которой они находятся. Соответственно, в подобных Амоне ситуациях, правительству следует «искать решение проблемы на месте». То есть вести судебные тяжбы, подвер-

гать сомнению корректность подхода израильских судебных инстанций трактовать любые, даже самые сомнительные документы и свидетельства в пользу арабских истцов, «вспомнивших» о правах на тот или иной участок. В более общем плане – искать лазейки в юридических прецедентах и находить креативные решения для каждого конкретного случая с целью сохранения «статус-кво». Если это невозможно проверять статус альтернативных участков в непосредственной близости от спорных земель и размещать там во временных строениях обитателей домов, построенных на спорных участках, а потом рядом построить постоянный квартал. То есть реализовывать схемы, подобно той, которую израильское правительство и пыталось осуществить до того момента, когда стало очевидно, что БАГАЦ более не намерен откладывать свое решение по разрушению зданий, которые построены на территории, признанной частной арабской землей.

Постоянным решением, с такой точки зрения, должен быть представленный партией Беннета «Еврейский дом» и утвержденный Кнессетом 6 февраля 2017 года т.н. «Закон упорядочения [земельной собственности]» (*Хок Ха-хасдара*). Как раз и касающийся случаев появления документально обоснованных претензий тех или иных частных лиц в отношении участков земли за «Зеленой чертой», на которых в оговоренный в законе срок уже находятся сооружения, возведенные, как представлялось в момент строительства, на земле, находящейся в распоряжении государства. В этой ситуации приоритетным вариантом решения проблемы данный закон полагает выплату весьма щедрой компенсации в пользу объявившихся владельцев в размере 120% от рыночной стоимости земли и возведенной на ней инфраструктуры или предоставление альтернативных участков аналогичной ценности.

Очевидно, что для самих палестинских арабов предлагаемый им вариант мог бы быть «предложением, от которого нельзя отказаться». Поскольку, как отмечалось, ни

у кого (включая самих арабов) нет сомнений в том, что данная земля приобретает ценность только в момент ее освоения евреями и вновь получит нулевую или даже отрицательную, в коммерческом смысле, стоимость, как только еврейские постройки будут разрушены, а системы инфраструктуры демонтированы. Проблема лишь в том, что закон, принятый ПНА, предусматривает смертную казнь для тех арабов, которые готовы продать (или, что то же самое, добровольно отказаться за компенсацию) землю евреям, что на территориях, контролируемых Рамаллой, регулярно и происходит. В свою очередь, «закон об упорядочении», представленный Нафтали Беннетом и министром юстиции от его партии Аелет Шакед, в случае его окончательного утверждения во многом решает и эту дилемму.

Понятно, что упомянутых правозащитных, или псевдо-правозащитных НПО (равно как и их партнеров в ПНА и доноров), озабоченных не столько справедливым устройством на этих землях арабов, сколько изгнанием оттуда евреев, подобный вариант решительно не устраивает. И вызывает определенные сомнения в конституционности такого подхода даже у сторонников поселенческого движения. Но, на первый взгляд, вполне решает проблему от одной до двух тысяч строений в еврейских поселениях Иудеи и Самарии, находящихся под угрозой, аналогичной домам поселка Амона.

Сторонники второго подхода – назовем его «школой Либермана» (подход которого во многом разделяет и премьер-министр), со своей стороны, сомневаются, что подобные шаги являются оптимальными для еврейского поселенчества в Иудее и Самарии, в частности, и долгосрочных интересов Израиля в целом. (Хотя фракция возглавляемой Либерманом партии «Наш дом – Израиль» в Кнессете из соображений коалиционной дисциплины все же проголосовала за закон Беннета-Шакед). При этом Либерман (как и Нетаньяху, министр регионального развития Цахи Ханегби и иные члены военно-политического

руководства страны) вполне разделяет, как минимум, две составляющие логического комплекса, на котором базируется *Хок Ха-хасдара*. Это идеологическое понимание ситуации, исходящее из закреплённого в серии международных юридических документов, от декларации Бальфура и британского мандата до «соглашений Осло», права евреев жить и селиться в любой части Эрец-Исраэль, вне связи с дискуссией о том, под чьим суверенитетом должна находиться та или иная территория. А также ее оперативно-юридический аспект – необходимость руководствоваться и за «Зеленой чертой» принятой в Израиле нормой, согласно которой территория, на которую более двадцати лет никто не предъявлял прав частного владения и тем более ее не обрабатывал или не возводил там сооружений, относится к категории «брошенных» и переходит в распоряжение государства. То есть в четком соответствии с принципом, на соблюдении которого, кстати сказать, настаивают и выступающие от имени реальных или надуманных арабских владельцев земли правозащитные НГО – «закон един для всех».

Расхождения «доктрины Либермана-Нетаньяху» с планом Беннета-Шакед касаются трех других пунктов.

Во-первых, это сомнение в том, что законодательные действия, типа «Закона упорядочения», в том виде, как они разработаны, будут в состоянии выдержать «экзамен на конституционность» в соответствующих институтах судебной системы страны, позиция которых в данных вопросах такова, какова она есть. Подобное сомнение подкрепляется и позицией юридического советника правительства (отнюдь не левого радикала по своим взглядам), который уже заявил о том, что будет практически не в состоянии что-либо противопоставить Высшему суду справедливости (БАГАЦ), если этот орган решит отменить *Хок Ха-хасдара*. (Что, по мнению многих, скорее всего и произойдет). И если такова реальность – то следует искать принципиально иной путь решения вопросов, ибо бесконечно воевать с судебной системой будет не слишком

продуктивным для дела поселенцев и израильского присутствия за «Зеленой чертой». (Жестче других в этом смысле выразился Цахи Ханегби, который назвал «Закон упорядочения» результатом «политического манипулирования той части правого лагеря, которая не нашла в себе решимости попросить поселенцев посмотреть правде в глаза»).

Во-вторых, возникает опасение в правомочности дипломатического обеспечения стратегии, частью которой является *Хок Ха-хасдара*, несмотря на имеющиеся в мировой практике прецеденты, на которые, собственно, вполне логично ссылаются сторонники этого закона. Одним из таких прецедентов является статус земельных участков и единиц жилья, которые принадлежали грекам, бежавшим или изгнанным из той части Кипра, которая впоследствии стала территорией самопровозглашенной Турецкой Республики Северного Кипра. Несмотря на то, что данное государство не было признано никем, кроме Турции, международные инстанции, в том числе и Гаагский суд, заявили, что коль скоро в оставленных греками домах уже более 40 лет живут турки-киприоты, речь может идти только о компенсации. Казалось бы, лучшего прецедента для Израиля не придумать, тем более, что в случае израильтян речь идет не о занятых ими арабских постройках, а о пустых участках земли, на которые появились арабские претенденты только после (точнее, вследствие) того, как они были освоены евреями.

Однако в ситуации «двойных стандартов», которыми в отношении еврейского государства руководствуются международные инстанции, рассчитывать на то, что даже самые обоснованные аргументы израильской стороны будут предпочтены самым хлипким по аргументации заявкам арабов, с точки зрения тех, кто разделяет подход школы Либермана-Нетаньяху, было бы наивно. Причем позиция международных институтов в немалой степени влияет и на поведение израильской судебной системы. Классическим примером этому является решение члена

Верховного суда Израиля Йорама Данцигера, который отменил решение окружного суда о выселении арабских жителей восточно-иерусалимского квартала Бейт-Ханина из занятых ими еврейских домов и домов, построенных на принадлежащих евреям землях.

В качестве обоснования своего решения судья указал, что «снос домов является действием с необратимыми последствиями, которое нанесет истцам огромный ущерб». Это не помешало тому же судье в составе судебной коллегии днем позже в практически «зеркальной ситуации» принять решение о ликвидации Амоны.

Если ситуация такова, как она есть, то приоритет, по логике сторонников «школы Либермана-Нетаньяху», должен быть отдан координации действий Израиля с его ближайшими союзниками, которые, в свою очередь, смогут поддержать позицию Иерусалима в международных организациях. Приоритет в этом смысле, как неоднократно заявлял тот же Либерман, должен быть отдан поиску понимания и поддержки у новой администрации США, и шанс на это весьма велик. Так, реакция Белого дома на выданное министром обороны Израиля (в чьем ведении находится административное управление территориями зоны «С») разрешение на строительство более 3000 единиц жилья в еврейских поселках Иудеи и Самарии, была одобрительно-уклончивой. (Причем некоторые комментаторы в реакции Вашингтона увидели намек на то, что новая администрация готова вообще считать эту тему внутренним делом израильтян). Параллельно Вашингтон предупредил власти ПНА о том, что подача иска против Израиля в Международный трибунал в Гааге чревата жесткими санкциями со стороны американской администрации.

Что касается иных стратегических союзников Израиля, например Великобритании, то попытка Нетаньяху склонить премьер-министра этой страны в сторону такого же понимания процесса в ходе своего визита в Лондон 5–6 февраля 2017 года, успеха пока не имела. Хотя Тереза Мэй заявляет, что проблема палестино-израильских

отношений «не сводится к вопросу поселений» и что «народ Израиля заслуживает того, чтобы быть защищенным от угрозы терроризма», однако модель «два государства для двух народов» остается, с ее точки зрения, лучшим способом разрешения конфликта. В силу чего поселенческую активность она по-прежнему полагает «контрпродуктивной для возобновления мирного процесса» – как бы ни были убедительны аргументы израильской стороны.

Так или иначе, юридическое и дипломатическое обеспечение поселенческого движения сторонники «школы Нетаньяху-Либермана» считают составными элементами существенно более общей стратегии поселенческого проекта в Иудее, Самарии и Иорданской долине. И в этом содержится третий пункт их расхождений со школой Беннета и Шакед, де-факто нацеленной на точечное решение накопившихся проблем. В отличие от них Либерман предлагает разработать комплексную схему развития еврейских населенных пунктов за «Зеленой чертой». Включая такие параметры, как проверка юридического статуса тех или иных участков земли; создание законодательного комплекса, имеющего обеспеченную конституционную базу и стопроцентную юридическую защиту от возможных негативных интерпретаций израильской судебной системы и международных организаций. И, как было сказано, снабженного эффективными инструментами мобилизации понимания и поддержки со стороны союзников Израиля на международной арене. И самое главное – создание схемы, адаптированной к находящейся в процессе разработки про-активной политике израильского руководства в отношении территорий за «Зеленой чертой». То есть политике, которая должна прийти на смену почти уже исчерпавшей себя стратегии «статус-кво» и тактического реагирования на периодические кризисы.

География выданных премьер-министром и министром обороны разрешений на строительство упомянутых 3000⁸, а двумя днями позже – еще 2500 единиц жилья в Иудее, Самарии и кварталах Иерусалима позволяет

оценить контуры стратегии, предлагаемой Либерманом. (И де-факто в ряде ключевых пунктов поддержанной Нетаньяху и наиболее близкими к нему министрами от Ликуда – Цахи Ханегби, Исраэлем Кацем и Зеэвом Элькиным).

Насколько можно судить, речь идет о значительном выходе за рамки минималистской идеи укрепления еврейских поселенческих блоков на 4–5% территории Западного берега в трех точках узкой полосы, непосредственно примыкающей к «Зеленой черте». А именно, в районе Ариэля (де-факто дальний пригород Тель-Авива), а также комплекса поселений района южного Гуш-Эциона и города Маале-Адумим, являющихся, по сути, частями иерусалимской городской агломерации. (В принципе, с тем, что эти поселения будут сохранены за Израилем при любом варианте развития событий, согласны и большинство умеренно-левонастроенных израильтян; правда их лидеры считают возможным это сделать лишь в обмен на эквивалентные участки суверенной территории Израиля, и не иначе, как по договоренности с ПНА, а до тех пор выступают за замораживание там еврейского строительства).

План Либермана, судя по всему, предполагает укрепление поселений городского типа и связанных с ними населенных пунктов на территории между «Зеленой чертой» и вершинами горных цепей Иудеи и Самарии, то есть во многих местах существенно восточнее нынешнего «забора безопасности», возведение которого было начато полтора десятилетия назад тогдашним премьер-министром Ариэлем Шароном. А также контроль над безопасностью коммуникаций между центром страны и Иорданской долиной – практически лишенной арабского населения полосой, расположенной вдоль границы с Иорданией и западного берега Мертвого моря. Если это так, то помимо ее идеологической, национальной и гуманитарной составляющей, а также обеспечения, в рамках доктрины министерства обороны, физического присутствия на территориях как ультимативного условия подав-

ления действующих там баз арабского террора, подобная схема решает еще одну задачу. Она обеспечивает инфраструктуру для поддержания конфигурации т.н. «защищаемых границ Израиля»⁹, чем, по большинству мнений, «Зеленая черта», даже прикрытая в ряде мест «забором безопасности», не является.

Что в итоге, или «Гуш Катиф, ани нишба» – 2

В свете сказанного можно сделать вывод, что, сходясь в мировоззренческих посылах, доктрины Беннета и Либермана расходятся в ряде стратегических и оперативно-тактических параметров. Разумеется, и у того, и у другого есть своя логика, верность которой может проверить только практика. И все же, возвращаясь к «казусу Амоны», реализация как той, так и другой программы, чем бы она ни завершилась, радикально отличается от событий лета 2005 года, с которыми нередко сравнивают эвакуацию этого поселка. То есть от проведенной (в рамках инициированной Ариэлем Шароном политики «одностороннего отделения от палестинских арабов») ликвидации еврейских поселений сектора Газа и Северной Самарии и вывода прикрывающих их баз ЦАХАЛа. Лозунг поселенцев и группы их поддержки, которые пытались, но так и не смогли отстоять от разрушения блок поселений Гуш Катиф и другие еврейские поселки Газы, «Гуш Катиф, ани нишба!» («Гуш Катиф, я клянусь!») с тех пор стал символом веры тех израильтян, которые убеждены в самоценности идеи еврейского присутствия на всей территории исторической Земли Израиля (Эрец Исраэль). Надо полагать, подобных ощущений не лишены и многие из нынешних израильских лидеров. В силу чего запущенные ими процессы, не единственным, но немаловажным триггером которых был «феноменом Амоны», включая легализацию и/или строительство многих тысяч единиц жилья, предполагают не уход, а оптимиза-

цию присутствия Израиля в районах Иудеи и Самарии, стратегически важных, с точки зрения лидеров правящей коалиции, для идентичности и задач безопасности еврейского государства. Но, разумеется, в политическом классе Израиля имеются и иные мнения на этот счет.

¹ См.: John Jeremy Bob. Israeli Right wins historic fight over Supreme Court justices // *Jerusalem Post*, 22.02.2017.

² Второй канал ИТВ, 04.01.2017.

³ Цит. по: Пресс-служба НДИ, 24.03.2016.

⁴ Цит. по: Sweden's top diplomat slams Israel's 'extrajudicial executions' of Palestinian terrorists // *Jerusalem Post*, 02.12.2015.

⁵ Пост Авигдора Либермана в социальной сети Facebook, 24 февраля 2017.

⁶ Цит. по: Nahal Toosi and Eliana Johnson. Sources: U.S. considers quitting U.N. Human Rights Council // *Politico*, 25.02.2017.

⁷ См.: Алуф Бен. С помощью назначений в Верховный [суд] Шакед и Нетаньяху запустили антиконституционный переворот // Хаарец, 23.02.2017 (на иврите).

⁸ См. статью Велвля Чернина "Израиль: выданы разрешения на строительство еще 3000 единиц жилья в поселениях" на сайте Института Ближнего Востока, 1 февраля 2017, <http://www.iimes.ru/?p=32324#more-32324>

⁹ Концепция "защищаемых границ Израиля" (*Defensible Borders of Israel*) была разработана в 2004–2006 годах и в 2009 и 2014 гг. уточнена в свете изменения региональной обстановки группой ведущих военных политических экспертов Израиля. Включая бывшего начальника Генштаба ЦАХАЛа, генералов резерва Моше Яалона, Узи Даяна, Якова Амидрора, Аарога Зеэви Фаркаша и Уди Декеля, бывшего посла Израиля в ООН и политического советника премьер-министров Биньямина Нетаньяху и Ариэля Шарона, профессора Дори Гольда. Проект был реализован под эгидой Иерусалимского центра общественной политики (Jerusalem Center for Public Affairs) – аналитического центра (think-tank), приближенного к Биньямину Нетаньяху.

ИЕРУСАЛИМ, ИЗРАИЛЬ И ПАЛЕСТИНСКИЕ АРАБЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ США

Как и ожидалось, президент США Дональд Трамп 6 декабря 2017 г. объявил о признании его страной Иерусалима столицей Государства Израиль. В том же заявлении он сообщил о поручении Госдепу приступить к практическим шагам по выполнению принятого еще в 1995 году Конгрессом постановления о переносе в Иерусалим американского посольства.

Согласно данному закону, это должно было случиться не позднее мая 1999 года, однако за президентом страны остается право шестимесячной отсрочки в реализации такого шага в случае «обоснованных сомнений» в его продуктивности для безопасности США и американской стратегии в вопросе урегулирования ближневосточного конфликта. Именно этой лазейкой в законе на протяжении своих каденций пользовались Билл Клинтон, Джордж Буш-мл. и Барак Обама, которые в ходе своих избирательных кампаний обещали «при наличии подходящих условий» перевести в Иерусалим посольство США, но находясь у власти, раз в полгода неизменно продлевали мораторий на этот шаг.

Мотивы «прагматического идеализма»

Дональд Трамп уже в ходе избирательной кампании твердо пообещал покончить с такой практикой, причем

уже тогда было видно, что данное обещание кандидата в президенты США не есть некая фигура речи, что и подтвердилось год спустя. Мнения о причинах ультимативной готовности Трампа выполнить свое предвыборное обещание расходятся. Так, убежденные сторонники нового хозяина Белого дома объясняют этот шаг присущими ему чертами характера, например, большей решительностью или дальновидностью – качествами, в которых противники нынешнего президента США ему как раз отказывают. Другие комментаторы предлагают обратить внимание на то, что Дональд Трамп пришел в политику непосредственно из мира бизнеса, где действуют другие нормы и стандарты.

Действительно, во время избирательной кампании и после победы на президентских выборах Трамп остро критиковал «прагматическое манипулирование» прежней администрации собственными обязательствами и ультимативно заявленными принципами, что, по мнению нынешнего хозяина Овального кабинета, привело к тяжелым репутационным потерям, стратегические издержки которых многократно превзошли оперативные выгоды. Потому реализация законодательно оформленного обязательства, принятого Конгрессом 22 года назад, неплохо укладывается в идею *credibility* (гарантированного исполнения взятых на себя обязательств), которая должна, по мнению Трампа, вновь стать основополагающим принципом внешнеполитической доктрины США.

Возможно и противоположное объяснение, что этот шаг Трампа был мотивирован скорее политически, поскольку признание Иерусалима столицей Израиля соответствует видению консервативного «костяка» его избирателей, принадлежащих к структурообразующему протестантскому ядру американского общества, для которого Иерусалим в качестве столицы Израиля является символом реализации библейских пророчеств и важнейшим элементом их культурно-религиозной и политической идентичности. В каком-то смысле эту версию подтвердила постпред

США в ООН Никки Хейли, заявив, что идея признать Иерусалим столицей Израиля и расположить там американское посольство «не была решением [в пользу] израильтян. Это было решение президента для американского народа».

На самом деле и тут все несколько сложнее. Трамп, признавая Иерусалим столицей Израиля, обосновал этот шаг не столько политическими, сколько морально-историческими соображениями: Иерусалим – это не только реальный политический центр Израиля, но и древняя столица еврейского народа. И коль скоро отрицать оба этих факта смешно и бессмысленно, то их признание есть «правильный шаг» (it is also the right thing to do). Заметим, что моральные и идеологические сантименты были в какой-то мере присущи и Клинтону, и Бушу-мл., как и многим из их избирателей, что все же не мешало этим президентам следовать соображениям «политического прагматизма», регулярно откладывая исполнение решения Конгресса.

Потому думается, что главная причина в ином: Трамп пришел в Белый дом с командой, которая предлагала совершенно иную модель разрешения ближневосточного конфликта, отличного от нарратива Осло, которого последовательно придерживались его предшественники. Доктрина Осло («норвежского процесса») предполагала договоренность Израиля с движением ООП по модели «мир в обмен на территории» – принцип, который ранее применялся только в отношении устойчивых прозападных арабских государств. А достижение этой договоренности, в свою очередь, должно было стать триггером урегулирования отношений Израиля с арабским миром.

Перспективы этой идеи, как теперь видится большинству израильтян, изначально были сомнительны, коль скоро лидеры обеих фракций – радикально-националистической (ФАТХ/ООП) и радикально-исламистской (ХАМАС) – были заинтересованы скорее в уничтожении чужого, чем в создании своего государства или, в лучшем случае,

в бесконечной борьбе за него. И, соответственно, в получении определяемых контекстом отношений этих фракций с Израилем финансовых, политических и дипломатических дивидендов от спонсоров «мирного процесса» или «вооруженной борьбы с сионистским врагом».

Тем не менее, несмотря на все более очевидную исчерпанность концепции «норвежского» процесса, именно эта доктрина продолжала оставаться единственным приемлемым вариантом для участников «квартета посредников по разрешению арабо-израильского конфликта» (ЕС, ООН, Россия и США). Спровоцированный командой главы ПНА/ООП Я. Арафата очередной виток террористической войны с Израилем (т.н. «Интифады Аль-Акса») в 2000–2003 годах ситуацию практически не изменил. Идеи Осло на протяжении последних 17 лет вызывали откровенный или плохо скрываемый, в зависимости от состава правящей коалиции, скептицизм израильского руководства и общества в целом. Но, несмотря на это, ословская модель продолжала оставаться основой всех проектов «мирного урегулирования» между Израилем и палестинскими арабами – от планов Клинтона, Митчелла, Теннета и «Дорожной карты» Джорджа Буша до Парижской и Саудовской инициатив.

Особенно интенсивно идея израильских кардинальных территориальных и иных уступок на палестинском треке продвигалась во период 8-летнего правления Барака Обамы. Тот, как мы помним, видел этот процесс важным элементом «нового прочтения американских интересов на Ближнем Востоке», включая выстраивание отношений с «умеренными» (в его понимании) исламистами типа «Братьев-мусульман», и перезагрузку отношений с Ираном, что в комплексе виделось в Иерусалиме малосовместимым с интересами национальной безопасности Израиля.

Трамп в свою очередь вполне осознавал тупиковый характер таких проектов, что и воплотилось в максиме, вошедшей в его иерусалимское заявление: «Глупо предполагать, что повторение формулы, которая не оправда-

ла себя на протяжении более чем 20 лет, в конце концов, приведет к иному или лучшему результату». Новая доктрина, разработанная его командой под влиянием идей, которые высказывались в Израиле (наиболее выпукло – в концепции «регионального мира», предложенной в декабре 2014 года тогдашним главой МИД Израиля Авигдором Либерманом и примерно с лета 2016 года почти официально ставшей одним из базовых элементов региональной политики кабинета Биньямина Нетаньяху), предполагала обратную схему. Вначале – договориться о взаимопонимании с «умеренными» арабскими странами на фоне общих вызовов в регионе, в первую очередь со стороны «шиитской дуги нестабильности» во главе с Ираном и экстремистских суннитских арабских движений, а затем уже в рамках налаженного арабо-израильского диалога договориться по палестинскому вопросу.

Очевидно, что эта схема прекрасно укладывалась в концепцию «ближневосточного НАТО», которому, по замыслу Трампа, следовало передать ответственность за формирование системы региональной безопасности, замкнуть периметр которой его потенциальные арабские участники, по всем признакам, не видят возможным без того или иного участия Израиля.

Понятно, что против такой трансформации решительно возражают в Рамалле, понимая, что в этом случае элиты палестинских арабов теряют предоставленный им инициаторами «ословского процесса» статус субъекта, который «держит в кармане» ключ от завершения арабо-израильского конфликта. Что долгое время позволяло лидерам ПНА бесконечно завышать и без того бессмысленно высокую планку требований к Израилю в качестве «предварительных условий» для возобновления переговоров, обесмысливая саму идею переговорного процесса.

Именно такое понимание ситуации сделало Трампа, как верно отметила в своем обзоре международный комментатор газеты «Jerusalem Post» Това Лазарофф, автором «первой за четверть века новой парадигмы израиль-

ско-палестинского конфликта и первым президентом США, который готов отодвинуть принципы соглашения Осло 1993 года»¹. И, собственно, именно в этом контексте Трамп готов воспринимать «коренные» проблемы урегулирования, и в первую очередь – символически важный вопрос о статусе Иерусалима.

Как он отметил в своей речи, два десятилетия отказа американских президентов от выполнения «правильного и справедливого» решения Конгресса и на йоту не приблизили Израиль и палестинцев к прочному миру. И потому, объясняя свою позицию в этом вопросе своим арабским и европейским партнерам, Трамп, по данным СМИ, настаивал, что волевое решение вопроса о перемещении в Иерусалим американского посольства не создает, а, напротив, устраняет препятствие для продвижения в сторону урегулирования. Коль скоро оно снимает с повестки дня излюбленный палестинцами и появляющийся каждые полгода повод саботировать нормальный переговорный процесс².

«Для того чтобы переговоры имели смысл, – справедливо заметил в интервью CNN бывший посол Израиля в ООН и гендиректор МИДа Израиля, многолетний политический советник Биньямина Нетаньяху проф. Дори Гольд, – стороны должны находиться в "рамках реализма". К сожалению, у тех, кто участвовал в переговорах со стороны ПНА, такового все это время не наблюдалось». По мнению, Гольда, который ныне возглавляет влиятельный столичный think-tank – Иерусалимский центр общественной политики (JCPA), «это не всегда лишь их [арабов] вина – свою роль сыграло и международное сообщество. Оно и приучило палестинских лидеров полагаться на силу внешнего политического давления на Израиль, посредством издаваемых организациями типа ЮНЕСКО абсурдных резолюций, не имеющих ничего общего с международным правом или исторической правдой».³

Именно в рамках такого понимания событий президент США счел важным подчеркнуть, что официальное

признание «Иерусалим – столица Израиля», ни в коей мере не является попыткой «дезавуировать наши обязательства по продвижению мирного соглашения между Израилем и палестинскими арабами». США, по его словам, поддержат любой вариант компромисса, включая модель «два государства», если это устроит участников переговоров. Нетрудно заметить, что этот широко дебатруемый пассаж речи Трампа является практически дословным воспроизведением его знаменитой декларации, произнесенной на первой совместной пресс-конференции с Биньямином Нетаньяху в январе 2017 года: «Одно государство или два – меня устроит все, о чем смогут договориться стороны. Возможно решение по модели «двух государств [для двух народов]» было бы проще для исполнения, но, честно говоря, и любой другой вариант, который понравится Биби [Нетаньяху] и палестинцам, Израилю и палестинцам, понравится и мне».

А пока этого не произошло, Трамп недвусмысленно дал понять, что он не видит продуктивным навязать израильтянам и палестинским арабам окончательные параметры соглашения, включая границы израильского суверенитета в Иерусалиме, который он, от имени США, признал столицей Израиля, вне связи с расположением тех или иных его кварталов относительно «Зеленой черты».

Данное понимание, по идее, должно быть хотя бы частичным ответом на сомнение тех израильских скептиков, которых беспокоит «дисбаланс цены вопроса»: возможные требования американцев Израилю пойти на нежелательные для него уступки на «палестинском треке» в обмен на «формальное признание фактического положения дел». Во всяком случае, если верить послу США в ООН Никки Хейли, этот шаг президента не только не является способом «подсластить пилюлю» якобы готовящегося давления Вашингтона на Израиль. Но, напротив, призван вывести вопрос Иерусалима из многостороннего обсуждения путей решения арабо-израильского конфликта, вернув его рассмотрение в рамки прямого «палестино-израильского диалога».

Почему это случилось именно сегодня?

Если все это так, то возникает вопрос, почему Дональд Трамп не пошел на этот шаг еще 1 июня 2017, когда он впервые в качестве президента США должен был принять решение о продлении или не продлении моратория на перенос американского посольства в Иерусалим. По некоторым данным, решение не делать «резких движений» в тот момент Трамп принял под давлением трех сил – европейских партнеров и союзников США по НАТО, значительных сегментов внешнеполитических элит США (прежде всего аппарата Госдепа), а также потенциальных участников ближневосточного «антитеррористического блока», прежде всего КСА, Иордании и Египта.

Если первые два субъекта просто сопротивлялись радикальному изменению правил региональной игры, то арабские партнеры Вашингтона руководствовались противоположными соображениями. Их в целом устраивала идея смены парадигмы, если она идет «в пакете» с американской и израильской поддержкой в купировании иранской угрозы и уходом с повестки дня «палестинской темы», ставшей контрпродуктивной для прозападных суннитских государств и расшатывающей их режимы изнутри. Вместе с тем саудовцы и их союзники, которые находятся в капкане продолжающейся многие десятилетия про-палестинской и антиссионистской риторики, не могут сделать поворот на 180 градусов без хоть какого-то продвижения на израильско-палестинском треке.

Именно этими соображениями были вызваны получаемые Трампом из арабских столиц призывы не менять статус-кво, пока стороны не смогут объявить о достижении «взаимопонимания». Эти аргументы в Белом доме, в общем, были готовы взвесить. По данным прессы, последнюю точку в колебаниях Дональда Трампа, который сомневался, подписывать или нет 1 июля 2017 г. очередную отсрочку

перевода посольства США в Иерусалим, поставил разговор с королем Иордании Абдаллой II. Во время своего визита в Вашингтон этот монарх, который в силу обстоятельств, требующих отдельного обсуждения, в последнее время лидирует на рынке «пропалестинских заявлений», сумел доказать президенту, что названное решение «сорвет его усилия по разрешению палестино-израильского конфликта». ⁴

Так или иначе, Трамп и тогдашний госсекретарь США Рекс Тиллерсон пошли на то, чтобы дать шанс попыткам включения ПНА в новую региональную схему и убедить Махмуда Аббаса вернуться к переговорам с Израилем без сакраментальных «предварительных условий», касающихся границ, еврейских поселений, проблемы «палестинских беженцев» и статуса Иерусалима. В том числе, и эту цель преследовали многочисленные консультации спецпредставителей президента США, Джейсона Гринблатта и Джареда Кушнера, многократно посетивших регион в период, прошедший после утверждения их в должности. Однако, как и предполагали в израильском руководстве, палестинские арабы предпочли «не упустить возможность упустить возможность» и на этот раз.

По мнению комментаторов, в этой ситуации Трампу оставалось немного: дать понять палестинским арабам, что «тучные годы их завышенных ожиданий», взлелеянных прежней администрацией США, завершились, и с некоторых пор время не работает на них. Похоже, что президент США также решил избежать объяснений с арабскими и европейскими партнерами и дискуссий с выступающими против данного шага чиновниками Госдепа США, отойдя от схемы «длительных предварительных обсуждений» в пользу модели «take it or leave it». То есть «предварительного уведомления» своих собеседников о том, что перевод посольства США из Тель-Авива в Иерусалим есть дело практически решенное.

Возможность такого рода действий была обеспечена ему беспрецедентной (по сравнению с тяжелой борьбой вокруг каждой из инициированных им реформ) внутрипо-

литической поддержкой в стране. Так, 6 июня 2017 г. 90 из 100 членов верхней палаты Конгресса США (включая бывшего кандидата в президенты, демократа Берни Сандерса) проголосовали за декларацию, посвященную 50-летию воссоединения Иерусалима, в которой этот город – в его нынешних муниципальных границах – был вновь признан столицей Израиля. Учитывая, что оставшиеся 10 сенаторов не присутствовали в зале заседаний во время голосования, данная резолюция была зарегистрирована как получившая единогласную поддержку законодателей.

В любом случае Дональд Трамп постарался соблюсти приличия, уведомив 5 декабря о намерении перенести посольство США в Иерусалим всех лидеров ближневосточного региона, и, по данным СМИ, подробно обсудил эту тему с королем Иордании Абдаллой II и президентом Египта Абд аль-Фаттахом ас-Сиси. А также с лидерами сторон, непосредственно вовлеченных в конфликт вокруг статуса Иерусалима: премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху и председателем ПНА Махмудом Аббасом. Причем, как пишут СМИ, звонок из Белого дома в канцелярию премьер-министра на иерусалимской улице Каплан, в ходе которого Трамп сообщил о шаге, который он намерен сделать 6 декабря, был далеко не первым разговором двух лидеров на эту тему. Таким образом, Биньямин Нетаньяху и его советники были «активными партнерами», работавшими в координации с Трампом и американской администрацией, «поощряя, поддерживая и убеждая» своих визави, в то время как палестинцы, по тем же данным, «пребывали в неведении почти до самого последнего момента».

Статус-кво в Иерусалиме: современный и исторический контекст

Реакции международных организаций на декларацию президента США Дональда Трампа о признании его страной Иерусалима в качестве столицы Государства Израиль

также развивались по заранее очевидной схеме. «Сожаления» по этому поводу выразил Евросоюз; с «резкими осуждениями», выступили ЛАГ (чуть более дипломатично) и Организация исламского сотрудничества (с использованием формулировок, обычно предшествующих объявлению войны).

Далее следовало два мероприятия в Совете Безопасности ООН. Чрезвычайное заседание 8 декабря 2017 года, которое инициировали 4 европейские, две латиноамериканские, одна африканская и одна арабская страна (Египет) и обсуждение представленного тем же Египтом 18 декабря проекта резолюции, согласно которой «ни одно действие, касающееся изменения статуса Иерусалима, не имеет никакой законной силы». Учитывая априори известную позицию Соединенных Штатов, первое мероприятие завершилось решением не принимать никакой резолюции по заявленному поводу. А получивший поддержку 14 из 15 членов СБ египетский проект резолюции был, как и ожидалось, заблокирован США. Постоянный представитель США при ООН Никки Хейли тогда раскритиковала этот проект, как выдержанный в духе традиционной враждебности и предвзятости со стороны ООН к «самой прочной демократии на Ближнем Востоке», с которой Израиль сталкивался на протяжении десятилетий.

Наконец, 19 декабря официальный запрос на проведение специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по статусу Иерусалима подала ПНА, а проект резолюции, осуждающей решение администрации США, на рассмотрение ГА вынесла Турция. Учитывая «автоматическое антиизраильское большинство» ООН, не вызывает удивления, что Генассамблея этой организации приняла резолюцию в устраивающей ПНА/ООП и Турцию версии (хотя недвусмысленная угроза Трампа «запомнить тех, кто, получая от Америки сотни миллионов долларов, голосовал против нее», внесла в ситуацию некоторые нюансы).

Так или иначе, какие бы постановления ни приняла Генассамблея, они, как и предыдущие упомянутые резолюции, никакого юридически-обязывающего значения не

имели и иметь не будут. Значение будет иметь другое: в какой степени на уровне мирового общественного мнения выдвинутая этими субъектами тема «сохранения статус-кво в Иерусалиме» способна хоть как-то укрепить сцепленную с почти исчерпавшей себя «парадигмой Осло» идею равнозначности «палестино-израильского» и «ближневосточного конфликта»?

Критики заявления Трампа о принадлежности Иерусалима Израилю утверждают, что этим демаршем он изменил статус-кво в отношении статуса этого города и тем самым поставил под вопрос саму возможность продолжения дипломатического процесса. Именно этот аргумент часто звучал на упомянутых международных форумах, участники которых в большинстве своем требовали от Трампа дезавуировать свой демарш. А противники этого подхода предлагают обратить внимание на ряд обстоятельств, доказывающих, что процесс постепенного размывания статус-кво в вопросе Иерусалима идет уже давно, причем не в пользу Израиля.

Началом этого процесса стала принятая в 1980 году в ответ на утверждение Кнессетом «Основного закона об Иерусалиме» резолюция СБ ООН №478, которая впервые поставила под сомнение правомерность присутствия Израиля не только в Восточном Иерусалиме, но и в городе в целом. И на этом основании призвала «государства, которые учредили дипломатические миссии в [западном] Иерусалиме, вывести их Святого города», что постепенно и было сделано. Тем более, что в том же 1980 году члены Лиги арабских государств постановили «бойкотировать страны, которые будут открывать свои посольства в Иерусалиме». Другого практического значения эта резолюция не имела – «единый и неделимый» Иерусалим в статусе столицы Израиля был хотя и непризнанным большинством международных субъектов, но вполне свершившимся фактом. Именно в Иерусалиме находится большинство органов власти Израиля, именно там послы иностранных государств вручали президенту

страны свои верительные грамоты, а дипломаты и политики проводили протокольные и деловые встречи с официальными лицами еврейского государства.

Понимание этой реальности продемонстрировали даже лидеры ООП, которые начиная с сентября 1993 года, пошли на подписание с Израилем т.н. «Декларации о принципах» и последующих документов («соглашений Осло»), призванных дать старт процессу мирного урегулирования противоречий израильтян и палестинских арабов. Основное внимание эти соглашения уделяли организации самоуправления в арабских анклавах на т.н. Западном берегу, а также статусу сектора Газа. А статус тех или иных районов Иерусалима был отнесен к числу тем, которые будут обсуждаться в самом финале, когда уже будет объявлено о завершении конфликта.

На практике Восточный Иерусалим по умолчанию в 1990-е гг. был выведен из этого процесса, ибо даже Ясир Арафат понимал, что при существующем в израильском обществе консенсусе в отношении «единого и неделимого Иерусалима» требовать его раздела можно только в том случае, если реальной целью является «взорвать» переговорный процесс. Что он и сделал в сентябре 2000 года, спровоцировав очередной виток террористической войны против Израиля (т.н. «Интифада Аль-Акса» 2000–2004 гг.).

Собственно, эти понимания и «опрокинул» Белый дом в начале президентства Барака Обамы, который выдвинул тему еврейского строительства за т.н. «Зеленой чертой» (т.е. в Иудее, Самарии, на Голанских высотах) на центральное место в палестино-израильском векторе новой американской ближневосточной повестки дня. Причем в резком противоречии с прежней линией Вашингтона, к числу «поселений на оккупированных палестинских землях» были отнесены и еврейские кварталы Восточного и Северного Иерусалима. Эту «расширенную» интерпретацию темы поселений в условиях дефицита продуктивных идей в связи с кризисом классической парадигмы

норвежского процесса с большим восторгом приняли и партнеры США по «четверке коспонсоров ближневосточного мирного процесса» – ООН, Россия и, особенно, Евросоюз.

Понятно, что меньшего не могли потребовать и в арабских столицах (хотя в некоторых из них росло понимание, что данный подход может стать дополнительным препятствием в реконфигурации желаемых ими, в свете общих вызовов и угроз, отношений с Израилем). А в Рамалле восприняли это как «карт-бланш» Вашингтона не просто продолжить, но и усилить линию на выдвижение заведомо неприемлемых для Израиля «предварительных условий» самого возвращения ПНА за стол переговоров. Причем, пройдя в каком-то смысле «точку невозврата», палестинские арабы не смогли отказаться от дипломатической линии, заданной ближневосточной доктриной Обамы образца 2010–2012 гг., даже когда им стало понятно, что «тучные годы завышенных ожиданий» уже прошли.

Среди прочего, тема «оккупированного сионистами арабского Иерусалима» стала важным элементом, как ее называют, «дипломатической интифады» – иницилируемой ПНА и в той или иной мере поддержанной ее единомышленниками в этом вопросе в Европе и арабо-исламском мире кампании дипломатической и идеологической делигитимизации еврейского государства. Некоторым апофеозом чего стали демарши в международных организациях типа подачи в ЮНЕСКО списка еврейских артефактов (включая Кумранские свитки, являющиеся древнейшими сохранившимися еврейскими текстами на иврите) с требованием признать их наследием «палестинского народа». И не менее абсурдные пропалестинские документы таких организаций, например, решение той же ЮНЕСКО признать «объектами палестинского арабского наследия» всю Храмовую гору (включая Стену Плача) в Иерусалиме, еврейские святыни Хеврона и древние еврейские кварталы этих городов.

Причем сами американцы, в какой-то момент осознав слабую продуктивность идеи «ускоренного продвижения к созданию Палестинского государства путем кардинальных уступок со стороны Израиля», на какой-то период снизили профиль требований по поводу замораживания и ликвидации еврейских поселений за «Зеленой чертой» как «критического инструмента» такого продвижения. Но не отказались от нее в принципе и не вывели из этого сюжета тему еврейских кварталов Иерусалима, построенных после 1967 года. Что и проявилось в «прощальном подарке» уходящей администрации США Израилю и новоизбранному президенту Дональду Трампу. Тогда, следуя указаниям из Белого дома, представитель США в ООН воздержался при голосовании за проект резолюции Совета Безопасности (обеспечив тем самым ее прохождение), объявлявшей незаконной «израильскую поселенческую деятельность на оккупированных территориях», к каковым авторы резолюции отнесли и «Восточный Иерусалим».

Смена парадигмы?

Очевидно, что нынешняя администрация США Д. Трампа руководствуется совершенно иным видением статуса Восточного Иерусалима и города в целом, характерным для консервативного и умеренно-либерального (центристского) сегмента политического спектра страны. Аргументы, циркулирующие в этих кругах по данному поводу, приводились неоднократно и вновь были высказаны экспертами, мнение которых, судя по всему, было учтено внешнеполитической командой Белого дома при выработке новой иерусалимской доктрины. В общем виде они сводятся к утверждению, что именно процессы, проходившие в ООН и иных международных организациях на протяжении последних 7–8 лет, привели к инфляции действующего в Иерусалиме статус-кво. Что прежняя адми-

нистрация и инициировала в формальном или неофициальном партнерстве с евробюрократией, арабо-исламским блоком и, отчасти, Китаем и Россией, или же, как минимум, не была заинтересована предотвратить.

Тон фактически задал один из наиболее авторитетных в мире специалистов по международному праву, профессор Гарвардского Университета Алан Дершовиц. В статье, опубликованной уже 6 декабря, в день драматического выступления Дональда Трампа, влиятельным вашингтонским полу-официозом «The Hill», Дершовиц утверждал, что в то время как прежний отказ США признать Иерусалим столицей Израиля исходил из нежелания менять статус-кво в городе, святом для трех религий, Совбез в декабре 2016 года сделал именно это. Изменив прежнюю ситуацию уже самым определением фактического присутствия Израиля на святых для евреев исторических объектах в качестве «вопиющего нарушения международного права», каковое определение, по мнению Дершовица, скорее является его извращением.⁵

Аргументы, которые приводят сторонники такой точки зрения, сводятся к четырем пунктам. Во-первых, озвученный в СБ ООН подход отражает нынешний, популярный в международных организациях тренд, который ставит под сомнение суверенитет Израиля в Иерусалиме вообще, несмотря на существовавший 67 лет консенсус по поводу Западного Иерусалима как реально признанной столицы Израиля. Собственно, именно там и находились многие посольства до появления в 1980 году резолюции СБ ООН №478. И их вывод из западной части города, как мы отмечали ранее, был сугубо политическим актом, совершенным при отсутствии серьезных юридических препятствий для размещения там представительств любой страны, поддерживающей с Израилем полноценные дипломатические отношения.

Во-вторых, эта резолюция (как и резолюция 2334 (2016), осуждающая «поселенческую активность Израиля на оккупированной территории, включая Восточный Иерусалим»)

была принята в рамках Главы VI Устава ООН и, следовательно, носила рекомендательный характер. Уже тогда госсекретарь США Эд Маски (Ed Muskie) (определение которого, представленное 1980 году в отношении той резолюции, процитировала в своем выступлении на заседании СБ ООН 18 декабря Никки Хейли) заметил, что «с нашей [то есть американской] точки зрения, данное требование не является обязательным и не имеет силы. И мы отвергаем такие разрушительные попытки диктата другим странам – они ничем не помогут решению сложнейших проблем, которые стоят перед Израилем и его соседями, и не принесут мира».⁶

Третий аргумент, среди прочих озвучил Брук Голдстейн, исполнительный директор The Lawfare Project, Нью-Йоркской организации, выступающей против «злоупотребления и извращения духа закона с целью использования его в качестве оружия против западной демократии». По мнению Голдстейна, утверждение сторонников раздела Иерусалима «по зеленой черте» о том, что нынешняя трудноразрешимая международно-правовая коллизия стала итогом захвата Израилем восточной части города в ходе Шестидневной войны, является «распространенным заблуждением».⁷

На самом деле, как полагают сторонники такой точки зрения, источником проблемы является отказ арабов – в отличие от евреев – принять решение ООН о разделе Западной Палестины. Предполагавшее, как известно, создание на территории бывшего британского мандата еврейского и арабского государств и выделение Иерусалима и Бейт-Лехема (Вифлеема) в т.н. «самостоятельную единицу под внешним международным управлением» (*Corpus Separatum*). Вместо этого немедленно после провозглашения независимости Израиля в 1948 году армии пяти арабских стран и формирования палестинских арабов атаковали еврейское государство, которое вышло победителем в этой первой арабо-израильской войне, но Восточный Иерусалим, вместе

с большей частью земель, выделенных ООН для палестинских арабов, на протяжении 19 лет оказался под оккупацией Иордании.

Контролируемая арабами часть города, аннексия которой Иорданием никогда не была признана международным сообществом, все эти годы была источником sporadических обстрелов еврейских кварталов, а также стала плацдармом неспровоцированной иорданской агрессии против Израиля в июне 1967, через два дня после начала Шестидневной войны. Потому Израиль, разгромив иорданцев и заняв ранее оккупированную ими часть Иерусалима, тем самым лишь заполнил правовой вакуум. В силу чего, с точки зрения сторонников такого подхода, требование «восстановить статус-кво» путем возвращения к состоянию фактических границ образца 4 июня 1967 года, лишено юридического, политического и морального смысла. И тем более лишено смысла «возвращение» к никогда не существовавшему в Иерусалиме статусу *Corpus Separatum*, который был установлен в резолюции ГА ООН 181/II от 29 ноября 1947, но также был изначально отвергнут палестинцами и арабскими странами, что ООН приняла как данность еще 1951 году.

Именно такой подход, надо полагать, принят и командой Трампа, как в отношении Восточного Иерусалима, так и территорий, занятых ЦАХАЛом в ходе Шестидневной войны. Показательно, что, как передал 26 декабря 2017 года новостной телеканал Израильской корпорации общественного вещания КАН, один из ключевых членов этой команды, посол США в Израиле Дэвид Фридман предложил Госдепартаменту прекратить использовать в официальных документах, касающихся израильского присутствия в Иудее и Самарии, термин «оккупированные территории». Причем в Госдепе, не готовом расстаться с «парадигмой Осло», данная инициатива не нашла понимания. Там, что характерно, сослались не на «международное право», а на «дипло-

матическую традицию, которая не может быть изменена по требованию одного человека».

Наконец, четвертым аргументом сторонников концепции «ползучего дисбаланса, провоцируемого в международных структурах врагами Израиля», являются ссылки на широко признанную норму «естественного исторического права» народов на политическое самоопределение на своей земле – особенно востребованное в ситуации, когда юридическая полемика сторонников и противников израильского суверенитета нередко включает в себя апелляции к историческим фактам. В этой связи заявление Трампа о том, что признание Соединенными Штатами 3000-летней столицы еврейского народа – Иерусалима – столицей еврейского государства Израиль, «есть простая констатация факта, отрицать который не имеет смысла», является сильным аргументом. Особенно на фоне достаточно натянутых претензий лоббистов «исторических прав палестинской арабской нации», существующей, как полагают многие, исключительно в воображении тонкого слоя некоторых фракций арабских элит и их западных спонсоров. Не случаен и образ, избранный премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху в благодарственном письме послу США в ООН Никки Хейли. Она, по его словам, «в дни Хануки (еврейский праздник в память о победе восставших иудеев над греко-сирийской империей во II веке до новой эры, приведшей к восстановлению еврейского национального государства с центром в Иерусалиме) говорила, как [вождь восстания] Маккавей, и зажгла свечу правды, развеяв тьму».

В свете таких соображений декларация Дональда Трампа выглядит, как продиктованная желанием не изменить, а, напротив, исправить возникший не в пользу Израиля дисбаланс, особенно вопиющий в свете одного из многих, закрепленных декларацией СБ ООН абсурдов «превращения в преступника любого еврея или израильтянина, ступающего на землю исторических еврейских

святынь». Подобный подход сообщает позиции США некий моральный императив, а позиция стран, выступивших против заявления Трампа в ООН (организации, по словам Никки Хейли, являющейся «центром враждебного отношения к самой прочной демократии на Ближнем Востоке»), логично выглядит не только политически непродуктивной, но и морально ущербной. Что и придает дополнительный смысл словам Хейли, пообещавшей, что повторения «допущенной ровно год назад США ошибки», позволившей провести антиизраильскую резолюцию в СБ ООН, больше не будет⁸.

Иными словами, с точки зрения администрации Трампа и нынешней правящей в Израиле коалиции, а также лидеров стран (включая, по умолчанию, некоторые государства саудовского блока), разделяющих их подход, восстановлением «статус-кво» в Иерусалиме будет возвращение к ситуации 1980 года. Когда Западный Иерусалим становится немедленно и официально признанной международным сообществом столицей еврейского государства, что должно закрепить перевод туда дипломатических миссий дружественных Израилю государств. А районы, находившиеся до Шестидневной войны под контролем Иордании, рассматриваются не «оккупированными палестинскими территориями, где Израиль проводит незаконную поселенческую активность», а признаются «спорными территориями, находящимися под его реальным суверенитетом».

Следование данной логике предполагает признание двух вещей: первое, популярное в определенных кругах требование к Израилю «немедленно вернуть эту территорию законным владельцам», за отсутствием таковых является абстрактным политическим лозунгом. И второе, обычно сопровождающие это требование ссылки на нарушение Израилем «международного права» бессмысленны за неимением в этом праве нормы, однозначно обязывающей Израиль оставить восточную часть города или, тем более, Иерусалим вообще.

Возможные варианты

В практическом плане это означает, что тема ныне входящих в муниципальную черту столицы районов, которые были заняты ЦАХАЛом в период Шестидневной войны 1967 года, либо может быть отложена «до лучших времен», либо, при заинтересованности Израиля в международно-правовой формализации статуса этой части города, может стать предметом возможных переговоров. Собственно, именно это, вероятнее всего, и имел в виду Дональд Трамп, который в своей уже знаменитой декларации заявил, во-первых, что «решение признать Иерусалим столицей Израиля ни в коей мере не означает наш отход от стремления заключить соглашение о прочном мире». И во-вторых, у США отсутствуют «позиции по вопросам окончательного статуса, в том числе, по вопросу конкретной границы израильского суверенитета в Иерусалиме и по спорным границам», хотя отмечается, что «эти вопросы должны решать заинтересованные стороны».

Если партнеры для вменяемого диалога на эту тему появятся, то он может идти по любой из приемлемой для израильтян и других сторон модели. Вряд ли для израильтян моделью такого рода в обозримой перспективе (если вообще когда-либо) могут стать параметры «плана Клинтона» или первый вариант «арабской (она же «саудовская») инициативы», предполагавших раздел города по демаркационной линии 1949 года, с выделением его восточной части под «столицу Палестинского государства».

Более реалистичными выглядят два других проекта. Первый – в рамках пакетного соглашения с арабскими странами о завершении конфликта признание суверенитета Израиля не только над всеми еврейскими (что само собой разумеется) но и над арабскими кварталами города. Это может быть достигнуто либо в режиме «мир в обмен на мир» (то есть без всяких взаимных условий), либо

в обмен на израильскую поддержку в купировании угроз существованию этих режимов со стороны Ирана и радикального исламизма. Второй – пересмотр статуса некоторых арабских кварталов, бывших деревень, «сгоряча», как полагают некоторые, включенных в городскую черту Иерусалима в 1967 году, сделав их, таким образом, частью схем, подобных либермановскому плану «обмена территорией и населением».

На самом деле на столе израильского руководства уже лежат два проекта, предложенных в рамках такой или близкой логики. Один из них – это план министра по делам Иерусалима (и министра экологии) Зеэва Элькина, который предложил предоставить самостоятельный административный статус нескольким арабским кварталам Иерусалима, выведя их из нынешних муниципальных границ города при сохранении их жителями гражданства или статуса постоянных резидентов Израиля. Речь идет о ставших в 1967 году микрорайонами объединенного Иерусалима арабских деревнях Акаб, Аль-Валаджа и части деревни Савахра в Джабель Мукабер, а также лагере беженцев Шуафат, где проживает от 100 до 150 тысяч арабов.

Население этих кварталов, которое включает и множество мигрантов последних лет из анклавов, подконтрольных ПНА, бойкотирует выборы в городской совет Иерусалима, уклоняется от уплаты налогов, крайне слабо сотрудничает с муниципальными службами (представители которых не готовы появляться там без сопровождения полицейского спецназа). На фоне упадка инфраструктуры в этих кварталах идет бесконтрольное строительство, а улицы захвачены преступными группировками и торговцами наркотиками.

Еще более проблематично то, что жители указанных деревень демонстрируют растущую враждебность еврейскому государству и находятся под сильным идеологическим влиянием ХАМАСа и иных радикальных арабских движений. Не случайно, что когда речь идет об иеруса-

лимских арабах, вовлеченных в террористическую деятельность (в том числе обеспечение серии «ножевых терактов» 2015 года), полиция и службы безопасности чаще всего имеют в виду выходцев из упомянутых деревень. И они же нередко составляют активное ядро шумных насильственных антиизраильских демонстраций, организуемых с подачи ПНА или радикальных исламистских структур. Причем все эти процессы стали заметны еще 15 лет назад, в разгар прежней волны палестинского арабского террора – т.н. «интифады Аль-Акса».

Не случайно, что израильские власти тогда предпочли оставить эти деревни-кварталы за возведенным в 2004 году иерусалимским участком т.н. «стены безопасности», призванной защитить внутренние районы Израиля и крупные поселенческие блоки от проникновения боевиков террористических группировок (прежде всего террористов-смертников). Хотя с точки зрения своего прямого назначения «стена» доказала свою несомненную эффективность и в городе, и в других местах, но сама по себе идея отсечения нескольких кварталов, находящихся на суверенной территории столицы страны, в обществе воспринимается неоднозначно и нередко – критично.

Тем не менее опрос, проведенный по заказу газеты «Маарив» в октябре 2015 года, то есть на пике упомянутой «интифады ножей» в Иерусалиме, показал, что 66% израильских евреев готовы отказаться от суверенитета Израиля над такими иерусалимскими арабскими кварталами, как Шуафат, Джабель-Мукабер, Цур-Бахер и Исауйя. По мнению очень многих израильтян, население этих и других подобных кварталов, имея доступ к рынку труда и получая из бюджета страны услуги в сфере здравоохранения и образования, а также (как представители «социально слабых» слоев) льготы и привилегии на сотни миллионов долларов в год, не считает нужным демонстрировать минимальную лояльность еврейскому государству. И помимо географического соседства, имеет мало общего с жителями других кварталов Иерусалима –

причем не только еврейских, но и арабских, подверженных процессу постепенной «израилизации».

Так, исследование, проведенное по заказу газеты «Исраэль Хайом» в ноябре 2017 года, показало, что 42% иерусалимских арабов ощущают свою принадлежность к израильскому обществу. Далее, треть (33%) этой группы, несмотря на то, что они не всегда в состоянии игнорировать тяжелый национальный и религиозный конфликт, разделяющий евреев и арабов Иерусалима, тем не менее «гордятся своей израильской принадлежностью», а 43% из них «признают историческую и религиозную связь евреев с Землей Израиля/Палестиной». И что было еще менее ожидаемо, 46% арабов Восточного Иерусалима позитивно относятся к деятельности полиции.

Это является дополнительным аргументом в пользу предположения, что арабоязычные иерусалимские жители, выбравшие подобные варианты ответов, преимущественно сконцентрированы в кварталах, отделенных от нелояльных кварталов-деревень упомянутой «стеной безопасности». Там же, видимо, преимущественно находились и те из участников проведенного Мариком Штерном и Ахмедом Амсаром исследования процессов трудоустройства арабов Восточного Иерусалима, которые заявили о своем интересе к развитию личных и профессиональных связей с евреями.⁹

Сам же автор проекта изменения муниципального статуса «нелояльных» районов Зеэв Элькин, ныне претендующий на пост мэра Иерусалима, который с позиции сегодняшнего дня также считает решение оставить их «за забором» ошибочным, тем не менее предложил воспринимать сложившуюся ситуацию как данность. И переподчинить их одному или двум избираемым жителями отдельным региональным советам, которые и получают от МВД необходимое финансирование и полномочия в сфере управления и оказания муниципальных услуг населению.

Второй идеей, предложенной в рамках той же примерно политической логики, но в отличие от плана Элькина предлагающей не сократить, а, наоборот, расширить муници-

пальные границы города, стал законопроект министра транспорта и по делам разведки Исроэля Каца. Он касается расположенных за «Зеленой чертой», но реально являющихся ближними пригородами Иерусалима и частью его экономической, транспортной и социальной системы еврейских городов Маале-Адумим, Гиват-Зеэв, Бейтар-Илит и коллективных поселков блока Гуш-Эцион, которые в рамках господствующих пониманий при любом варианте соглашения (или отсутствии такового) останутся под израильским суверенитетом. Кац уже сейчас предложил сделать эти населенные пункты частью Большого Иерусалима, дав их жителям право участвовать в выборах городского совета, но сохранив при этом их муниципальную автономию.

Нетрудно заметить, что оба эти взаимодополняющих друг друга проекта, которые, как отмечалось, неплохо укладываются в концепцию «обмена территориями и населением» (иногда называемую также «планом Киссинджера-Либермана»), позволяют решить проблемы безопасности, развития и укрепления еврейского характера столицы Израиля. Причем либо параллельно с обсуждением тем юридического суверенитета и гражданства, либо оставив эти политически и дипломатически взрывоопасные вопросы «за скобками».

Арабы и (оп)позиция Рамаллы

Реализация любого из приведенных выше сценариев зависит от множества внутренних и внешних факторов, но уже сегодня понятно, что ни один из этих планов не устроит лидеров ПНА/ООП, которые были убеждены прежней администрацией США в том, что именно они являются монопольными обладателями ключа от завершения арабо-израильского конфликта. Во всяком случае, именно так ими были интерпретированы соответствующие действия Вашингтона, подобные организации прохождения в СБ упомянутой антиизраильской резолюции

2016 года, полностью лишившей Рамаллу остатков мотивации к достижению какого-либо компромисса.

Подтверждение этой гипотезы не заставило себя ждать. В последний день 2017 года министр иностранных дел ПНА Рияд аль-Малики заявил об отзыве «для консультаций» посла ПНА в Вашингтоне. А двумя неделями ранее было объявлено, что в знак протеста против декларации президента Дональда Трампа, признающей Иерусалим столицей Израиля, «палестинская автономия замораживает дипломатические отношения с США». Которые, по заявлению главы ПНА/ООП М. Аббаса, сделанному в присутствии президента Франции Э.Макрона, в его глазах «более не являются исполнителями роли «честных посредников» в палестино-израильском конфликте», потому, заключил Аббас «палестинцы больше не примут никаких американских планов».

При всей анекдотичности исходящих из Рамаллы угроз такого рода в адрес мировой супердержавы, обеспечивающей к тому же треть доходов живущей почти целиком на внешние дотации Палестинской автономии, за этим демаршем стоят достойные рассмотрения подвиги на уже давно меняющейся ближневосточной «шахматной доске». В первую очередь, речь идет о переходе на новый качественный уровень давно идущей серьезной маргинализации «палестинской темы». Чему, помимо кризиса «норвежского процесса», было несколько иных, не менее важных причин. В стратегическом плане это связано с постепенным изменением видения конфликта между Израилем и палестинскими арабами во всем комплексе ближневосточных интересов великих держав, прежде всего Соединенных Штатов.

В свое время их готовность выделить солидные – а на определенном этапе – почти безразмерные дипломатические и финансово-экономические ресурсы в урегулирование этого конфликта определялась не только особыми отношениями между Вашингтоном и Иерусалимом, вклю-

чавшими среди прочего обязательства американцев по обеспечению безопасности еврейского государства. Но и стремлением американцев иметь на своей стороне владельцев жизненно важных для США стратегических запасов углеводородов – арабские суннитские режимы, которые, по своим причинам, старательно демонстрировали заинтересованность в удовлетворении запросов «палестинских братьев».

Как можно заметить, два обстоятельства, почти совпавших по времени и значительно изменивших ближневосточную повестку дня, привели к быстрой эрозии этой схемы. А именно: «арабская весна», переместившая арабо-израильский конфликт на его реальное, то есть периферийное место в комплексе угроз стабильности региона. А также, среди прочего, показавшая, что израильская «вилла в джунглях» для решения оперативных проблем своей безопасности уже не нуждается в постоянном вмешательстве Вашингтона – за исключением отдельных, хотя и, несомненно, очень важных сегментов дипломатического фронта. И во-вторых, произошло радикальное изменение энергетических приоритетов США вследствие «сланцевой революции» и размораживания собственных нефтяных резервов. Тем не менее в Рамалле предпочли не замечать этих изменений, по-прежнему полагая, что интерес США и остальных членов ближневосточного квартета посредников (куда кроме них входят ЕС, ООН и Россия) к урегулированию «палестинской проблемы», а также автоматическая солидарность арабо-исламского блока заставят Израиль оплатить практически любую цену, заявленную ПНА.

Справедливости ради надо сказать, что немалую роль в поддержании подобных настроений, как отмечалось, сыграла администрация прежнего президента США Барака Обамы, позиция которого, как также было сказано, долгое время сохраняла у главы ПНА М. Аббаса иллюзию возможности получить от израильтян все и сразу, не идя им навстречу ни в чем. И даже более того – как

«карт-бланш» на выдвижение все менее рациональных и заведомо неприемлемых Израилем требований, касающихся статуса Иерусалима и других «коренных» вопросов урегулирования, без предварительного согласия израильского руководства, на которых М. Аббас в принципе отказывался вернуться к столу прерванных в 2008 году переговоров. Что, собственно, и загнало «процесс урегулирования» в практически герметичный тупик.

В этом смысле усилия нынешней администрации США восстановить статус-кво на палестино-израильском треке мыслятся там способом не торпедировать, а напротив, активизировать дипломатический процесс, убрав препятствия, созданные в последние восемь лет. Что означает, что если чуть более года назад застой на палестино-израильском треке по инерции еще воспринимался прежде всего как проблема Израиля, то сегодня это становится в основном проблемой пост-арафатовского истеблишмента ПНА/ООП. Тем более, что выдвижение «иерусалимской» доктрины Трампа было обставлено помимо политико-правовых, также и целым набором моральных и исторических аргументов, бросающих вызов лоббистам «палестинской государственности» также и на этом поле.

Господствующее в команде нынешнего американского лидера видение на этот счет суммировал в «Washington Times» президент Фонда защиты демократии – влиятельного консервативного американского think-tank – Клиффорд Мей. «Идея двух мирно сосуществующих государств – евреев и палестинских арабов, на самом деле так и не была принята... Махмудом Аббасом. Вместо переговоров он все эти годы занимался организацией кампаний типа BDS по международной делигитимизации и экономической войны против Израиля и попытками посеять [у мировой общественности] сомнения в исторической связи с Иерусалимом и справедливости их прав на него. И сумел доказать, что Палестинское государство ему нужно лишь для продолжения бесконечной борьбы с Израилем на деньги европейских и американских налого-

плательщиков. Потому признание палестинцами [имманентного] права Израиля на существование и отказ их от бессмысленных мечтаний о новом изгнании евреев из Иерусалима и уничтожении их государства должны быть началом, а не концом реального мирного процесса». ¹⁰

Но и этим дело не ограничивается: данный шаг мыслится в Вашингтоне и важным условием реализации новой региональной доктрины США, предполагающей, среди прочего, создание формального или неформального антитеррористического блока проамериканских суннитских арабских режимов и Израиля – с учетом интересов Рамаллы или без него. Не случайно американский постпред Никки Хейли объяснила в ООН позицию своей страны «интересами защиты ее суверенитета и роли США в ближневосточном мирном процессе».

В практическом плане это означает смену модели «Осло» на упомянутую идею достижения взаимопонимания Израиля и «умеренных» арабских стран на фоне общих вызовов и угроз, и уже в рамках этого диалога – решение проблемы палестинских арабов, которые в этом случае, понятно, перемещаются из центра на периферию политического процесса.

В какой степени «умеренные» суннитские режимы будут готовы пойти на такую схему, несмотря на многолетнюю неготовность смириться с самим фактом существования еврейского государства на Ближнем Востоке и использования все эти годы конфликта с ним в качестве «громоотвода» собственных внутренних противоречий? На первый взгляд, стратегия выживания ближневосточных монархических и авторитарных «президентских» режимов в нынешних условиях имеет мало общего с их историческим противостоянием с Израилем. Сегодня их занимают существенно более актуальные для них линии противостояния и конфликтов – арабов с персами и турками, мусульман-суннитов против мусульман-шиитов. Причем, с одной стороны, в арабских столицах растет понимание, что без Израиля замкнуть периметр регио-

нальной безопасности они вряд ли смогут, а с другой, – усиливается их желание снять с повестки дня ставшую контрпродуктивной и расшатывающую прозападные суннитские режимы изнутри «палестинскую тему».

Потому арабских партнеров Вашингтона, в отличие от остальных членов «ближневосточного квартета посредников» и государств проиранского блока в целом устраивает идея смены парадигмы арабо-израильского урегулирования, в пакете с американской и израильской поддержкой против иранского гегемонизма. Именно поэтому реакция арабских столиц на признание американцами Иерусалима столицей Израиля и указание Трампа о начале переноса посольства США была достаточно минорной.

«Палестинский» капкан

И все же определенный ресурс влияния на предлагаемые Вашингтоном схемы Рамалла все же имеет. Ибо Эр-Рияд и его союзники, которые все еще остаются заложниками продолжающейся многие десятилетия пропагандистской и антиссионистской риторики, не могут сделать поворот на 180 градусов без хоть какого-то продвижения на израильско-палестинском треке, которое можно было бы представить арабской улице как введение в решение палестинской проблемы. Не исключено, что саудовцы готовы, как свидетельствует бывший секретарь Совета национальной безопасности и советник премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху Яков Нагель, «подписать практически под любым мирным договором между Израилем и ПНА, вне зависимости от его благоприятности для собственно палестинцев».

В интервью британской газете «The Telegraph» Нагель заметил, что Саудовской Аравии «просто надо сказать, что Израиль и палестинцы заключили соглашение... и им совершенно все равно, что именно будет в нем написано. Им

надо сказать, что есть соглашение, чтобы двигаться дальше». И именно этим, по его мнению, продиктована попытка Эр-Рияда (точнее, тандема короля и его официального наследника Мухаммеда бен Сальмана) так или иначе заставить палестинских арабов принять параметры урегулирования, которые администрация Трампа намерена предложить в начале наступившего года, каковыми бы они ни были.¹¹

Проблема лишь в том, что палестинские арабы решительно не готовы сотрудничать со странами саудовского блока в изменении привычных и удобных для пост-арафатовского палестинского арабского руководства правил игры. Оба базовых параметра американского плана возобновления «мирного процесса» («расширенная автономия» для палестинских арабов вместо признания их «имманентного права» на суверенное государство; «региональный мир» между Израилем и умеренными арабскими государствами, предшествующий договоренности с ПНА) лидерам ФАТХ/ООП известны. И уже были ими отвергнуты в ходе консультаций со специальными представителями Белого дома Джаредом Кушнером и Джейсоном Гринблаттом. Главное, чего естественно (и, надо признать, основательно) опасаются лидеры ПНА, – это потеря всех политико-дипломатических и финансовых дивидендов, которые сначала давал им статус «передового отряда» арабской борьбы с сионистами, а затем – почти монопольное обладание «ключом» от урегулирования почти столетнего уже арабо-израильского конфликта. Поэтому какие бы креативные идеи ни получал М. Аббас, точка невозврата им и его людьми уже пройдена.

Дипломатический итог

Финал этой истории также не стал сюрпризом. Подписав в своей роли высшей внешнеполитической инстанции США президентский декрет, завершающий придание необратимой законной силы постановлению Конгресса от

1995 года о признании Иерусалима столицей Израиля, Трамп несколько часов спустя в последний раз подписал и шестимесячный мораторий на перевод туда посольства, причем по причинам уже не политического, а материально-технического характера. А несколько месяцев спустя, в мае 2018 года, в Иерусалиме было открыто посольство США, причем это событие было приурочено к 70-летию образования Государства Израиль.

Так или иначе, переезд в Иерусалим американского представительства в новой ситуации было уже существенно менее важно, чем признание США города столицей Израиля. Созданный этим шагом новый международно-правовой прецедент снял тему «косвенного» признания Иерусалима столицей Израиля вследствие перевода туда посольства (вокруг чего, собственно, с 1995 года и было сломано столько копий). И коль скоро такое признание сделано вполне официально, физическое местоположение здания дипломатического ведомства США в Тель-Авиве, Иерусалиме или ином городе Израиля становится вопросом сугубо техническим. А такое понимание новой ситуации в мире может, в свою очередь, втянуть в процесс и другие страны (как это уже сделали Гватемала и Парагвай, и готовы сделать ряд других стран) – коль скоро с многолетним «табу» уже покончено.

Поэтому напрашивающееся сравнение демарша Дональда Трампа – это заявление министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура 100 лет назад, когда в ноябре 1917 года он провозгласил позитивное отношение правительства своей страны – тогдашней мировой супердержавы – к идее создания еврейского национального дома в Палестине. Сегодня президент нынешней главной мировой державы Дональд Трамп заявил о том, что Соединенные Штаты признают Иерусалим столицей еврейского государства. Де-факто это было на протяжении последних 70 лет, но де-юре, вне зависимости от того, как принимают эту идею в других столицах мира, возвращения к прошлому уже не будет.

¹ Tova Lazaroff. Did Trump just nix the idea of a two-state solution? // *Jerusalem Post*, 16.02.2017.

² Mark Landler and David M. Halbfinger. U.S. to Recognize Jerusalem as Israel's Capital, Trump Says, Alarming Middle East Leader // *The New York Times*, 7.12.2017.

³ Цит. по: Israeli Diplomat – Palestinian Negotiators Must Enter the "Box of realism": Fareed Zakaria interviews Dore Gold. CNN, Sunday, 10.12.2017.

⁴ Josh Dawsey, Missy Ryan and Karen Deyoung. How Trump arrived at decision to move US embassy to Jerusalem // *The Washington Post*, 6.12.2017.

⁵ Цит. по: Alan M. Dershowitz. Why Trump is right in recognizing Jerusalem as Israel's capital // *The Hill*, 12.06.2017.

⁶ Цит. по: Ambassador Nikki Haley. U.S. Permanent Representative to the United Nations U.S. Mission to the United Nations. Explanation of Vote following the Veto of a Draft UN Security Council Resolution on Jerusalem // *New York City*, 18.12.2017. – <https://usun.state.gov/remarks/8222>

⁷ Brooke Goldstein. The U.S. Embassy in Jerusalem; International Law and Common Sense // *Mida*, 13.12.2017.

⁸ Цит. по: Ambassador Nikki Haley. U.S. Permanent Representative to the United Nations U.S. Mission to the United Nations. Explanation of Vote following the Veto of a Draft UN Security Council Resolution on Jerusalem // *New York City*, 18.12.2017. – <https://usun.state.gov/remarks/8222>

⁹ Цит. по: Nadav Shragai. Our chance with Jerusalem's Arabs // *Israel Hayom*, 27.11.2017.

¹⁰ Cliffoe May. Reimagining a more realistic 'peace process' // *Washington Times*, 19.12.2017.

¹¹ Цит. по: Raf Sanchez. Saudi Arabia 'doesn't care' about the Palestinians as long as it can make a deal with Israel against Iran, says former Netanyahu advisor // *Telegraph*, 25.11.2017.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «ИЕРУСАЛИМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ» ПРЕЗИДЕНТА США ДОНАЛЬДА ТРАМПА

В ночь на 2 января 2018 года израильский парламент – Кнессет абсолютным большинством голосов принял Закон о едином Иерусалиме, который впервые с 1967 года официально подтвердил муниципальные границы города и ввел норму «специального квалифицированного большинства» (80 из 120 депутатов Кнессета) для утверждения любых изменений политического или территориального статуса столицы Израиля. Очевидно, что подобный акт стал логическим развитием новой политической ситуации в регионе, последовавшей за провозглашенным 6 декабря 2017 года президентом США Дональдом Трампом признанием его страной Иерусалима столицей Израиля и объявлением о начале процесса перевода в этот город американского посольства.

Новая реальность

Реакцию руководства Палестинской национальной администрации (ПНА), которое предъявляет претензии на восточную часть города (оккупированную в 1948–1967 годах Иорданией) в качестве столицы будущего Палестинского государства, нетрудно было предугадать. Представитель председателя ПНА Махмуда Аббаса, Набиль Абу Рудейна назвал этот закон «объявлением войны палестинскому народу, его политической и религиозной идентичности» и

«официальным объявлением Израилем о прекращении так называемого политического процесса». И заодно определил «все решения израильского Кнессета» и признание Дональдом Трампом Иерусалима столицей Израиля как «не имеющие легитимности».

Причиной столь агрессивного стиля и содержания высказываний окружения М. Аббаса, среди прочего, является осознание им провала дипломатической стратегии ПНА, обусловливавшей возобновление прерванного почти десятилетие назад нормального диалога с Израилем серией предварительных условий. В том числе, его априорным согласием на признание восточной и северной части города столицей будущего Палестинского государства – что, с точки зрения Израиля, лишало переговорный процесс какого-либо практического смысла. Причем никаких намеков на готовность изменить эту линию из Рамаллы не поступало даже после того, как вступивший в должность президента США год назад Дональд Трамп четко дал понять, что «карт-бланш» на такие действия, выданный М. Аббасу прежней американской администрацией, безвозвратно истек.

Сам Д. Трамп вновь подтвердил этот факт, поставив весьма рассерженный пост в твиттере, где обвинил ПНА в полном отсутствии желания достичь соглашения о мире с Израилем, что должно было случиться давным-давно. «Убрав со стола переговоров самый тяжелый пункт – проблему Иерусалима, мы открыли дорогу к разрешению конфликта, ибо в обмен Израиль должен был бы пойти на более серьезные уступки со своей стороны. Но если палестинцы не хотят говорить о мире, почему мы должны продолжать платить им высокую цену»?¹

От израильских комментаторов не укрылось, что данное заявление главы Белого дома имело двойной смысл. Первый разъяснила постоянный представитель США в ООН Никки Хейли, которая на состоявшейся 2 января пресс-конференции проинформировала, что «президент не собирается финансировать ситуацию, когда палестинцы

даже не подходят к столу переговоров, но при этом стабильно просят о помощи». То есть речь идет об угрозе лишить ПНА в случае продолжения уклонения от переговоров с Израилем сотен миллионов долларов ежегодной американской помощи, что бывший главный палестинский переговорщик Саиб Арикат немедленно назвал «способом заставить голодать детей в лагерях беженцев» и побудить Израиль и дальше совершать «преступления против международного права».

Но, помимо этого, лежащего на поверхности понимания, употребляя местоимение «мы», Д. Трамп явно имел в виду не только США, но и Израиль. А под «высокой ценой» – не только ее финансовую, но и политико-дипломатическую составляющую. В этом смысле принятые Кнессетом изменения к Основному закону об Иерусалиме выглядят не только следствием принятия американцами израильского понимания статус-кво о городе. Согласно которому Западный Иерусалим и сегодня, с точки зрения международного права, есть официальная столица еврейского государства, а Восточный, в худшем случае – «спорные территории под реальным израильским суверенитетом», а не «оккупированные палестинские территории», из чего продолжают исходить остальные участники «ближневосточного квартета» и страны арабо-исламского блока.

А это, в свою очередь, не только изымает у палестинских арабов козырную карту в так и не возобновившемся, в том числе и по их вине, переговорном процессе. Но и может стать началом реализации еще более кошмарного для руководства ПНА/ООП в Рамалле сценария – инфляции ее статуса самостоятельного субъекта ближневосточного процесса. То есть, как мы уже не раз отмечали, возникает перспектива превращения палестинских арабов из одного из центральных в периферийный фактор (и в этом качестве – объект неизбежного компромисса) схемы достижения взаимопонимания Израиля и «умеренных» арабских государств на фоне общих вызовов и угроз.

В СМИ уже мелькали идеи самых разных проектов политического устройства палестинских арабов – от совершенно фантастического, на первый взгляд, плана создания палестинского государства в секторе Газы и прилегающем районе Синайского полуострова, что, как утверждается, готов взвесить Египет. И до якобы согласованного с наследником престола Саудовской Аравии плана Джерада Кушнера, спецпредставителя президента США в регионе, о создании территориально дисперсного палестинского «государства-минус» со столицей в расположенной вплотную к Иерусалиму, но за его муниципальными границами арабской деревне Абу Дис. Даже если речь идет о непроверенных слухах, абстрактных идеях или wishful thinking, само появление в СМИ подобных «пробных шаров» должно быть для лидеров «радикальных палестинских националистов» плохим признаком.

В любом случае, о своих требованиях возвращения Израиля к «границам 1967 года», раздела Иерусалима, ликвидации почти всех еврейских населенных пунктов в Иудее и Самарии и иммиграции внутрь «Зеленой черты» от 3 до 5 миллионов лиц, именующих себя «палестинскими беженцами и их потомками», лидеры ПНА/ООП, похоже, могут забыть навсегда. То есть обо всем, что за исключением последнего пункта, было практически обещано Ясиру Арафату в 2000 году в Кэмп-Дэвиде тогдашними президентом США Биллом Клинтоном и премьер-министром Израиля Эхудом Бараком. А также Махмуду Аббасу в 2007 году в Аннаполисе президентом США Джоржем Бушем и премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом и главой МИД, а затем и. о. премьер-министра Ципи Ливни.

Не говоря уже о том, что дело может вообще закончиться ликвидацией ПНА и реорганизацией арабских анклавов в Иудее и Самарии в систему самоуправляющихся, но лишенных государственного суверенитета «кантонов», как предлагает министр обороны Израиля

Авигдор Либерман. Или городов-государств («эмиратов»), идея которых стала звучать в прессе благодаря усилиям известного израильского востоковеда и публициста Мордехая Кейдара.

Потенциал арабского ответа

Возникает вопрос, что в этой, несмотря на гордые заявления из Рамаллы о том, что «Иерусалим и его святыни не могут быть предметом торговли и обмена на золото или серебро», непростой для них ситуации сможет сделать Палестинская национальная администрация?

Рассчитывать на солидарную поддержку суннитских режимов им явно не приходится: их реакция на признание американцами Иерусалима столицей Израиля и указание Д. Трампа о начале перевода посольства США из Тель-Авива в Иерусалим была достаточно минорной. В арабских столицах, разумеется, много говорили об опасности этих шагов для продвижения «мирного процесса», а постановление созданного по инициативе Иордании экстренного саммита ЛАГ содержало драматические пассажи. Но предпринимать радикальные шаги у них, по всем признакам, не было ни интереса, ни желания. О чем вполне откровенно заявил министр иностранных дел Объединенных Арабских Эмиратов Анвар Гаргаш, по мнению которого, «способность арабских стран дать ответ [на заявление президента США Дональда Трампа] весьма ограничена. Это стало результатом раскола региона, вызванного событиями «арабской весны». Но самобичевание здесь не поможет». В любом случае, как замечает сотрудник Иерусалимского института стратегического анализа Гилель Фриш, тот факт, что наиболее жесткие реакции на решение Д. Трампа по поводу Иерусалима были озвучены Ираном и Турцией, а не арабскими государствами, показывает, что главный раскол в регионе идет по линии ирано-арабских, а не арабо-израильских конфликтов.²

«Саудиты уже приняли стратегическое решение сосредоточиться на Иране как главном сопернике за доминирование на Ближнем Востоке, – соглашается бывший президент Израильской ассоциации политических наук Габриель Бен-Дор. – И потому в этих усилиях они желают иметь своим союзником США, все остальное подчинено сегодня этой главной движущей силе внешней политики КСА. Потому они хотят снять тему палестино-израильского противостояния с тем, чтобы мобилизовать арабскую поддержку на противостояние с Ираном».³

В итоге арабских партнеров Вашингтона в отличие от остальных членов «ближневосточного квартета» посредников и государств проиранского блока в целом устраивает идея смены парадигмы арабо-израильского урегулирования. Разумеется, если в пакете с ней находится американская и израильская поддержка в купировании иранской угрозы. Потому, полагает автор статьи в «Гаарец» Цви Барэль, «несмотря на свое раздражение [этими шагами] Д. Трампа, арабские и большинство мусульманских государств продолжают рассматривать Соединенные Штаты в качестве жизненно важного союзника, способного защитить их интересы. В то время как конфликт Израиля и палестинских арабов в лучшем случае является темой для застольного разговора, пригодного лишь для поддержания обычных нарративов».⁴

Потому лидеры ближневосточной «четверки» проамериканских арабских суннитских режимов – КСА, ОАЕ, Египта и (с оговорками) Иордании, несмотря на раздражение иерусалимским демаршем Трампа, были все же склонны принять его региональную доктрину. Собственно, изначально было понятно, что, несмотря на громкие осуждающие заявления и демонстрацию якобы полного консенсуса по вопросу Иерусалима, никаких практических действий в этом плане ими предпринято не будет. Факты свидетельствуют скорее об обратной тенденции. Так, анализ, проведенный упомянутым Гилелем Фришем, показал полное отсутствие падения американского экспорта

и объема заключаемых контрактов с арабскими странами Персидского залива, что в прежние времена было обычной реакцией на политические демарши США, неприемлемые этими режимами.

Более того, власти прозападных суннитских государств предприняли немало усилий для того, чтобы подавить в зародыше любые несанкционированные публичные выступления против декларации США в своих странах. В итоге от нескольких сот до нескольких тысяч демонстрантов – арабов и им сочувствующих – вышли на улицы Аммана, Парижа, Лондона, Нью-Йорка, и почти никто – в Каире, Эр-Рияде и столицах государств Персидского залива, пишет Гилель Фриш.⁵ К разочарованию Рамаллы, которая надеялась, что американское решение по Иерусалиму просто «взорвет» регион.

Действительно, после заявления Д. Трампа эксперты заполнили страницы и волны СМИ предсказаниями масштабных насильственных протестов и волны террора, которая захлестнет арабский мир. «Но ни одна из демонстраций на Ближнем Востоке даже не приблизилась по масштабам к размерам похоронной процессии "французского Элвиса [Пресли] – Джонни Холлидея"», – иронично отмечает в «Нью-Йорк таймс» обозреватель по стратегическим темам телеканала Fox Ральф Петерс.⁶ «Вместо этого мы снова и снова видели и слышали завуалированный антисемитизм «образованной публики», дикую пропалестинскую тенденциозность леваков во всем мире. Что же до занятых своими проблемами арабских лидеров, то они ограничились прохладными необязывающими заявлениями».

Разумеется, ситуация может измениться, но пока ни для одного правительства на Ближнем Востоке, – резюмирует член американского Совета по внешней политике, главный редактор академической серии Europe Today и бывший декан болонского филиала Школы международных отношений Университета Джона Хопкинса профессор Рональд Терский, – тема «права (арабов)-палестинцев

на государственность не является приоритетной». Египет и Иордания установили дипотношения с Израилем десятилетия тому назад, Сирия лежит в руинах, а Саудовская Аравия уже многие годы секретно сотрудничает с Израилем и настроена скорее усилить, а не свернуть это партнерство.⁷

Потому запланированный срочный саммит арабских государств, который должен был собраться в столице Иордании, так и не был созван. А на тройственной встрече М.Аббаса, А.Ф.ас-Сиси и Абдаллы II в Каире 12 декабря 2017 г., где глава ПНА потребовал от арабских стран «предпринять решительные шаги против администрации Трампа», он получил лишь «холодный душ» доброго совета президента Египта. Он состоял в рекомендации «угомониться, не ссориться с Трампом и не предпринимать дипломатических и политических шагов, о которых он потом может пожалеть». И оставить «дверь открытой для диалога с администрацией Трампа по поводу ее нового мирного плана; иначе, когда дело дойдет до серьезной «торговли», ему просто будет нечего положить на стол». ⁸

Тем не менее, в Рамалле предпочли не принимать подобных советов. Все последующие недели лидеры ПНА делали антиамериканские шаги и заявления нарастающего уровня жесткости. Пока 9 января 2018 г. генсек Исполкома ООП и ее главный переговорщик Саиб Арикат не заявил, что «палестинцы будут отвергать любые мирные переговоры под эгидой США, пока Вашингтон не дезавуирует свое провозглашенное 6 декабря 2017 года признание Иерусалима столицей Израиля». ⁹

Случайно или нет, но именно 9 января 2018 года было объявлено, что 20 января состоится визит в Израиль и на Ближний Восток вице-президента США Майка Пенса, который уже дважды откладывался. Официальные представители США называли разные причины переноса поездки Майка Пенса, и некоторые из них звучали весьма уважительно. (Например, предыдущий вояж, назначенный на последний день предыдущего года, был отменен, по официальной версии, из-за того, что в этот же день

в Конгрессе проходило голосование по крайне важному для администрации Дональда Трампа законопроекту, и голос Пенса мог оказаться решающим).

Однако большинство комментаторов сходилась во мнении, что истинной причиной было желание не идти на окончательный разрыв с ПНА, глава которой Махмуд Аббас, повышая градус антиамериканской риторики, заявил, что он не намерен встречаться с Майком Пенсом, а высокопоставленный член администрации ПНА Джабриль Раджуб вообще заявил, что Пенс является нежеланным гостем.

Известно, что в ходе визита М. Пенс предполагал представить руководству ПНА альтернативную «парадигме Осло» схему урегулирования конфликта Израиля и палестинских арабов. Эта схема должна была стать элементом разрабатываемого командой Трампа в координации с Израилем и КСА упомянутого комплексного плана «регионального мира» между Израилем и странами суннитского блока как части «антитеррористического» партнерства прозападных ближневосточных стран. Какое-то время возможным партнером в этом блоке в Вашингтоне предполагали сделать и ПНА, «разморозив» буксующий дипломатический процесс и сняв ее лидеров с «высокого дерева завышенных ожиданий» и предварительных условий, куда их своими заведомо неприемлемыми для Израиля требованиями загнала прежняя администрация США. (Не озаботившись на случай иного исхода, оставить, как тогда шутили комментаторы, под этим «деревом» лестницу).

Попытка американцев, отложив поездку М. Пенса, дать сторонам время для успокоения страстей, в Рамалле по достоинству оценена не была. Там еще питали надежды на формирование «арабо-исламского фронта» оппозиции демаршу США – как конкретно, в вопросе Иерусалима, так и в целом идее превращения постаратовского истеблишмента ФАТХа/ООП из почти монопольного обладателя «ключей» от арабо-израильского урегулирования в периферийный фактор ближневосточ-

ной и исчезающе малый – глобальной повестки дня. Однако этим надеждам палестинских лидеров так и не суждено было сбыться.

Не сочли возможным оставить этот и предыдущие подобные демарши без ответа и в США, приступив к введению в действие против ПНА пакета санкций, о существовании которого стало известно, несмотря на отсутствие официального объявления о них, еще в конце декабря 2017 года. Так, в январе 2018 г. США – главный донор Агентства ООН по палестинским беженцам (UNWRA) заморозили существенную часть своих выплат в бюджет этой организации, обеспечивающей функционирование инфраструктуры социальных, образовательных и медицинских услуг для значительной части арабского населения Иудеи и Самарии, где она является фактически филиалом организаций, связанных с ООП и ХАМАСом.

Кроме того, Белый дом дал «зеленый свет» утвержденному в декабре 2017 Конгрессом США закону, получившему имя убитого арабским террористом в Яффо (историческая часть Южного Тель-Авива) американского студента Тейлора Форса. Этот закон предусматривает сокращение американской финансовой помощи ПНА на сумму, выплаченную Рамаллой отбывающим наказание в израильских тюрьмах палестинским террористам и семьям арабских смертников.

Но наиболее неприятным моментом для наследников Ясира Арафата может стать решение Вашингтона продолжить обсуждение своего регионального плана, включая вопросы статуса палестинских арабов, без сколь-нибудь существенного участия и, соответственно, влияния Рамаллы, то есть только с Израилем и правительствами ближневосточного «арабского квартета». Показателем чего и стал маршрут Майка Пенса, который 21 января встретился в Каире с президентом Египта А.Ф. ас-Сиси и Аммане с королем Абдалой II, а затем провел следующие два дня в общении с высшим израильским руководством в Иерусалиме и выступил на специальном заседании Кнессета.

Вице-президент США также посетил главную святыню иудаизма – Котель, или Стену Плача (единственная часть комплекса Иерусалимского Храма, уцелевшая после его разрушения римлянами в ходе подавления Великого еврейского восстания против Рима в 70 году новой эры). Этот объект занимает чрезвычайно важное место в мировоззрении также и христиан-евангелистов, к числу убежденных сторонников которых относит себя и Майк Пенс. И если он, по данным СМИ, первоначально планировал поступить так же, как до него это сделал Дональд Трамп, то есть подойти к Котелю в частном порядке, то теперь его посещение явно выглядело и как политический демарш.

В Вашингтоне, похоже, решили просто проигнорировать последующее неизбежное возмущение лидеров палестинских группировок. А критику из арабских столиц (впрочем, оказавшуюся довольно умеренной – в том числе, и из Иордании, король которой считается официальным покровителем святых для ислама мест, расположенных на Храмовой горе), вероятно, считают разумной дипломатической «ценой» этого шага. И возможно, даже, напротив, мыслят его прозрачным намеком указанным столицам приложить больше усилий, чтобы «приструнить» вождей ПНА.

Похоже, что все, что в этой ситуации остается команде Махмуда Аббаса, – это продолжать играть на повышение ставок, одновременно стараясь найти новых партнеров в дипломатической войне с США и Израилем. Одним из таких возможных партнеров в Рамалле мыслится Евросоюз, ибо его официальные лидеры также раздражены происходящей по инициативе США сменой правил региональной игры.

Однако состоявшаяся 22 января поездка М. Аббаса в Брюссель, куда он отправился вместо встречи с М. Пенсом, чтобы обсудить с руководством ЕС способы противостояния «иерусалимской доктрине» Вашингтона, его надежд не оправдала. Там было озвучено немало жестких высказываний в адрес США и Израиля и немало

заверений о поддержке евро-бюрократией «законных прав палестинского народа», но, как и предполагалось, дело не пошло существенно дальше общих слов. Напротив, главе ПНА дали понять в Брюсселе, что рассчитывать на ближневосточное урегулирование, игнорируя американцев, невозможно, — и потому намекнули на необходимость скорейшего восстановления взаимопонимания с Вашингтоном. Не следует забывать, что сколь угодно глубокие разногласия европейцев с США и Израилем все же являются «семейной ссорой», и не факт, что многие в Брюсселе и главных европейских столицах считают «палестинский кейс» достаточной причиной для открытого разрыва с Вашингтоном и Иерусалимом.

Не похоже, что глава ПНА услышал что-то более обнадеживающее и от президента Российской Федерации Владимира Путина, с которым он встретился в первой половине февраля 2018 года. С тем, чтобы обсудить новую ситуацию на Ближнем Востоке после признания Д. Трампом Иерусалима столицей Израиля и вновь призвать Россию «играть более значимую роль в мирном процессе». Что ж, Москва действительно высказалась против «иерусалимской декларации» Д. Трампа, а также проголосовала против этой инициативы на Генассамблее ООН в декабре 2017 года, но есть мало шансов, что Махмуд Аббасу стоит рассчитывать на большее.

Исламистская альтернатива

Потому более перспективными партнерами для Рамаллы в этом смысле считаются основные конкуренты Эр-Рияда и Каира за региональное лидерство и в этом контексте — за символически важный статус в исламской среде «главного покровителя палестинских арабов» — Турция и Иран. Именно Турция, а также Катар, по сложившемуся у израильтян мнению, разделяемому сегодня и командой нынешнего американского президента, пере-

няли у Саудовской Аравии ее прежнюю роль главного спонсора радикальной суннитской исламистской идеологии. Логично, что эти страны, а также иранские сателлиты – Сирия и Ливан выступили с наиболее резкими антиамериканскими и антиизраильскими заявлениями. В таких тонах были выдержаны и выступления на экстренном саммите Организации исламского сотрудничества в Стамбуле, где инициатор его созыва – президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган призвал международное сообщество признать Иерусалим столицей «оккупированного Израилем» Государства Палестина и обвинил США в поддержке «израильского террора».

Понятно, что сами палестинские арабы, как всегда, здесь были скорее поводом или средством, чем реальной целью турецких лидеров и их партнеров по антисаудовскому блоку. В любом случае, похоже, что этой риторикой дело, скорее всего, и ограничится. Показательно, что в саммите ОИС приняли участие лишь 16 из 57 глав исламских государств. Что же касается Ирана, то, несмотря на все его клятвы и лозунги, и для Тегерана тема получения палестинскими арабами своего государства вторична. А, по мнению отдельных комментаторов, возможно, даже является бесполезным моментом, на который, по пропагандистским причинам, приходится отвлекаться от реализации главной цели – выстраивания базы регионального влияния в Ираке, Сирии и Ливане.¹⁰ И, добавим, в секторе Газа, где правящий исламистский режим ХАМАСа прилагает отчаянные усилия вернуть покровительство Ирана, в силу чего возвращение Сектора под контроль Рамаллы явно не кажется ему хорошей идеей.

Разумеется, иранцы готовы использовать тему «народного возмущения иерусалимским демаршем Дональда Трампа» и с этой целью указали патронируемым КСИР группировкам – «Хизбалле», ХАМАСу и иракским Отрядам народной мобилизации (Iraq's Popular Mobilization Units – PMU) создать «совместный оперативный центр сопротивления решению президента Трампа по по-

воду Иерусалима».¹¹ Реальный смысл этого шага сообщил в интервью газете «Исраэль Хайом» член высшего руководства ПНА, согласно информации которого, командующий подчиненными КСИР специальными силами внешних операций «Кудс» генерал Касем Сулеймани активно предлагает различным палестинским фракциям деньги и вооружения в обход Рамаллы.¹²

Согласно тем же источникам, попытка внедрения Ирана в Газу и на Западный берег мыслится в Тегеране естественным шагом, который должен следовать за укреплением иранских и проиранских сил на сирийской стороне Голанских высот и вдоль границы с Иорданией. Нетрудно заметить, что ниши для правящего в Рамалле режима «светских арабских националистов» в этой схеме не просматривается, и иранцы, по сути, готовят в арабских анклавах Иудеи и Самарии исламистский переворот, подобный тому, который в июне 2007 года был проведен ХАМАСом в Газе.

Конфликтное сближение ООП и ХАМАСа

Эти обстоятельства во многом объясняют, почему команда Махмуда Аббаса почти не воспользовалась такой в прошлом эффективной опцией, как «разогрев арабской улицы» на территории Израиля и Западного берега, что нередко делало ПНА актуальным адресом для просьб по успокоению страстей и дало ей возможность самой определять «цену вопроса». Однако все, что могла себе позволить, по мнению израильских экспертов в сфере безопасности и военных аналитиков, команда М. Аббаса, разрывавшаяся между желанием возглавить «сопротивление» и боязнью потерять контроль над ситуацией, – это «осторожное подстрекательство», которое особого эффекта не дало.¹³ По наблюдению обозревателей, самым крупным протестным актом, организованным Рамаллой, стала демонстрация из нескольких сотен человек

(практически все – молодые мужчины), у блокпоста Каландия к северу от Иерусалима, участие которых, судя по всему, было оплачено движением Махмуда Аббаса ФАТХ.

Вероятно, несколько большего масштаба эти протесты могли бы достичь в случае, если бы М. Аббас не отверг призыв исламистов из движения ХАМАС «объединить усилия для защиты святых мест Иерусалима». Но глава ПНА на это так и не решился, и надо сказать, имел на то немало причин.

Известно, что противостояние между контролирующим Западный берег движением «светских национальных радикалов» ФАТХ/ООП и окопавшимся в секторе Газа движением радикальных исламистов ХАМАС, не готовым в отличие от конкурентов признать право Израиля на существование в любом статусе и любых границах, имеет долгую историю. Их многолетние идеологические и общинно-клановые противоречия и конкуренция за ресурсы, сопровождаемые периодическими вооруженными столкновениями, приобрели еще и географическое оформление, когда после организованного в секторе Газа в июне 2007 года ХАМАСом военного переворота ПНА распалась на «Хамасстан» в Газе и «Фатхленд» Махмуда Аббаса на Западном берегу реки Иордан. Что только подкрепило феномен почти полного отсутствия коллективной идентификации и общей системы ценностей двух сегментов (например, арабы Западного берега «всегда считали жителей Газы невежественными фанатиками, и не слишком мечтают с ними объединяться»).¹⁴

С тех пор попытки лидеров ФАТХа-ООП вернуть контроль над Газой и усилия ХАМАСа распространить свое влияние на палестинские арабские анклавы Иудеи и Самарии (Западного берега реки Иордан) были равно безуспешными. Многочисленные попытки посредников примирить враждующие палестинские фракции также неизменно заканчивались провалом. Потому обозреватели возлагали немного надежд на то, что предпринятая летом и осенью 2017 года пятая по счету (а если считать не-

официальные переговоры – седьмая или восьмая) попытка «перезагрузки», как теперь модно говорить, отношений двух арабских палестинских фракций увенчается успехом.

Нынешняя попытка сближения Газы и Рамаллы была предпринята по инициативе и под эгидой Египта при поддержке США и Саудовской Аравии. Для египетского руководства режим ХАМАСа в Газе – это палестинская версия египетских «Братьев-мусульман», правительство которых было свергнуто во время военно-националистического переворота, который возглавил нынешний президент Египта генерал А.Ф.ас-Сиси в 2013 году. А сектор Газа в Каире небезосновательно считают «ресурсным центром» и убежищем действующих на Синайском полуострове исламистских террористических группировок.

Потому египтяне заинтересованы в восстановлении контроля над сектором со стороны «более идеологически близкого» и, как им представляется, более управляемого светского националистического режима М.Аббаса, а также в противодействии поиску ХАМАСа взаимопонимания с суннитскими конкурентами КСА и Египта за региональное влияние – Турцией и Катаром. Но главная цель – пресечь начавшееся в 2015 году новое сближение ХАМАСа с шиитским Ираном, который до разлада в 2011 году с руководством этой исламистской группировки был среди ее главных покровителей и спонсоров. И сегодня проявляет явный интерес к Газе как еще одному важному плацдарму на побережье Средиземного моря в тылу суннитского мира.

Эти соображения были и остаются близки и американцам. Согласно мнению администрации, которое выразил, выступая 12 декабря на проходившем в Вашингтоне Britain's Policy Exchange, советник президента США Дональда Трампа по национальной безопасности Герберт Макмастер, если десятилетия назад главным спонсором радикальной суннитской исламистской идеологии было КСА, то сегодня эта роль перешла к Катару и Турции. А нынешнюю власть в Тегеране Макмастер определил

как «режим изгоев, стремящийся к дестабилизации региона и изменению в нем в свою пользу баланса власти, через использование сил своих «прокси» и получение доступа к ядерным вооружениям».¹⁵

Что же касается ПНА, то летом и осенью прошлого года в Вашингтоне еще надеялись сделать ее, как было сказано выше, партнером в реализации разрабатываемого командой Трампа в координации с Израилем и КСА новой модели региональной безопасности. Примирение ООП и ХАМАСа в рамках этой схемы мыслилось рычагом если не «нормализации» радикальных палестинских исламистов, то, по крайней мере, их долгосрочного «успокоения» и изоляции от про-иранского лагеря и сетей суннитских экстремистов.

В свою очередь, у ФАТХа и ХАМАСа тоже были свои резоны пойти на формальное сближение. Для М. Аббаса возвращение под его власть Газы – пусть даже и номинальное – укрепило бы заявку на роль официального лидера всего «палестинского народа», где бы он ни находился – на Западном берегу, в Газе или диаспоре. Это могло бы поддержать все более сомнительную релевантность ПНА в качестве самостоятельного субъекта ближневосточного процесса, а также противопоставить «единство всех палестинских группировок» мирному плану США, поскольку оба известных лидерам ФАТХа/ООП параметра этого плана («расширенная автономия» для палестинских арабов вместо признания их «имманентного права» на суверенное государство и достижение «регионального мира» между Израилем и умеренными арабскими государствами за счет интересов ПНА) их решительно не устраивают. Потому Аббасу, пишет израильский военный аналитик Р. Бен-Менахем, «нужна помощь ХАМАСа, чтобы торпедировать эти планы президента Трампа и завершить свою политическую карьеру в статусе лидера, который привел к примирению палестинских арабов, а не фигуры, которая оставила за собой раскол между Западным берегом и Газой».¹⁶ Однако он желал это сделать

не ранее, чем загнанные в угол лидеры исламистов согласятся на примирение на условиях М. Аббаса и вернут ему власть над сектором без дополнительных условий.

Основания для подобных надежд, в принципе, были: они проистекали из дипломатической изоляции и тяжелейшего финансового кризиса, с которыми ХАМАС столкнулся на пике «арабской весны». На то был целый ряд причин. И в первую очередь – смена власти в Египте (который после свержения власти «Братьев-мусульман» ввел режим жесткой блокады сектора со стороны Синайского полуострова) и рухнувшие надежды на немедленные масштабные финансовые вливания занятых своими проблемами Турции и Катара. А также позиция Ирана, который охотно подкармливает военное крыло ХАМАСа, но наученный прежним опытом, требует стопроцентного подтверждения лояльности группировки, прежде чем он пойдет на жизненно важные для нее инвестиции в гражданскую инфраструктуру Газы, которая так и не поднялась из руин после контртеррористической операции ЦАХАЛа «Несокрушимая скала».

М. Аббасу, на первый взгляд, лишь оставалось подтолкнуть процесс в нужном направлении. Что он и сделал, когда объявил в мае 2017 года Сектор «мятежной провинцией» и ввел против него пакет санкций, включавших прекращение выплаты зарплат сотрудникам организаций в Секторе, подчиняющихся ХАМАСу, и отказался оплачивать счета за воду и электроэнергию, которую туда поставляет Израиль.

На фоне общественной динамики в Секторе этот шаг казался беспроблемным. Так, согласно мониторингу Палестинского центра изучения общественного мнения (Palestinian Center for Public Opinion – PCPO), который пользуется в профессиональных кругах репутацией сравнительно надежного источника социологической информации об этой среде, месячный доход двух третей семей жителей сектора в мае 2017 года был менее 1200 шекелей (примерно 330 долларов). В то время как в арабских

анклавах Иудеи и Самарии доля таковых не превышала 8%, а большая часть тамошних арабских семей сообщила, как минимум, о вдвое большем уровне месячного дохода. А опрос, проведенный месяц спустя другим авторитетным исследовательским агентством – Палестинским центром исследований политики и общественного мнения Халила Шикаки (PSR) по заказу фонда Конрада Аденауэра, показал, что 47% жителей Газы (против 23%, то есть вдвое больше, чем арабов Иудеи и Самарии) хотели бы эмигрировать в другие страны.¹⁷

Не случайно, что волна недавних социальных протестов в Иране имела и эхо в Газе, где несколько тысяч жителей сектора протестовали и против властей ПНА, и против ХАМАСа, допустивших, по их мнению, ухудшение гуманитарной и экономической ситуации в секторе. И требовали вернуть свет в дома Газы и «справедливости и лучшего будущего» для ее жителей.¹⁸

Не случайно, 69% жителей Газы, опрошенных в ходе упомянутого исследования PCPO, – даже больше, чем было таких на Западном берегу, желали получить рабочие места в Израиле. В силу чего доля жителей сектора, требовавших от ХАМАСа поддерживать режим прекращения огня с Израилем, выросла с 55 % в мае 2015 года до 80% в мае 2017 года. А доля тех, кто полагал, что достижение урегулирования с Израилем по схеме «два государства для двух народов» будет означать полное завершение конфликта, в Газе в 2017 году было 47% – на 13% больше, чем два года назад. (И в полтора раза больше, чем среди арабских респондентов, опрошенных в 2015 и 2017 годах на Западном берегу).

По заключению инициатора этого опроса Давида Поллака из Вашингтонского института Ближнего Востока (The Washington Institute for Near East Policy), все это стало «прямым следствием катастрофического для Сектора опыта вооруженной конфронтации с Израилем в 2014 году и растущего сомнения в том, что силовые действия смогут принести успех в будущем».¹⁹

Потому египетское предложение несколько ослабить изоляцию Сектора (по многим параметрам несопоставимо более жесткую, чем его «блокада» со стороны Израиля), «вернуть свет» в его дома и учреждения и решить первоочередные финансовые проблемы ХАМАСа за счет средств Саудовской Аравии и ОАЭ, поступило в самый подходящий момент. Ценой вопроса было примирение с ПНА, представители которой возьмут на себя контроль над выполнением лидерами ХАМАСа выдвинутых ранее Каиром условий в сфере безопасности.

Дополнительным нюансом стал тот факт, что инициатором договоренностей выступил бывший «сильный человек» в Газе, бывший близкий соратник, а затем главный противник лидера ПНА в движении ФАТХ и «политэмигрант» Мухаммед Дахлан. Он использовал свои устойчивые связи с финансовой и политической элитой в Каире и Абу-Даби и в июне прошлого года разрешил, пусть и временно, энергетический кризис в Секторе, убедив Египет ежедневно отправлять в сектор сотни тонн топлива для генераторов местной электростанции, а власти эмиратов – оплатить эти поставки.

В тот момент создавалось ощущение, что М. Дахлан видится лидерам саудовского блока фигурой, способной запустить механизм хотя бы начальной «нормализации» режима ХАМАСа в Газе. И тем самым обеспечить относительное спокойствие в тылу формирующегося антииранского блока суннитских стран – КСА, ОАЭ, Египта и Иордании – с возможным неформальным (пока) участием Израиля. Первым шагом стала достигнутая при посредничестве спецслужб Египта договоренность о перераспределении институтов власти в секторе между ХАМАСом, который будет продолжать контролировать вооруженные подразделения и сферу безопасности, и командой Мухаммеда Дахлана, в чье ведение должна была перейти гражданская администрация, финансово-экономический блок и иностранные дела.

Главная угроза

Фактор Дахлана показал Аббасу, что времени и свободы для маневра у него уже практически не осталось, тем более что конфликт с Газой стал приносить ему политические издержки и на Западном берегу. Так, согласно результатам ежеквартального опроса, проведенного в конце июня и начале июля 2017 года упомянутым Палестинским центром исследований политики и общественного мнения Халила Шикаки, 87% жителей анклавов, находящихся под контролем ПНА, не одобряют отказ Рамаллы от уплаты денег за электричество, поставляемое в сектор Газа. (В том числе, так тогда считали 77% сторонников ФАТХа). Кроме того, 88% респондентов высказались против проведенных ПНА сокращений зарплаты государственных служащих в секторе Газа, а 40% респондентов (включая 32% сторонников ФАТХа) считают, что меры экономического давления на жителей Газы были мотивированы исключительно узкими политическими интересами руководства ПНА.

Хотя значительное большинство опрошенных в июне-июле 2017 года выступило против соглашения ХАМАС-Дахлан, полагая, что это станет окончательным и формальным разделением Западного берега и сектора Газа, более 60% опрошенных жителей Сектора, напротив, были тогда готовы поддержать такой шаг. Но к сентябрю 2017 г. идею такого союза позитивно оценивали 56% опрошенных респондентов в целом по выборке, а в Газе таких было уже 73%, причем 57% опрошенных жителей Сектора верили, что у этого проекта есть будущее.

В случае союза Дахлана, олицетворяющего идею «светского палестинского национализма», с исламистами из ХАМАСа можно было говорить о появлении в Газе того самого «правительства палестинского арабского единства», претензий которого на переезд в Мукату – прави-

тельствующую резиденцию ПНА в Рамалле – вряд ли придется очень долго ждать. Особенно на фоне стабильно низкой популярности М. Аббаса: 2/3 палестинских арабов в 2017 году, включая 55–60% арабских жителей Иудеи и Самарии, хотели, чтобы он ушел со своего поста.²⁰ И примерно те же тенденции фиксировались в предыдущие несколько лет.

Поэтому М. Аббас попытался перехватить инициативу, первым обратившись к руководству исламистов с предложением начать очередной диалог о примирении враждующих фракций. И на первой же встрече с делегацией ХАМАСа, состоявшейся 1 августа 2017 года в резиденции главы ПНА в Рамалле, пообещал возобновить оплату поставок в сектор электроэнергетики и подписать «президентский указ» об отмене финансовых санкций. А также, в обмен на роспуск «теневого кабинета» ХАМАСа в Газе, предложил включить его представителей в «правительство палестинского единства». Но все это – с условием немедленного и официального деэскалации любых договоренностей, достигнутых ХАМАСом с Мухаммедом Дахланом.²¹ В итоге в октябре 2017 года ООП и ХАМАС заключили соглашение о начале процесса примирения, предполагавшее, что ПНА под руководством ФАТХа возобновит административный контроль над сектором Газы не позднее 1 декабря 2017 года.

Если такова и была цель Каира и Эр-Рияда, то первый акт этой пьесы был ими разыгран вполне успешно. Однако дальше возникли непреодолимые проблемы, в силу которых передача власти была перенесена на 10 декабря (по официальной версии, с целью доработки некоторых положений), а затем до конца того месяца. Хотя еще 21 декабря лидер ХАМАСа в секторе Газы Яхья Синвар заявил, что его организация самоустраняется и «ради высокой цели сохранения палестинского единства» снимает с себя все властные полномочия. Все эти оттяжки и переносы лишь показали: что бы ни говорили лидеры

двух фракций, отмечает аналитик по арабским вопросам Иерусалимского центра общественной политики Пинхас Инбари, на практике ХАМАС и ФАТХ ни о чем настоящему не договорились.²²

Лидеры ХАМАСа решительно воспротивились переподчинению Рамалле военного крыла своей группировки – бригад «Изаддин аль Кассам». Оставалось непонятным, кто на практике будет управлять Газой – чиновники, которых назначал ХАМАС и в мае 2017 года торжественно уволил, объявив сектор «взбунтовавшейся провинцией», Махмуд Аббас – или бывшие чиновники ФАТХа, отстраненные ХАМАСом от власти после переворота в июне 2007 года. Будет ли компенсирован ущерб семьям активистов ФАТХа и ХАМАСа, пострадавших в столкновениях между этими палестинскими арабскими группировками, и кто оплатит этот символически важный шаг, без которого, по мнению экспертов, реальное примирение между ними, как и получение пусть даже хлипких гарантий исключения дальнейших столкновений в принципе невозможно. И самое главное, лидерам ПНА решительно не понравилось требование ХАМАСа на *quid pro quo*: в обмен на возвращение ФАТХа/ООП в Газу легализовать деятельность группировки на находящихся под контролем Рамаллы территориях Западного берега. Ибо стратегическая цель ХАМАСа остается неизменной – оттеснить ФАТХ/ООП от руководства ПНА и взять власть над палестинскими арабами в свои руки.

Показателем этих настроений является назначение Салаха аль-Арури на пост заместителя председателя Политбюро палестинского «Исламского движения сопротивления» (ХАМАС). С аль-Арури, который считается основателем «Бригад Изаддина аль-Кассама», боевого крыла ХАМАС, на Западном берегу, провел 18 лет в израильской тюрьме за террористическую деятельность и вышел оттуда в 2011 году в рамках «сделки Шалита». Он возглавлял усилия организации палестинских исламистов по распространению их террористической инфраструктуры

в Иудее и Самарии, мобилизуя финансирование, структурирование и снабжение тамошних ячеек группировки, а также подготовку их членов к проведению терактов против Израиля и ПНА вначале из Сирии, а затем – из Турции, Катара и теперь Ливана.

Так, С.аль-Арури спланировал масштабную операцию против лидеров ООП в Рамалле, в ходе которой 100 хорошо вооруженных боевиков ХАМАСа должны были провести серию терактов, чтобы парализовать деятельность правительства ПНА и обеспечить своей группировке захват власти в арабских анклавах Западного берега.²³ Этот заговор тогда не удался благодаря оперативным действиям израильских спецслужб. Но как полагает военный обозреватель газеты «Исраэль Хайом» и Второго канала ИТВ Иоав Лимор, назначение на должность этого деятеля посреди переговоров ХАМАСа с Аббасом и наделение этого уроженца деревни Арур в Самарии функцией представителя ХАМАСа на Западном Берегу, и де-факто ответственным за ход переговоров, посылает четкий сигнал: ХАМАС не оставил планов взять под свой контроль арабов на Западном берегу р. Иордан.²⁴

Разве что, учитывая неудачу силовых планов, ХАМАС на этот раз готов попробовать модель «Хизбаллы» в Ливане, выстроив схему своего рода «симбиоза» с государственными структурами этой страны. В этой схеме за государством остается роль легитимного дипломатического фасада и системы обеспечения физических потребностей подконтрольного исламистам населения при сохранении «Хизбаллой» полной автономии в военных и административных делах и выполнения роли критического фактора в процессе принятия важнейших правительственных решений.

Понятно, что М. Аббас не в восторге от схемы, при которой ПНА отводится роль поставщика услуг населению Сектора, а ХАМАС продолжит сохранять реальные рычаги власти в Секторе, а со временем и за его преде-

лами. Причем в пакете с собственными военным крылом, производством вооружений и прокладкой террористических и «хозяйственных» тоннелей. Именно озвучиваемое при каждом удобном поводе функционерами ХАМАСа требование о том, что вооружение, которым обладает группировка, останется в руках ее боевого крыла и ни при каких вариантах развития событий не будет демонтировано или передано под контроль ПНА, является главным подводным камнем соглашения. Ибо в Рамалле с сомнением воспринимают объяснения лидеров исламистов о том, что «оружие им нужно исключительно для борьбы с Израилем». Там не забывают, что сторонники ХАМАСа уже использовали его против активистов ФАТХа в Газе 10 лет назад, и имеют все основания предполагать, что при случае они не постесняются это сделать вновь, в том числе и на Западном берегу.

Вызов, которым для стратегии обеих палестинских группировок стало признание Дональдом Трампом Иерусалима в качестве столицы Израиля в пакете с объявлением, что тема раздела города изымается из американских планов урегулирования ближневосточного конфликта, заставила ООП и ХАМАС искать компромисс и в вопросе автономии вооруженных подразделений палестинских арабских исламистов. В начале января 2018 года ХАМАС согласился передать свои вооружения под контроль Организации освобождения Палестины при условии, что его самого примут в состав ООП и ему будет отведена одна из ключевых ролей в палестинском правительстве национального единства.

Все это может означать как стратегическую уступку одной из ветвей руководства ХАМАСа (фракции правительства Я.Синвара в Газе), так и то, что лидеры исламистов готовы попробовать дойти до цели установления контроля над всеми палестинскими арабскими анклавами более кружным путем. Например, как полагают некоторые журналисты, взять власть в ООП и ПНА в свои руки после ухода от власти команды Махмуда Аббаса.

Впрочем, обозреватели уже ждут разногласий, которые идея разоружения может вызвать между руководством ХАМАСа в секторе Газа и за пределами анклава. Это может также означать, что и у Аббаса, в свою очередь, все же могло быть искушение, чтобы купировать наиболее опасный для него сценарий полной потери своей политической релевантности, сыграть, несмотря на риски, в игру «сближения с ХАМАСом». С тем, чтобы предъявить и США, и арабскому миру «единый фронт палестинской арабской нации», а затем попробовать переиграть своих исламистских конкурентов. Вопрос, что лидеры ХАМАСа могли предложить ему уже сегодня? Выводы оказались неутешительными.

Полный список возможных в этом смысле идей глава Политбюро ХАМАСа Исмаил Хания изложил в конце декабря 2017 года. Он назвал решение Д. Трампа о признании Иерусалима столицей Израиля «уловкой, призванной уничтожить палестинское дело», и предупредил, что его организация будет всеми силами бороться за срыв мирного плана США. А пока призвал продолжить «восстание» палестинских арабов и протесты в столицах арабских и мусульманских стран.²⁵ То есть И.Хания, с точки зрения М. Аббаса, ничего свежего и продуктивного, что не было бы уже испробовано и либо просто не сработало, либо нанесло ПНА ущерб, – предложить не смог.

Впрочем, как минимум, один новый элемент в нынешней линии лидеров ХАМАСа имеется. Они вполне серьезно относятся к предупреждениям премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху и министра обороны Авигдора Либермана, данного им в интервью палестинской газете «Аль-Кудс» в октябре 2016 года, что следующее масштабное столкновение с Израилем будет концом режима исламских фундаменталистов в Газе.²⁶

И потому стремятся не допустить новой антитеррористической операции ЦАХАЛа в Секторе, сдерживая своих конкурентов из «Исламского джихада» и салафитских группировок, идентифицируемых с «Аль-Каидой» и

«Исламским государством», от запуска ракет по израильской территории. Но с другой стороны, стремясь не потерять и так подмоченный разрухой, оставшейся в Газе после предыдущего витка конфликта, статус «авангарда арабского сопротивления сионистам», ХАМАС всеми силами старается организовать террористические вылазки против Израиля из арабских анклавов Западного берега.

Подобный подход вполне устраивает и новых-старых покровителей ХАМАСа в Тегеране, укрепление связей с которыми для Исмаила Хании и Салаха аль-Арури сегодня существенно важнее, чем сколь-нибудь продолжительное партнерство с лидерами ФАТХа и ООП. Это только подтверждает вывод израильских спецслужб, согласно которому, как отмечает Б. Каспит, на протяжении последних 20 лет ситуация не изменилась: любая попытка примирения ФАТХа и ХАМАСа основана на временном совпадении интересов и долго не продлится. Ибо стратегическая цель ХАМАСа остается неизменной – оттеснить ФАТХ/ООП от руководства ПНА и взять власть над палестинскими арабами в свои руки.²⁷

В любом случае у членов руководства ПНА почти нет сомнений, что именно они рискуют стать первыми жертвами «восстания палестинцев», к которому призывают исламисты. А Махмуд Аббас, судя по всему, не слишком долго гадал, что означает ли полученный им в момент саммита в Турции призыв члена высшего руководства ХАМАСа Мусы Абу Мазрука «не возвращаться в его резиденцию в Мукате, пока Трамп не откажется от своей декларации». Есть ли это демонстрация готовности всеми силами поддержать любой громкий дипломатический и пропагандистский демарш своего партнера – либо является завуалированным намеком лидеров ХАМАСа освободить офис в Рамалле для других хозяев.

Потому вместо принятия иранской помощи, заключа-ет обозреватель газеты «Исраэль Хайом» Ави Иссахаров, власти ПНА настроены «остановить проникновение иранцев любой ценой», включая фактическое восстановление

в полном объеме торжественно декларированного М. Аббасом прекращения сотрудничества в сфере безопасности с израильтянами. В координации с израильскими спецслужбами власти ПНА проводят в арабских городах и деревнях Иудеи и Самарии задержания экстремистов, предотвращают теракты и пресекают политическую, мобилизационную и финансовую активность расположенных там ячеек ХАМАСа.²⁸

Все это не мешает пока властям ПНА поддерживать иллюзию «братского партнерства» с ХАМАСом, обсуждать вопросы включения представителей организаций исламистов в состав Исполкома ООП и делать вид, что они взвешивают призыв ХАМАСа и «Исламского джихада» к ООП отказаться от признания Израиля, сделанного в рамках «соглашений Осло».

Вывод из всего сказанного, на наш взгляд, очевиден. Главная непосредственная угроза руководству каждой из соперничающих фракций палестинских арабов исходит сегодня не извне, а друг от друга. Потому их очередная «перезагрузка» скорее напоминает подготовку к очередному витку гражданской войны. В силу чего и противопоставить американским требованиям и давлению суннитских столиц в отношении принятия ими планов, меняющих установившиеся за последние 15 лет на арабо-израильском треке правила игры, ни тем, ни другим практически нечего.

С другой стороны, обозреватели не исключают, что так же, как режим исламистов в Газе может в очередной раз упустить контроль над ситуацией и открыть дорогу новому витку вооруженного конфликта с Израилем, точку невозврата могут пройти и постепенно теряющие, по мнению многих, чувство реальности лидеры ООП. Так, 11 января 2018 г. было объявлено, что Исполнительный комитет Организации освобождения Палестины намерен официально отказаться от признания Израиля и «двухстороннего переговорного процесса» в пользу т.н. «международного формата достижения государственности».

То есть потребовать от международного сообщества признать изменение статуса ПНА с «переходного органа» на «государство, находящееся под оккупацией».

Кроме, разумеется, громкого пропагандистского эффекта, данный шаг не будет иметь никакого практического значения и, скорее всего, просто снимет с международной повестки дня идею «политического самоопределения палестинской арабской нации» надолго, если не навсегда. С другой стороны, обозреватели не исключают, что рост давления со стороны США, Израиля и арабских стран теоретически еще может подвигнуть лидеров ФАТХа пересмотреть впервые в истории этой организации ее антисионистскую линию, являющуюся главным препятствием для достижения мира с Израилем. Но шансы на это, как полагает бывший начальник аналитического отдела Управления военной разведки АМАН, сотрудник Иерусалимского центра общественной политики Йоси Купервассер, крайне невелики, особенно если принять во внимание возраст М. Аббаса и продолжающуюся борьбу за его политическое наследство.²⁹

Возникает вопрос, сможет ли в этой ситуации руководство ПНА/ООП «отыграть назад» с тем, чтобы хотя бы попробовать избежать для себя потери статуса сколь-нибудь самостоятельного субъекта в большой ближневосточной игре. Или же все, что ему остается, – это повышать пропагандистские ставки в надежде на возвращение своей релевантности в случае изменения если не стратегического, то хотя бы тактического контекста. Похоже, что команда М. Аббаса пока приняла решение пойти по второму пути.

¹ Цит. по: Donald J. Trump (@realDonaldTrump). Jan 2, 2018. – https://twitter.com/realDonaldTrump/status/948322497602220032?ref_src=twsrc%5Etfw/

См. также: Trump suggests Palestinian Authority shouldn't get U.S. aid // AP-CBS News, 2.01.2017.

-
- ² Цит. по: Hilel Frish. Tramps Declaration on Jerusalem Reflects Sunni Arab-Israeli Understanding // *Jerusalem Post*, 13.12.2017.
- ³ Ben Lynfield. Is Saudi Arabia Pushing Abbas To Curb Campaign against Trump? // *Jerusalem Post*, 21.12.2017.
- ⁴ Zvi Bar'el. Arab World Has Only One Way to Fight Trump's Jerusalem Decision // *Ha'aretz*, 10.12.2017.
- ⁵ Hilel Frish. Assessing the Islamic World's Ho-Hum Response to Trump's Jerusalem Declaration // *BESA*, 28.12.2017.
- ⁶ Цит. по: Ralf Peters. Why the 'Arab street' did not explode // *The New York Times*, 10.12.2017.
- ⁷ Ronald Tiersky. The Peace Process Generation Passes Into History // *Real Clear World*, 19.12.2017.
- ⁸ Yoni Ben Menachem. Mahmoud Abbas vs. Donald Trump // *Jerusalem Center for Public Affairs*, 17.12.2017.
- ⁹ Цит. по: Dov Liebrer. Erekat: No peace talks until US revokes Jerusalem recognition // *The Times of Israel*, 9.01.2018.
- ¹⁰ Ronald Tiersky, The Peace Process Generation Passes into History // *Real Clear World*, 19.12.2017.
- ¹¹ Hezbollah, Hamas forming 'joint body' against US policy shift on Quds // *Press TV*, 27.12.2017.
- ¹² Daniel Siryoti. Despite rift, Israel and PA cooperating closely against Iran // *Israel hayom*, 4.01.2017.
- ¹³ Palestinians keep protests within bounds // (Editorial article), *Globes (Israel)*, 10.12.2017.
- ¹⁴ Avi Issacharoff, As unity process goes nowhere fast, Hamas leader's tactic will be to blame PA // *Times of Israel*, 25.11.2017.
- ¹⁵ Цит. по: Joyce Karam. US national security adviser: Qatar and Turkey are new sponsors of radical ideology // *The National*, 13.12.2017. – <https://www.thenational.ae/world/the-americas/us-national-security-adviser-qatar-and-turkey-are-new-sponsors-of-radical-ideology-1.683989>
- ¹⁶ Yoni Ben Menachem. A Fatah-Hamas Reconciliation. Has Anything Changed? // *JCPA- Jerusalem Issue Briefs*, 3.10.2017.
- ¹⁷ См.: Public Opinion Poll No (64) 29 June-1 July 2017. – Palestinian Center for Policy and Survey Research, 13 July 2017. – <http://www.pcpsr.org/en/node/694>

¹⁸ Dov Lieber. Thousands in Gaza protest against worsening living conditions // *Times of Israel*, 4.01.2018.

¹⁹ Цит. по: David Pollock. What Gazans Really Want: Hard Data About A Hard Problem // *The Washington Institute for Near East Policy*, 20.06.2017.

²⁰ Public Opinion Poll No (65) 14–16.09. 2017 // Palestinian Center for Policy and Survey Research, 2.10.2017. – <http://www.pcpsr.org/en/node/711>

²¹ Daniel Siryot. Report: Rival Palestinian factions negotiate rapprochement // *Israel Hayom*, 08.2017.

²² Pinchas Inbary. Hamas-Fatah Reconciliation? Much Ado but Little Results // *JCPA*, 2.10.2017. – <http://jcpa.org/hamas-fatah-reconciliation-much-ado-little-results/>

²³ Yoav Limor. Terror mastermind named deputy leader of Hamas // *Israel Hayom*, 6.10.2017.

²⁴ См: Israel foils Hamas plot to violently overthrow PA // *Israel Hayom*, 19.08.2017.

²⁵ Ismail Haniya warns against US 'deal of the century' // *Al Jazeera*, 27.12.2017.

²⁶ См.: Liberman offers Gaza carrots and sticks // *Globes Israel*, 25.05.2016.

²⁷ Цит. по: Ben Caspit. Israel bets against Palestinian unity // *Al Monitor*, 4.10.2017.

²⁸ Avi Issacharoff. As unity process goes nowhere fast, Hamas leader's tactic will be to blame PA // *Times of Israel*, 25.11.2017.

²⁹ Yossi Kuperwasser. When old conventions fall // *Israel Hayom*, 10.01.2018.

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРАТЕГИИ ИЗРАИЛЯ

Нынешнее десятилетие стало для Израиля чрезвычайно знаковым. Оно было периодом завершения «экономической революции» рубежа веков, поместившей еврейское государство, согласно рейтингу *U.S. News and World Report* на восьмое, а по версии агентства «Блумберг», на десятое место в мире по абсолютному объему и уровню технологических инноваций и влиянию на формирование глобальных экономических моделей.¹ В тот же период произошло заметное обновление социальной и политической инфраструктуры государства. И наконец, последовало связанное с этими двумя факторами, а также существенными геополитическими и геостратегическими подвижками в ближневосточном регионе и мире в целом новое осмысление внешнеполитической доктрины Израиля.

Первый ее элемент (необходимость наличия в каждый момент времени отношений тесного стратегического союза, по крайней мере, с одной из великих держав) приобрел новое качество в рамках перехода на новый уровень американо-израильского партнерства, несмотря на то, что почти все это десятилетие лидеров двух стран, Биньямина Нетаньяху и Барака Обаму, связывали непростые личные отношения.² Второй – это т.н. «периферийная региональная стратегия», которая предполагала налаживание двусторонних отношений с неарабскими мусульманскими государствами Ближнего Востока, а также с религиозно-этническими меньшинствами самих

арабских стран, и стала альтернативой долгое время остававшемуся безуспешным поиску взаимопонимания с арабскими режимами региона. И наконец, расширение израильского торгово-экономического, технологического и дипломатического присутствия в регионах за пределами «Большого Ближнего Востока» (и соответственно, зоны арабо-израильского конфликта). А в рамках этой линии – установление отношений стратегического партнерства со странами, являющимися одновременно региональными «центрами силы» и факторами экономического и/или политического влияния на глобальном уровне.

Обширная дипломатическая программа, принятая в рамках упомянутой «стратегии периферийных союзов», была разработана после прихода к власти на выборах 2009 года второго правительства Биньямина Нетаньяху и реализовывалась под непосредственным руководством премьер-министра и тогдашнего министра иностранных дел (ныне возглавляющего военное ведомство) Израиля Авигодора Либермана. А ее главным фокусом были ключевые страны регионов Восточной Европы и бывшего СССР, Тропической Африки, Азии (прежде всего Индия, Китай, Япония, Южная Корея и страны Индокитая), а также Латинской Америки. Всем этим странам Израиль был в состоянии предложить многообразное сотрудничество в сфере торговли, инвестиций, обороны и безопасности, культуры и туризма, а также академических, технологических и космических исследований. Равно как и в сфере индустриальных, сельскохозяйственных, медицинских, военных и прочих технологий.

Смысл второго аспекта этого вектора израильской политики Биньямин Нетаньяху вполне откровенно определил накануне состоявшегося осенью 2017 года первого в истории визита действующего Премьер-министра Израиля в страны Латинской Америки. А именно: поиск и укрепление связей с «важными сообществами, чью потенциальную поддержку на международной арене мы вполне могли бы получить».³ Речь в данном случае идет

о поиске новых и укреплении связей со старыми партнерами, в намного большей степени заинтересованными в партнерстве с глобальным центром передовых технологий, каковым является Израиль, чем поддержании неактуального для них нарратива арабо-израильского конфликта, и потому готовыми способствовать упрочнению его международного статуса. А также – что не менее важно – попытке предложить новым и старым союзникам Израиля в этих регионах подкрепленную торгово-экономическим и технологическим сотрудничеством модель «активного оборонительного альянса» против радикального исламизма и практикующих и поддерживающих его режимов.

Новая «ось зла»?

Нетрудно заметить, что этот последний аспект не только очень актуален для первоочередных интересов безопасности Израиля и его союзников, но и неплохо укладывается в доктрину глобальной безопасности нынешней администрации США. Один из ключевых элементов которой президент этой страны Дональд Трамп определил в его первом выступлении на Генассамблее ООН как необходимость противостоять «авторитарным режимам, которые стремятся разрушить ценности, системы и альянсы, предотвращавшие конфликты и направлявшие мир к свободе со времен Второй мировой войны». Среди таких сил президент США назвал, прежде всего, Иран, а также КНДР, Венесуэлу и прочие «социалистические диктатуры», которые вместе с исламским экстремизмом и терроризмом, а также «международными криминальными сетями», по мнению хозяина Белого дома, и являются основными вызовами мировой стабильности.⁴

Анализируя эти высказывания, авторы многочисленных публикаций в СМИ и профессиональных политологических изданий задавались вопросом: имел ли в виду

глава ведущей супердержавы серию не обязательно связанных друг с другом вызовов и угроз, или речь идет об очередной новой «оси зла», все или большинство элементов которой пребывают в некой взаимодополняющей интеракции?

Упоминание о дуге «режимов-изгоев от Ирана до Северной Кореи», которое в ходе своего драматического заявления об отношении США к «ядерной сделке» с Ираном, которое 13 октября 2017 года сделал Д. Трамп, показало, что вторая из этих версий отнюдь не лишена оснований. В каком-то смысле эту версию подтвердили и представители самих упомянутых им стран. Например, председатель парламента ИРИ Али Лариджани и его северокорейский коллега Ан Дон Чхон в широко процитированной в СМИ беседе на ассамблее Межпарламентского союза, проходившей примерно в то же время в Санкт-Петербурге, назвали свои страны «братьями по оружию»⁵ (почти не оставив у комментаторов сомнений, что речь прежде всего идет о партнерстве в военно-ядерной сфере).

Но Д. Трамп не остановился только на этом пункте, четко связав в своем выступлении эту «тоталитарную дугу» с такими странами, как «попирающие политические и религиозные свободы» своих народов «коммунистическая диктатура Кубы» и режим «социалистического угнетения в Венесуэле». А также режимы, поддерживающие «воинствующих исламистов» из таких группировок, как «Аль-Каида» и «Хизбалла».

Ядром этой формирующейся деструктивной системы Трамп назвал режим «иранских фанатиков», который, помогая «Хизбалле», ХАМАСу и прочим радикальным и деструктивным сообществам, превратил Иран в «главное государство-спонсор терроризма», распространяющее «насилие, кровопролитие и хаос по всему миру». Что и требует, по мнению президента США, «положить конец его ядерным амбициям», которые, по его словам, резко возросли после заключения крайне невыгодной для США и цивилизованного мира, как считает Дональд Трамп,

сделки великих держав (группа «5+1») с Тегераном. Поскольку эта сделка, как отметил глава Белого дома, обеспечила Ирану широкую свободу действий и разморозила иранские валютные ресурсы, немедленно перенаправленные на «развитие ядерных технологий, разработку баллистических ракет и экспорт терроризма».

Похоже, что именно подобное сочетание исламистских и прокоммунистических диктаторских режимов, глубоко вовлеченных в международный криминал, и предполагает стать фокусом новой антитеррористической доктрины Белого дома. Так, Дональд Трамп объявил в своей речи о подготовке пакета санкций в отношении «управляющего звена» этого исламистского криминально-террористического проекта – высокопоставленных деятелей иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и связанных с ним структур. И одновременно с этим Госдеп США разработал комплекс мер по противодействию глобальной деструктивной активности главного арабского «прокси» Ирана – «Хизбаллы».

По мнению экспертов американского внешнеполитического ведомства, эта радикальная шиитская исламистская группировка благодаря постоянной и всеобъемлющей поддержке Ирана за двадцатилетие, прошедшее после ее внесения американцами в октябре 1998 года в список террористических организаций, немало продвинулась в развитии собственных и адаптации ранее действующих террористических ячеек. Причем не только в регионе Ближнего Востока, но и далеко за его пределами. Она также стала важным каналом взаимодействия Тегерана с авторитарными лидерами и криминально-мафиозными кругами в различных странах и континентах.⁶ В том числе – и с целью мобилизации финансовых, материальных и человеческих ресурсов для масштабной террористической активности.

Ранее неоднократно сообщалось, что источниками доходов «Хизбаллы» являются: контрабанда драгоценных камней из Африки, торговля подержанными и угнанными автомобилями, контрабанда сигарет и т.д. Публи-

кация журнала «Politico» сделала достоянием гласности свидетельства бывших и действующих чиновников в американских спецслужбах, согласно которым администрация бывшего президента США Барака Обамы, опасаясь срыва ядерного соглашения с Ираном, пыталась помешать расследованию Управления по борьбе с наркотиками при американском Минюсте, проверявшего связи «Хизбаллы» с контрабандой кокаина на территорию США.⁷

Расследование Управления контроля над оборотом наркотиков (Drug Enforcement Administration – DEA) США под кодовым названием «Проект Кассандра» было начато в 2008 году, когда оно получило информацию о том, что «Хизбалла», помимо террористической и политической деятельности на Ближнем Востоке, также занимается торговлей оружием и наркотиками. Что приносит ей около 1 млрд. долларов годового дохода.

Южноамериканский плацдарм

Место, которое Дональд Трамп уделил в этой схеме Кубе и особенно Венесуэле (назвав ее лидера Николаса Мадуро «коррупцированным» и ответственным за то, что некогда процветавшая страна находится на грани полного коллапса) не случайно. Ибо Латинская Америка в последние годы выдвинулась на роль одного из ведущих ресурсных центров криминально-террористических структур, патронируемых Ираном. В этой связи заявление Белого дома о том, что отсутствие у США намерений ослаблять санкции в отношении этих двух государств объясняется не только неготовностью Каракаса, Гаваны и иных столиц аналогичных режимов восстановить демократию и политические свободы.

Дело скорее в том, что правящие элиты этих стран оказались своеобразным элементом возникшей в этой части Латинской Америки специфической комбинации «социалистических диктатур», местной креатуры ближне-

восточных исламистских террористических группировок и международных криминальных сетей, занятых, как отметил в своей речи в ООН президент США, «нелегальным траффиком наркотиков, оружия и людей». Классическим примером этой комбинации, по словам Клиффорда Мея, президента Фонда защиты демократии, является вице-президент все той же Венесуэлы, Тарек Эл Аиссами – член осевшей в Венесуэле семьи с ливано-сирийскими корнями, известной тесными связями с группами шиитских джихадистов в Ираке и кругами южноамериканских наркоторговцев. И несмотря, а возможно, именно благодаря этому, пишет К. Мей, «Эл Аиссами стал номером 2 в администрации венесуэльского прокоммунистического диктатора Николаса Мадуро».

Важным элементом этих схем был и все еще остается Иран. А активизация присутствия и усиление его позиций в регионе начались в 1980-е годы и шли параллельно со сворачиванием отношений ряда стран Латинской Америки с Израилем. Тегераном в Южной Америке уже тогда была создана масштабная сеть дипломатических и разведывательных миссий, а также деловых и инвестиционных инициатив. Изначальным фокусом этой деятельности была латиноамериканская часть диаспоры ливанских арабов-шиитов, поддержка и агентура из среды которых рекрутировалась через систему созданных Ираном культурных центров, мечетей и религиозных миссий, СМИ и образовательных учреждений. Образовательные и культурные проекты стали также каналом для привлечения к исламу тысяч представителей местного христианского населения. Включая отбор перспективных кандидатов для дальнейшей идеологической индоктринации, религиозного обучения в Иране и использования в террористической деятельности. Объектом этих небезуспешных усилий оказался даже такой «бастион коммунистического атеизма», как Куба. Финансируемые иранцами институты – центр шиитской культуры (один из восьмидесяти таких центров, развернутых в Латинской Америке)

и шиитская мечеть в Гаване стали базой для призыва новых мусульман в ряды распространителей иранской революционной теологии во всех латиноамериканских странах.⁸

Понятно, что подобная деятельность не могла осуществляться без согласия, а нередко – прямого участия местных режимов. Это справедливо даже в отношении Кубы, где до появления иранских миссионеров шиитская община просто не существовала и не могла возникнуть без благословения властей. Тем более очевидна роль тех режимов, которые, подобно имеющей тесные связи с Ираном Венесуэле, были вполне склонны к использованию антисиионистских мотивов в своей политической риторике и дипломатической практике. Потому понятно, что ставшая достоянием гласности благодаря расследованию Министерства финансов США история выдачи Каракасом сотен венесуэльских паспортов членам иранского КСИР и ливанской «Хизбаллы» стала одним из множества эпизодов такого рода. (Каковые, среди прочих, вероятно, и стали поводом включения Венесуэлы в список стран, на граждан которых распространены ограничения на въезд в США.)

По данным известного исследователя процессов проникновения Ирана и «Хизбаллы» в страны Латинской Америки Эммануэля Оттоленги, представленным в мае 2017 года в отчете сенатской комиссии по иностранным делам Конгресса США, именно «коррупцированные политические элиты таких стран обеспечивают безопасную гавань растущим связям между исламскими террористическими сетями и воинствующими наркокартелями».⁹

Среди арабских террористических группировок, внедрившихся в регион через созданную Тегераном сеть влияния, особенно велика была роль упомянутого ближайшего «прокси» Ирана – «Хизбаллы». Именно эта группировка, в частности, создала в Южной Америке сеть центров экономического и силового контроля и криминально-террористической деятельности, близких по структуре и функ-

циям тем, которыми эта группировка радикальных исламистов располагала в Южном Ливане, Западной Африке и некоторых других местах. Почти четыре десятилетия «Хизбалла», опираясь на упомянутые общины ливанских эмигрантов, активно конструировала свои сети влияния в регионе, предлагая себя в качестве брокера и поставщика финансовых услуг местным элитам и синдикатам организованной преступности.

Яркий пример деятельности этого механизма можно обнаружить в так называемой «зоне трех границ» (Tri-Border Area) – плохо контролируемом властями анклавом вдоль сближающихся границ Аргентины, Бразилии и Парагвая. При поддержке Ирана этот район широко использовался «Хизбаллой» в качестве операционной базы ее дальнейшего проникновения вглубь Южной Америки, включая развертывание системы полулегальных и нелегальных производств, каналов отмывания средств, подделок, грабежей и незаконного оборота табачных изделий и наркотиков. Во многих случаях «Хизбалла» также служила посредником между картелями, помогая им в транспортировке наркотиков и легализации незаконных торгово-финансовых процедур через развитую систему своих связей в западном полушарии, Западной Африке и Китае. Что, в свою очередь, было и остается важным источником финансирования и снабжения операций «Хизбаллы» и ее союзников на Ближнем Востоке и в других регионах.

В ноябре 2014 года стало известно, что «Хизбалла» наладила связи с крупнейшей бразильской преступной группировкой Primeiro Comando da Capital (PCC), причем первые контакты между группировками начали устанавливаться в 2006 году (накануне Второй ливанской войны). Но только два года спустя правоохранительные органы получили подтверждение подозрений о контактах в тюрьмах Сан-Паулу и Параны между ливанскими террористами и бразильскими криминальными авторитетами. Агенты «Хизбаллы», действующие в районе «трех границ», обеспечивали PCC наркотиками и оружием и получали от них

взамен взрывчатые вещества, похищенные с военных складов. Руководство РСС также обеспечивало безопасность активистов «Хизбаллы», которые попадали в бразильские тюрьмы. Согласно расследованию американских и иностранных спецслужб, «Хизбалла» переправляет большие партии кокаина из Латинской Америки в Западную Африку, Европу и Ближний Восток, а также из Венесуэлы и Мексики в США. По данным DEA, в преступной деятельности участвовала не только верхушка «Хизбаллы», но и ее партнеры в Тегеране.

Не случайно темой визита в Буэнос-Айрес в феврале 2018 года бывшего госсекретаря США Рекса Тиллерсона как раз и стало обсуждение проблемы «присутствия ливанской "Хизбаллы" в южном полушарии», которая, по его словам, «несомненно, собирает тут средства для поддержки своей террористической деятельности, что и требует борьбы с ней до победного конца».¹⁰

Действительно, Латинская Америка стала, по мнению экспертов, ключевым элементом глобальной финансовой системы «Хизбаллы», которую иранские покровители все годы, которые Тегеран находился под экономическими санкциями, подталкивали к поискам альтернативных источников финансирования своей деятельности. Причем со снятием в 2015 году санкций финансирование Ираном деятельности «Хизбалы» увеличилось, как минимум, вчетверо – с 200 до 800 млн.¹¹ (а по оценкам Министерства обороны Израиля, даже до одного миллиарда) долларов в год. Тем не менее, значение для группировки ресурсов, мобилизуемых в Южной Америке агентами и филиалами шиитских исламистов, отнюдь не уменьшилось. По имеющимся данным, ежегодный объем получаемых оттуда средств составляет от 200 до 300 млн. долларов в год, то есть от пятой части до трети ежегодного операционного бюджета группировки, который формируется помимо иранских взносов.

Актуальность этих и иных привлеченных ресурсов «Хизбаллы» резко возросла с того момента, когда иран-

ские взносы в основном стали в меньшей степени расходоваться на обеспечение социально-гражданской и военной инфраструктуры группировки в самом Ливане. И в намного большей степени пошло на финансирование операций ее боевого крыла в Сирии и тех точках Ближнего Востока и за его пределами, где Тегеран заинтересован в усилении своего присутствия. Но и здесь привлеченные «Хизбаллой» ресурсы играли немалую роль. Так, по данным Politico, в феврале 2016 года американское Управление по борьбе с наркотиками сообщало о раскрытии сети «Хизбаллы», которая использовала доходы от торговли наркотиками, поставляемыми из Южной Америки, для финансирования своих боевиков в Сирии и Ливане и закупки вооружений.

Тогда же американский телеканал CNN цитировал эксперта по борьбе с террором Мэтта Левитта из вашингтонского Института ближневосточной политики. Левитт отмечал, что на фоне разорительной для режима Башара Асада войны в Сирии и экономического кризиса в Иране «Хизбалла», лишившаяся значительной части финансовой поддержки со стороны своих основных спонсоров, была вынуждена активизировать деятельность по извлечению доходов от контрабанды наркотиков.

Похоже, что именно с учетом всех этих обстоятельств происходит выработка новой антитеррористической доктрины США, осуществить которую в Вашингтоне предполагают в партнерстве со своими ближневосточными союзниками – прежде всего Израилем и прозападными суннитскими государствами, а также некоторыми союзниками по НАТО и не исключено – в режиме «конкурентного сотрудничества» с Москвой. Очевидно, что среди параметров этой доктрины, на которые вполне прозрачно намекнул в своей «иранской» речи Дональд Трамп, находится и комплекс действий по ликвидации источников пополнения ресурсов «Хизбаллы» и прочих иранских «прокси». Включая контрабанду наркотиков из Латинской Америки, «кровавых алмазов» из Западной Африки и

нелегальных и полулегальных предприятий в этих и других регионах мира. Там же – изоляция союзников Ирана – неомарксистских и прочих антизападных диктаторских режимов и создание блоков по противодействию радикальному исламу в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной и Восточной Азии.

Имеющаяся у израильского разведсообщества информация в отношении каналов финансирования террористической активности ИРИ и иранских «прокси» и опыт выявления и пресечения этих схем были не столь актуальны в глазах прежней администрации США, но сегодня там вполне востребованы. Это четко акцентировал министр финансов США (US Secretary of the Treasury) Стив Мнучин во время визита в Израиль в октябре 2017 года, ставшего частью его ближневосточного турне, объявленной целью которого и был поиск оптимальных экономических путей борьбы с террором.

Хотя общая модель такого рода антитеррористической деятельности все еще находится в разработке, некоторые параметры возможных действий тогда же, в октябре 2017 года, представили тогдашний директор ЦРУ Майк Помпео и тогдашний советник по национальной безопасности Герберт Макмастер. По словам последнего, «США чувствуют необходимость выявить все звенья финансовых сетей, контролируемых КСИР, включая каналы проникновения в легальные структуры, опираясь на которые шиитские исламисты будут в состоянии продвигать свою идеологическую и террористическую повестку дня». В свою очередь, Помпео заявил, что разведывательное сообщество и федеральные финансовые структуры США сегодня в состоянии выявить связи тех или иных деловых структур с КСИР и иными иранскими органами безопасности, тем самым сократив возможности Ирана воздействовать на ситуацию в ближневосточном регионе в желаемом для них направлении.

В том же контексте были и усилия США убедить своих европейских союзников оказать давление на Иран в каче-

стве условия вхождения европейских нефтегазовых и прочих компаний на местный рынок, привлеченных отменой санкций против ИРИ в 2016 году, и, во всяком случае, не обольщаться в отношении инвестиционных перспектив в этой стране.¹²

В любом случае, согласно Помпео (чьи возможности повлиять на реализацию данной стратегии, как минимум, не уменьшились после его назначения на роль главы Госдепартамента США в марте 2018 года), проблемы, которые могут возникнуть у иранских компаний, связанных с КСИР, могут поставить перед Тегераном тему цены их подрывной деятельности. И если это так, то у сторонников версии, что силовая опция не является единственной альтернативой «неудачному» соглашению «5+1» с Ираном, похоже, появляются новые аргументы.

¹ См.: U.S. News Power Ranking, 2018. –

<https://www.usnews.com/news/best-countries/power-full-list>; Michelle Jamrisko and Wei Lu. The U.S. Drops Out of the Top 10 in Innovation Ranking // Bloomberg Technology, 23.01.2018. –

<https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-22/south-korea-tops-global-innovation-ranking-again-as-u-s-falls>

² См.: Владимир (Зеэв) Ханин. Региональные аспекты американо-израильских отношений в свете итогов визита Биньямина Нетаньяху в США в ноябре 2015 года // *Ближний Восток и Современность*. Вып. 50. – М.: ИБВ, 2016. – С. 199–214.

³ Цит. по: Gideon Allon (and News Agencies). Netanyahu visits Argentina seeking to bolster relations // *Israel Hayom*, 12.09.2017.

⁴ Цит. по: Remarks by President Trump to the 72nd Session of the United Nations General Assembly // The White House, Foreign Policy. Washington, 19.09.2017. – <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly/>

⁵ Сообщение РИА-Новости, 15.10.2017.

⁶ См.: Nathan A. Sales, Ambassador-at-Large and Coordinator for Counterterrorism; Nicholas J. Rasmussen, National Counterterrorism

Center Director. Briefing On U.S. Efforts to Counter Hizballah. Washington, DC, 10.10.2017. –

<https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/10/274726.htm>

⁷ Цит по: Josh Meyer. The secret backstory of how Obama let Hezbollah off the hook // Politico Magazine, Dec 2017.

⁸ Emanuele Ottolenghi. Cuba, Iran's island in the sun // *The Hill*, 24.10.2016.

⁹ Цит. по: Emanuele Ottolenghi. Emerging External Influences in the Western Hemisphere // Testimony for United States Senate Foreign Relations Subcommittee on Western Hemisphere, Transnational Crime, Civilian Security, Democracy, Human Rights and Global Women Issues, 10.05.2017. –

<https://www.scribd.com/document/347958677/Testimony-Emanuele-Ottolenghi-Emerging-External-Influences-in-Western-Hemisphere-10-May-2017>

¹⁰ US and Argentina to work together to drain Hezbollah of funding // The Times of Israel, 4.02.2018.

¹¹ См.: Anna Ahonheim. Iran pays \$830 million to Hezbollah // *Jerusalem Post*, 15.09.2017.

¹² Цит. по: Tom Di Christopher. US spies can make it harder to do business with Iran. Here's how, says CIA chief Mike Pompeo // CNBC, 19.10.2017. – <https://www.cnbc.com/2017/10/19/us-can-make-it-harder-to-do-business-with-iran-cia-chief-mike-pompeo.html>

КУРДСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И «ПАЛЕСТИНСКОЕ ЕДИНСТВО»: ВЗГЛЯД ИЗ ИЗРАИЛЯ

Осенью 2017 года немалое внимание привлекли два довольно сходных на первый взгляд сюжета, которые, случайно или нет, почти одновременно появились в международной повестке дня. Речь идет о референдумах о независимости Каталонии и Южного (Иракского) Курдистана, итогом которых должно было стать одностороннее провозглашение этими этническими автономиями внутри, соответственно, Испании и Ирака полной государственной независимости.

Курдский феномен

Состоявшийся 25 сентября 2017 г. референдум жителей курдской автономии Ирака и провинции Киркук, обладающей курдским большинством, но находящейся вне границ региона и в основном населенной курдами, стал одной из наибольших интриг международной и региональной повестки дня, поскольку, как многие предполагают, он был способен радикально повлиять на геополитическую ситуацию в ближневосточном регионе.

Успех этого референдума – 92% проголосовали «за независимость» – не стал неожиданным. Как, впрочем, были ожидаемы и осторожные, прохладные или резко негативные реакции на него государств, находящихся или в той ли иной мере вовлеченных в геополитические

процессы на Ближнем Востоке, чьи представители дружно пытались убедить лидера иракских курдов Масуда Барзани отменить или хотя бы отложить референдум о независимости.

Как и предполагалось, федеральное правительство Ирака, а также власти сопредельных с курдской автономией стран – Турции и Ирана, обладающих собственным многомиллионным курдским меньшинством, ввели частичную блокаду Иракского Курдистана и двинули войска к его границам. Но если турки и иранцы ограничились демонстрацией силы, иракская армия вместе с «Народными мобилизационными силами» (Hashd al-Shaabi – местный вариант южноливанской «Хизбаллы») и прочими шиитскими милициями, аффилированными с КСИР, открыли военные действия и установили контроль над несколькими пунктами «спорных» провинций, включая город Киркук и Синджар.¹ Динамика событий позволила наблюдателям предположить, что целью этого проиранского блока не является возвращение к статус-кво 2014 года, когда силы курдского ополчения пешмерга выбили из Киркука формирования «Исламского государства» (ИГ). А отбросить курдов существенно дальше, к границам, которые находились под контролем Эрбиля до американского вторжения в Ирак в 2003 г., благодаря которому его влияние распространилось на часть исторических курдских территорий к югу от Иракского Курдистана².

На этот раз подразделения пешмерга, которые проявили себя чрезвычайно эффективной силой в боях против ИГ и, по общему мнению, сыграли ключевую роль в разгроме этого террористического движения, оставили свои позиции практически без боя. Что спровоцировало и массовый исход из провинции Киркук и других районов в курдские провинции Эрбиль, Сулейманию и Дохук гражданского населения, опасавшегося насилия со стороны правительственных сил и шиитских ополчений. (Одним из примеров обоснованности подобных опасений стала попавшая в СМИ история о погромах и грабежах, устро-

енных туркоманами и активистами проправительственных шиитских формирований в городе Туз-Хурмату к югу от Киркука, который покинуло почти все курдское население, в то время как погромщики грабили и жгли его жилища).³

По мнению комментаторов, причина такого феномена заключается в расколе в военном и политическом руководстве самих иракских курдов и, соответственно, весьма запутанных посланиях Эрбиля населению и бойцам военизированных подразделений, подчиняющихся разным партийным фракциям. Так, президент курдской автономии Масуд Барзани обвинил лидеров соперничающего с его Демократической партией Курдистана (ДПК) Патриотического союза Курдистана (ПСК) в том, что именно они распорядились о выводе курдских войск из Киркука, вступив по инициативе семьи покойного главы ПСК и бывшего президента Ирака Джалала Талабани в сговор с командованием иракской армии и действующими в Ираке силами КСИР и его подразделениями внешних операций «Кудс».⁴ (Что семья Талабани, разумеется, немедленно опровергла).

Не меньшее значение – а возможно, и первостепенное – сыграл отказ союзников курдов по антитеррористической коалиции и прежде всего их политического патрона – США поддержать идею суверенитета Иракского Курдистана. Они оказали давление на Эрбиль с целью вынудить курдских лидеров к диалогу с Багдадом на основе идеи сохранения территориальной целостности всей страны. (Вину за это лидеры ПСК возложили на Масуда Барзани и руководство ДПК, которые, по мнению их политических противников, проявили необоснованное упрямство, итогом чего стал конфликт с ближайшими союзниками курдов и потеря их поддержки в противостоянии с Багдадом).⁵

Если к этому добавить взаимные обвинения в «волюнтаризме» и разбазаривании миллионов нефтедолларов, становятся понятными причины моральной и организационной неготовности лидеров Иракского Курдистана

эффективно использовать сентябрьский мандат избирателей. В итоге правительство Иракского Курдистана уже через месяц после победоносного референдума о независимости согласилось не предпринимать практических шагов в направлении полного суверенитета, обусловив это согласие прекращением военных действий. А президент автономии М. Барзани объявил об уходе с 1 ноября с. г. в отставку.

Единственной страной, которая еще до курдского референдума однозначно выступила в поддержку независимости Иракского Курдистана и продолжает поддерживать эту идею и сегодня, остается Израиль. Еще в январе 2014 года выступая на конференции в тель-авивском институте INSS, израильский премьер-министр Биньямин Нетаньяху в разрез с тогдашней и нынешней позицией американцев, европейцев и большинства ближневосточных столиц впервые публично поддержал идею курдской независимости.⁶ Три с половиной года спустя, в августе 2017 г. Нетаньяху в выступлении перед делегацией 33 сенаторов-республиканцев США вновь подтвердил свою позицию в этом вопросе, заявив о том, что правительство Израиля поддерживает создание независимого курдского государства на базе населенных курдами провинций Ирака.⁷

Собственно Нетаньяху, который столь же однозначно высказался по этому поводу месяц спустя в официальном заявлении своей канцелярии⁸, был здесь не одинок. Многие высшие израильские должностные лица, включая бывшего президента Израиля Шимона Переса и бывшего главу МИД и нынешнего министра обороны Израиля Авигдора Либермана, неоднократно выражали поддержку идее независимости курдов. Как и министр юстиции Израиля Аелет Шакед, отметившая в выступлении на Герцлийской конференции по национальной безопасности 13 сентября 2017 г., что «Израиль и западные страны однозначно заинтересованы в становлении государства Курдистан. Я думаю, что пришло время и для США поддержать эту концепцию».⁹

После наступления на контролируемые курдами территории иракских войск, подразделений КСИР и проиранских шиитских милиций премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху обратился к лидерам великих держав, убеждая их задействовать свои возможности с тем, чтобы остановить их вторжение в Иракский Курдистан и предоставить иракским курдам средства самозащиты. А 24 октября 2017 года он вновь заявил о «большом сочувствии» Иерусалима стремлению курдов к независимости и потребовал от мирового сообщества позаботиться о безопасности и будущем курдов.

Место для подобного заявления – государственная церемония поминовения видного военного и политического деятеля Израиля Рехавама Зеэви, убитого арабским террористом в Иерусалиме в 2001 году, – было выбрано неслучайно. Отметив, что Зеэви посетил Иракский Курдистан еще в 1960-х годах в рамках секретной миссии по созданию там полевого госпиталя израильской армии и «встретил там выражения теплой поддержки Израилю, которые продолжают и по сей день», Нетаньяху фактически имел в виду продолжающееся более полувека военное, гуманитарное, а в последние годы – также экономическое партнерство Израиля и курдов.

Помимо этого, как и естественной симпатии к родственному еврейскому национальному движению модернистскому умеренному национализму курдов, как выразился Нетаньяху, «смелого, прозападного народа, который разделяет наши ценности» и, добавим, никогда не замеченного в антисемитизме, израильская позиция в вопросе независимости Иракского Курдистана имеет иные мотивы.

Во-первых, Израиль не может не приветствовать появление на Ближнем Востоке еще одного светского, прозападного этнонационального государства, индифферентного к нарративу арабского конфликта с еврейским государством. (Как отмечают сами курдские лидеры, они не считают себя «обязанными не любить Израиль только потому, что его ненавидят арабы»).

Во-вторых, еврейское государство в этом случае получает неплохой шанс на потенциального союзника, который будет разделять с Израилем видение актуальных для региона вызовов, включая иранскую угрозу, и тем самым ослабит антиизраильский арабо-исламский фронт. И это может, как полагают в Иерусалиме, случиться даже в том случае, если Курдистан не сразу пойдет по пути Южного Судана, который отделившись от арабо-мусульманского Северного Судана, немедленно обратился к Израилю с предложением об установлении полноценных дипломатических отношений и просьбой заключения договора о военном и экономическом сотрудничестве.

Притом, что израильские официальные лица, следуя указанию премьер-министра, редко открыто высказываются на этот счет, заявления тех из бывших или пока не занимающих официальных постов израильских политиков и военных, кто не связан этими ограничениями, позволяют понять настроения в военно-политическом истеблишменте Израиля на этот счет. Одно из таких мнений довольно ярко (хотя, возможно, и не вполне политически корректно) выразил бывший заместитель начальника Генштаба ЦАХАЛа, генерал-майор Яир Голан. Выступая в Вашингтонском институте ближневосточной политики (Washington Institute for Near East Policy), Голан, который (в отличие от премьер-министра Нетаньяху) не считает РПК «террористической организацией», заявил, что пока не может обрисовать точные границы Курдистана и даже не уверен, можно ли иранских, иракских, сирийских и турецких курдов вообще свести воедино. Но «в свете иранской угрозы на востоке и общей нестабильности в регионе прочное, стабильное, целостное курдское образование посреди этого болота выглядит совсем неплохой идеей».

Еще более определенно выразился недавно объявивший о своем возвращении в активную политику Гидон Саар, в прошлом занимавший ряд ключевых министерских постов во втором и третьем правительствах Нетаньяху. По его мнению, «место Курдистана на карте

делает его эффективным барьером на пути распространения в регионе радикального ислама – что курды доказали на практике, остановив боевиков ИГ». Того же мнения придерживается и израильское экспертное сообщество: Офра Бенджио, автор, пожалуй, наиболее развернутого описания ситуации в Иракском Курдистане¹⁰, считает, что курды станут жестким буфером против экстремистов – причем не только Ирана, но и вооруженных арабских суннитских и шиитских исламистов.

В-третьих, Израиль привлекает идея появления в регионе еще одной неарабской страны, подкрепляющей установку, что арабы, персы и турки не являются носителями исключительного права на свое государство на Ближнем Востоке.

В-четвертых, Иракский Курдистан возглавляет список потенциальных партнеров Израиля в рамках нового витка «периферийной региональной стратегии» Иерусалима, активизация которой совпала с кризисом «процесса Осло» и началом «арабской весны» и предполагала налаживание отношений с неарабскими мусульманскими государствами Ближнего Востока и религиозно-этническими меньшинствами арабских стран.

Здесь добавим, что дополнительным соображением может быть учет того факта, что более 10% арабоязычного населения территорий между р. Иордан и Средиземным морем, то есть порядка 400 тыс. человек, включая не менее 100 тысяч на территории Израиля внутри «зеленой черты», составляют потомки курдских мигрантов различных столетий. (По данным израильского этнографа и публициста Велвла Чернина, курдское происхождение имеют кланы, населяющие деревни Абу эль-Хиджа на горе Кармель и Каукаб эль-Хиджа в Нижней Галилее, а также до трети мусульманского населения Хеврона).¹¹ Нетрудно предположить, что появление у этой группы населения своей «этнической метрополии» в лице независимого Курдистана может стимулировать процесс отделения ее членов от враждебного еврейскому

государству палестино-арабского массива и, подобно друзьям и черкесам, структурировать их в лояльные этнонациональные общины.

В-пятых, весь этот процесс четко укладывается в новый виток активизации т.н. «периферийной региональной стратегии» в рамках внешнеполитической доктрины страны. Эта стратегия была принята еще в первые десятилетия истории независимого Государства Израиль и предполагала налаживание двусторонних отношений с неарабскими мусульманскими государствами Ближнего Востока, а также с религиозно-этническими меньшинствами самих арабских стран в качестве альтернативы безуспешному поиску взаимопонимания с арабскими режимами региона. В 90-е гг. прошлого века стратегия «периферийных альянсов» во многом ушла в тень усилий по достижению политического урегулирования с палестинскими арабами в рамках «процесса Осло», что, в свою очередь, должно было стать введением в нормализацию отношений Израиля с арабо-исламским миром. Но с его крахом в первом и начале «исламистского цунами», охватившего арабские страны региона во втором десятилетии XXI века «стратегия периферийных альянсов» была возвращена в качестве одного из базовых элементов новой внешнеполитической доктрины Израиля.

Понятно, что важнейшим элементом этой стратегии и является углубление и формализация контактов с потенциальными союзниками Израиля в Восточном Средиземноморье, имеющими шанс обрести самоуправление на фоне центробежных тенденций в Ираке и Сирии. И Эр-Биль, с которым Иерусалим, как отмечалось, уже не одно десятилетие поддерживает неофициальное, но вполне заметное партнерство, однозначно возглавляет этот список. Более того, не исключено, что Иракский Курдистан со временем сочтет для себя возможным или нужным присоединиться к постепенно формирующемуся альянсу Израиля с Грецией и Кипром (с перспективой возможного присоединения к ним Болгарии и Румынии). Который

мыслится не только как военно-политический блок, призванный противостоять гегемонистским амбициям Анкары, но и как экономический союз, включающий совместную переработку и транспортировку в Европу газа, найденного в территориальных водах Израиля и Кипра.

Даже если, как замечают израильские комментаторы, пока непонятно, в какой мере независимый Курдистан, учитывая все сопутствующие «арабские факторы», сможет стать открытым союзником Израиля (каким, например, в регионе «Большого Ближнего Востока» стала Индия), враждебно настроенным в отношении еврейского государства он определенно не будет. И уже это совсем немало.

Наконец, поддержка израильским руководством независимости иракских курдов – как и всех курдов в целом – является сильным аргументом в борьбе с антиизраильскими «двойными стандартами» арабов и их единомышленников, которые выступают против независимого Курдского государства и одновременно – за реализацию существенно более сомнительных прав на государственно-политическое самоопределение палестинских арабов. Показательно, что глава Палестинской национальной администрации (ПНА) Махмуд Аббас, неустанно твердящий о праве на государственное оформление для «палестинской нации» (проект которой, по мнению многих непредвзятых наблюдателей, уже в целом провалился), вполне последовательно выступает против предоставления аналогичных прав курдам. Древнему народу, обладающему своим языком, самобытной культурой и устойчивым этническим самосознанием, то есть находящемуся вместе с евреями среди немногих из имеющих ближневосточные корни этнонациональных групп, которые полностью соответствуют концепции «прав на национальное самоопределение» в ее исходном понимании. И кстати, чья региональная автономия несравнимо более состоятельна экономически, чем получающая гигантские донорские взносы на душу населения ПНА.

«Палестинская нация»: промежуточный итог

С другой стороны, если это так, то правы и те, кто настаивают и на справедливости обратного, то есть выступая за независимость курдов, израильтяне должны быть готовы удовлетворить и требование немедленного создания государства и для палестинских арабов. Поэтому, если следовать этой логике, связывая курдскую и палестинскую арабскую тему, израильские лидеры, если использовать местное выражение, в некотором смысле «стреляют себе в ногу».

Однако на практике такие утверждения беспочвенны, и не только потому, что израильтяне, кроме, пожалуй, некоторого числа представителей крайне правой и ультралевой частей политического спектра, на самом деле не выступают против той или иной формы самостоятельного политического самоопределения арабов Западной Палестины/Эрец-Исраэль. Просто большинство в Израиле полагает, что целью политических лидеров этих арабов является не столько создание своего государства, сколько бесконечная борьба за него. Причем это относится не только к радикальным исламистам из группировок типа ХАМАС и «Исламский джихад», не признающих права Израиля на существование в принципе, но и к «светским националистам» из ПНА/ООП, которые хотя официально и приняли идею сосуществования и территориального компромисса с Израилем, но на практике саботируют переговорный процесс. Ибо следующим после возникновения Палестинского государства шагом может стать исчезновение обширного пакета дипломатических и экономических дивидендов, которые различные фракции палестинских арабских элит получают, поддерживая режим бесконечного политического или вооруженного конфликта с Израилем.

Очевидно, что ситуация с курдским национализмом, сформировавшимся вокруг идеи создания своего госу-

дарства, а не уничтожения чужого, принципиально иная. Этно-национальная идентичность курдов в отличие от так и не сформировавшейся политической идентичности граждан упомянутых арабских «национальных» государств, как и в целом уже проваливавшийся, по мнению многих непредвзятых наблюдателей, проект «палестинской нации» опирается на сформированный и устойчивый культурно-цивилизационный фундамент. Что и относит курдов к той же категории, где находятся и евреи: немногочисленных среди имеющих ближневосточные корни этнонациональных групп, которые по всем параметрам соответствуют концепции «прав на национальное самоопределение» в ее исходном понимании.

«Заставляет ли меня борьба курдов за свое государство симпатизировать [арабам-палестинцам]?» – задается вопросом бывший высокопоставленный командир пешмерга Сабаст Хуссейн, которого интервьюировал во время референдума известный британский журналист, эксперт по проблемам Ирана Давид Патрикаракос. «Отнюдь нет. [Палестина] – не их государство; до конца 40-х гг. прошлого века они охотно продавали свои земли евреям, а теперь вдруг требуют их вернуть [им даром]. Они отвергли множество мирных предложений со стороны Израиля, беспочвенно надеясь сбросить евреев в море, чего, понятно, никогда не будет. Потому никаких симпатий к ним [палестинским арабам] я не испытываю. В отличие от израильтян, с которыми курдов связывают ощущения братства, скрепленные выпавшими на долю обоих народов сходными испытаниями и опытом борьбы за новое обретение отнятой у них родины».¹²

Не случайно глава ПНА Махмуд Аббас, неустанно твердящий о праве на государственное оформление для «палестинской нации», последовательно выступает против предоставления аналогичных прав курдам. И это происходит не только из солидарности с «арабским» Ираком и отнюдь не только потому, что «если Израиль за курдов, то палестинцы – против», хотя, как пишет обозреватель

«Jerusalem Post» Бен Линфельд, этот фактор в его политическом мышлении тоже присутствует.¹³ Не исключено, что и для палестинцев не является секретом сомнительная обоснованность заявки, которую лидеры ПНА подают от имени «палестинской нации», на создание нового государства на территории, которая должна быть для этого выведена из под официального или фактического суверенитета Израиля. Причем она сомнительна не только в историко-культурном смысле, но и с точки зрения международного права, на которое не устают ссылаться в Рамалле и ряде мировых столиц.

По мнению бывшего посла Израиля в США, политика и общественного деятеля Залмана Шовалья, курдский случай полностью соответствует «пяти критериям права этнических групп на отделение», которые сформулировал на основе скрупулезного анализа норм международного права Ричард Хаасс. Согласно концепции Хаасса, в прошлом – одного из высокопоставленных сотрудников администрации США в период президентства Джорджа Буша-младшего, ныне занимающего пост президента американского Совета по делам международных отношений, таковыми критериями являются следующие.

Во-первых, наличие у таких групп устойчивой и исторически подтвержденной коллективной идентичности. Во-вторых, убедительные аргументы в пользу того, что сохранение статус-кво принесет им непоправимый политический, физический и экономический ущерб. А также четкая индикация желания этого населения воспользоваться правом политического самоопределения; жизнеспособность нового государства и гарантии, что оно не подорвет стабильность соседних стран. Потому, заключает Залман Шоваль, курдская заявка существенно более обоснована, чем, например, аналогичное требование независимости со стороны Каталонии, тем более не обоснованы амбиции палестинских арабов, которые даже не приближаются ни к одному из указанных критериев.¹⁴

Действительно, коллективной палестинской идентичности, несмотря на все усилия и вложенные средства, так и не сложилось. На практике термин «палестинцы» или «палестинские арабы» обозначает довольно пеструю группу арабских и арабизированных сообществ разного географического и этнического происхождения, проживающих в различных регионах исторической области Эрец-Исраэль (Земли Израиля)/Палестины. Включая суверенную территорию самого Израиля (внутри т.н. «Зеленой черты») и Иорданию, где представители этих групп имеют гражданство соответствующих стран, а также в арабских анклавах на территориях Иудеи и Самарии (в международной терминологии – на Западном берегу реки Иордан) и в секторе Газа.

Согласно тщательному анализу широкого круга источников, проведенному Михаилом Черниным, и иным данным, сравнительно недавние корни основной массы современных палестинских арабов находятся в Сирии, Ираке и Египте. Этническая структура говорящего по-арабски и имеющего ту или иную арабскую идентичность населения Эрец-Исраэль/Палестины включает сообщества собственно арабо-бедуинского, кавказского, тюркского, балканского, африканского и, как было отмечено, курдского происхождения, сюда входят также те, кто имеет арамейско-семитские и европейские («франджи») корни. Отдельные арабские кланы Эрец-Исраэль/Палестины имеют также традицию своего еврейского происхождения.¹⁵

И шансы на то, что из этих слабо связанных общностей разного этнического происхождения, корнями и идентификацией преимущественно связанных с соседними арабскими странами, сформируется единая нация, изначально были и остаются невелики. Интересное свидетельство о событии, имевшем место вскоре после заключения соглашений Осло в 1993 году, в рамках которых Израиль пошел на установление режима относительно свободного перемещения между сектором Газа и араб-

скими анклавами в Иудее и Самарии (на Западном берегу р. Иордан, в международной терминологии), приводит политический обозреватель Бен Каспит. «Бывший глава одной из израильских спецслужб, – пишет Б. Каспит, – говорил мне, что менее чем через неделю арабский губернатор Рамаллы буквально умолял нас закрыть свободный переезд, ибо жители Рамаллы просто не хотели видеть толпу отирающихся среди них жителей Газы. Мы говорим о двух разных и несовместимых группах населения, которые, мягко говоря, не испытывают большой любви друг к другу и не имеют общей идентификации».¹⁶

Все это ставит под большой вопрос не только жизнеспособность и устойчивость палестинского государства. Но также и образования, которое, по замыслу «архитекторов» соглашений Осло, должно было стать базой для его создания – ПНА, уже десять лет назад распавшейся на управляемый из Рамаллы «Фатхленд» в Иудее и Самарии и анклав радикальных исламистов из ХАМАСа в секторе Газа. Очевидно, что идеологические разногласия между ФАТХ/ООП и ХАМАСом являются лишь витриной этнокультурных различий и политико-экономических противоречий двух «палестинских» сегментов, в свою очередь распадающихся на множество племенных, клановых и религиозно-сектантских сообществ внутри наскоро (и похоже, пока безуспешно) сшиваемой «палестинской нации».

Шансов на то, что нынешняя, уже пятая (а по другим подсчетам – уже седьмая или восьмая) по счету попытка, как теперь модно говорить, «перезагрузки отношений» двух арабских палестинских фракций, о которой было объявлено некоторое время тому назад, увенчается успехом, по-прежнему немного. Стратегическая цель ХАМАСа – оттеснить ФАТХ/ООП от руководства ПНА и взять власть над палестинскими арабами, а с ней – и контроль над выстроенным Я.Арафатом механизмом перераспределения в пользу связанных с ними групп ресурсов, выделяемых мировым сообществом под проект

«палестинской нации», в свои руки – остается прежней. Как, впрочем, и попытка главы ПНА Махмуда Аббаса с помощью США и Египта переиграть своих оппонентов, чтобы сохранить свою релевантность и в рамках не устраивающей его схемы возобновления «мирного процесса», которую продвигает президент Дональд Трамп. В силу чего мнение израильских спецслужб, как и ранее, остается неизменным: любая попытка примирения ФАТХа и ХАМАСа основана на временном совпадении интересов и потому долго не продлится. (В целом этим и объясняется молчаливое согласие правительства Израиля пока оставаться зрителем очередного сезона этого многосерийного фильма, ограничившись предупреждением об отказе от любых форм сотрудничества с ПНА в том случае, если в новое «правительство палестинского единства» войдут представители группировок, официально отвергающих принцип мирного урегулирования с Израилем).

Правовые несоответствия

Разумеется, есть и те, кто полагает, что Израиль и мировое сообщество должны дать шанс Палестинскому государству в расчете на то, что указанные этнокультурные и религиозно-племенные различия, как это случилось и у иных наций, постепенно исчезнут в процессе внутренней аккультурации, а политические противоречия отнести на счет «издержек роста». Но даже если принять эту точку зрения, остается полное несоответствие ситуации палестинских арабов остальным критериям «права на отделение». Так, утверждения вождей ПНА, что нынешний статус населения, находящегося под их контролем, причиняет им политические, физические и экономические страдания, которых не было бы в случае наличия у них своего государства, разбивается о сравнение с ситуацией в большинстве независимых арабских стран. Очевидно и

то, что благосостояние, уровень образования, физической безопасности и даже личных свобод жителей арабских анклавов Иудеи и Самарии во многих случаях ощутимо выше, чем у абсолютного большинства других арабов Ближнего Востока и Северной Африки – возможно, кроме коренного населения монархий Персидского залива. И это сравнение стало особенно разительным после начала т.н. «арабской весны».

Разумеется, нынешнее положение арабов Иудеи и Самарии тоже не идеально, но нет никаких оснований утверждать, что оно улучшится в случае создания Палестинского государства, которое почти неизбежно станет одним из многих нищих *failed states*, к которому мир мгновенно потеряет интерес. Подобных тем, какими показали себя «национальные» арабские государства Леванта, наскоро скроенные великими державами, разделившими Ближний Восток после Первой мировой войны. В этом они тоже отличаются от курдской автономии, которая уже сегодня несравнимо более состоятельна экономически, чем тоже эксплуатирующая своего рода «нефтяную скважину» ПНА – гигантские, в расчете на душу, взносы внешних доноров.

В этом смысле также интересен и опыт территории, где палестинское квазигосударство было на самом деле создано – сектор Газа, где в июне 2007 года власть захватил ХАМАС, из которого летом 2005 года тогдашний премьер-министр Израиля Ариэль Шарон в одностороннем порядке вывел израильские военные базы и еврейские поселения. Получив власть, ХАМАС избрал, видимо, единственный по-настоящему устраивающий его вариант «национально-государственного строительства» – превращение анклава в плацдарм регулярных террористических вылазок против Израиля – и, соответственно, объект контртеррористических операций ЦАХАЛа. Серия таких операций, особенно последняя по времени «Несокрушимая скала» летом 2014 года, нанесла тяжелый урон оставленной израильянами и созданной на деньги зару-

бежных доноров гражданской инфраструктуре сектора Газа. А большая часть имеющихся ресурсов разворачивается или идет на восстановление военного потенциала группировки, лидеры которой де-факто относятся к подвластному им населению фактически как к «расходному материалу» в борьбе с «сионистским врагом». Что ставит под большой вопрос продуктивность для «человеческого развития» и исламистского варианта «палестинского национализма».

Очевидно, что подобное и, по мнению многих в Израиле и не только, почти не имевшее альтернативы развитие событий делает почти бессмысленным обсуждение соответствия этого варианта идеи палестинской арабской государственности критерию отсутствия с его стороны угрозы соседним странам. Причем не только Израилю, но и Египту в свете превращения Газы в опорную базу действующих на Синае салафитских террористических сетей. Однако не меньше сомнений имеется и в отношении «княжества» Махмуда Аббаса на Западном берегу. Во всяком случае, под тем, что в случае возникновения там государства, управляемого ФАТХ/ООП (с перспективой, как было отмечено, захвата власти и там радикальными исламистами), оно не станет угрозой безопасности соседям, не «подпишутся» ни Израиль, ни Иордания.

«Палестинское государство к западу от реки Иордан и Иорданское Хашимитское Королевство – это классический оксиморон», полагает известный израильский дипломат и публицист Йорам Эттингер. Вся история ООП, в особенности – «усеянная камнями дорога отношений палестинских арабов и Иордании», по его мнению, убеждает, что в случае возникновения такое государство «станет соломинкой, способной сломать спину Хашимитского режима». И превратит ныне подвластную ему территорию в платформу противоборствующих исламистских группировок, и/или базу для возникновения еще одного антизападного анклава, аффилированного с «Мусульманскими братьями», иранскими аятоллами или ИГ. А это,

в свою очередь, станет летальным сценарием для соседних прозападных арабских государств, не говоря уже об остатках местного христианского населения, о возможной судьбе которого нетрудно судить на примере Вифлеема (Бейт-Лехема), где накануне «соглашений Осло» христиане составляли большинство, ныне сократившееся до 15% и продолжающее драматически сокращаться и сегодня.¹⁷

Потому у Израиля и Иордании, которые несмотря на взаимное признание и установленные в 1994 году полные дипломатические отношения, остаются в состоянии «холодного мира» и нередко имеют трения по целому ряду вопросов, как минимум, по одному вопросу разногласий нет. Вопреки озвучиваемым Иорданией пропалестинским декларациям, в Аммане вполне согласны с нынешним израильским правительством в том, что еще одно (в дополнение к самой Иордании, до 70% населения которой – это те же палестинские арабы, и Газы) «палестинское государство» к западу от реки Иордан подорвет региональную стабильность. Особенно, если под его контролем окажется иорданская долина вдоль Мертвого моря и границы с Иорданией, а также высоты холмов Иудеи и Самарии.

«Во время церемонии подписания Израилем и Иорданией мирного договора, – вспоминает Йорам Эттингер, – иорданские генералы и руководители иорданских разведывательных служб не упускали случая напомнить своим израильским коллегам о репутации палестинских лидеров, склонных нарушать подписанные ими утром соглашения уже к вечеру того же дня». И потому буквально умоляли своих израильских визави «не допустить непоправимого», то есть создания Палестинского государства, после чего уничтожение Хашимитского режима к востоку от реки [Иордан] будет лишь вопросом времени – с последующим экспортом деструктивного процесса в сторону Саудовской Аравии и прочих стран Аравийского полуострова.¹⁸

Как известно, в тот момент политическое руководство Израиля все же предпочло дать шанс «мирному процессу»,

хотя уже тогда в команде премьер-министра Ицхака Рабина и особенно в оппозиции были политики и военные, готовые признать реалистичность такого сценария. Тем более такой взгляд на вещи стал популярен в момент «кризиса Осло» и начала в сентябре 2000 года нового витка террористической войны палестинских арабов против Израиля. Сегодня к этим опасениям прибавилась перспектива превращения территории Палестинского государства, в случае его создания, в операционную базу суннитских экстремистов и Ирана, подобно тому, как такой базой уже стала Газа. А это уже может угрожать стабильности Восточного Средиземноморья и Балкан.

Суммируем сказанное: из трех национально-государственных проектов, вновь ставших темой повышенного общественного внимания — курдского, каталонского и арабов Западной Палестины/Эрец Исраэль, всем международно-правовым критериям соответствует только первый. Инициаторы каталонского проекта, подавая его от имени страны, имеющей исторические корни, культурную самобытность, устойчивую коллективную идентичность и опыт государственности, тем не менее не смогли ни убедительно доказать пагубность для своей страны пребывания в составе Испании, ни договориться о «цивилизованном разводе» с центральным правительством. И потому их заявка может считаться лишь частично обоснованной.

Наконец, самая громкая и пропагандистски раздутая из этих трех заявок — требование лидеров ООП о «немедленном создании палестинского государства в границах 1967 года» — не соответствует, как было показано, ни одному из критериев «прав этнических групп на отделение». Нация, под которую сторонники этой идеи требуют создать государство, была задумана как внешний проект и существует лишь в воображении тонкого слоя местных арабских элит и их западных спонсоров. А конфликт «светских палестинских арабских националистов» и радикальных палестинских исламистов является лишь

внешним проявлением этого прискорбного для инициаторов «палестино-израильского мирного процесса» факта.

Это во многом и объясняет причины, по которым большинство израильтян, включая сторонников партий, входящих в правящую в стране коалицию, весьма скептически относясь к идее создания Палестинского государства по схеме, задуманной в соглашениях Осло, весьма горячо приветствуют одновременно перспективу независимости иракского Курдистана.

¹ Jonathan Spyer. The Fall of Kirkuk: Made in Iran // American Interest, Oct. 2017.

² Aymenn Jawad al-Tamimi. Iraqi Kurdistan's Crisis: A Failure of Strategy // *The American Spectator*, 22.10.2017.

³ Isabel Coles And Ali A. Nabhan. As Iraqi Forces Consolidate Control of North, Kurds Flee // *The Wall Street Journal*, 18.10.2017.

⁴ James M Dorsey. Kurdish Battle Positions Kurds as US Ally Against Iran // BESA, 27.10.2017.

⁵ Fazel Hawray. How Iran helped Baghdad seize back Kirkuk // Al Monitor, 17.10.2017.

⁶ См.: Kurds in Iraq deserve independence, Netanyahu says // *The Times of Israel*, 29.06.2014.

⁷ Netanyahu to Congressmen: Kurds should have a state // JP, 13.08.2017.

⁸ Associated Press, 13.09.2017.

⁹ Цит. По: Barak Ravid. Netanyahu: Israel Supports the Establishment of an Independent Kurdistan // *Ha'aretz*, 13.09.2017. – <http://www.haaretz.com/israel-news/1.812005>

¹⁰ Ofra Bengio. *The Kurds of Iraq: Building a State Within a State*. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2012.

¹¹ Владимир (Велвл) Чернин. Этническая карта Израиля: история, проблемы и перспективы развития. – ИБВ, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/21-10-10c.htm>

¹² David Patrikarakos. In Kurdistan's Erbil, the Polling Station Head Shouted Out: “We Are the Second Israel!” // *Ha'aretz*, 28.09.2017. – www.haaretz.com/middle-east-news/.premium-1.814563

¹³ Ben Lynfield. Why Do State-Seeking Palestinians Oppose Kurdish Independence Vote? // *Jerusalem Post*, 26.09.2017.

¹⁴ Zalman Shoval. The right of self-determination must be earned // *Israel Hayom*, 23.10.2017.

¹⁵ См.: Чернин М. Арабское население Израиля и палестинских территорий (происхождение, клановая и конфессиональная структура). – Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2016.

¹⁶ Цит. по: Ben Caspit. Israel bets against Palestinian unity // *Al Monitor*, 4.10.2017.

¹⁷ Yoram Ettinger. Palestinian state – enhancing or eroding US national security? // *Second Thought: a US-Israel initiative*, 17.11.2017. – <http://bit.ly/2hxCik>

¹⁸ Цит. по: Yoram Ettinger. Reality vs. political correctness: Interview by Italy's *L'Informale*, Niram Ferretti. 11.08.2017. – <http://bit.ly/2uJDUoG>

АНТИИЗРАИЛЬСКАЯ ПРОПАГАНДА В ЭПОХУ КРИЗИСА BDS

Целое созвездие упомянутых во введении к этой книге памятных дат, так или иначе связанных с еврейским государством, которые пришлось на прошлый 2017 и нынешний 2018 год отнюдь не остались без общественного внимания в самых разных смыслах этого слова. Указанные даты и юбилеи стали для израильтян и их друзей и партнеров в мире поводом для многих событий – праздничных, экономических и мемориальных. А для врагов еврейского государства (как арабских, так и их левацких, неофашистских, исламистских и прочих антисемитских союзников) поводом для очередных нападков на Израиль и резонансных кампаний по его делигитимизации.

Среди этих памятных дат – полувековой юбилей впечатляющей победы Израиля над армиями пяти арабских стран в Шестидневной войне 1967 года, решительно изменившей геостратегический расклад сил в Восточном Средиземноморье. В августе того же 2017 года отмечалось 120-летие Первого сионистского конгресса. Затем, 2 ноября – 100-летие Декларации Бальфура о признании Великобританией, а за ней и другими великими державами и некоторыми региональными силами, включая Турцию и «фракцию эмира Фейсала» в панарабском движении Палестины (в еврейской исторической традиции – Эрец-Исраэль, то есть «Земля Израиля»), местом для «национального дома для еврейского народа».

А 29 ноября («каф-тет») 2017 года – 70-летие судьбоносного голосования в Генассамблее ООН о разделе

территории Западной Палестины между евреями и арабами, что, как известно, было принято сионистским движением и открыло путь к провозглашению Государства Израиль. Но было решительно отвергнуто лидерами стран ЛАГ и палестинских арабов, инициировавших первую арабо-израильскую войну (в израильской традиции – Война за независимость), в каковой арабы потерпели поражение, а тема создания еще одного арабского государства на территории к западу от реки Иордан была надолго (а возможно, и навсегда) снята с повестки дня.

Показательно, что именно 29 ноября, начиная с 1977 года, то есть уже 40 лет, по инициативе арабомусульманских, прокоммунистических и «неприсоединившихся» стран в ООН ежегодно проводится масштабное антиизраильское мероприятие – «День солидарности с арабским народом Палестины», к которому приурочиваются дежурные «антисионистские» (в реальности антисемитские) провокации.

Несложно предположить, что в 2018 году участники этих антисемитских и антисионистских кругов постараются приложить усилия для того, чтобы не менее впечатляюще отметить 70-летний юбилей Государства Израиль, который отмечается в апреле.

Благословение вместо проклятия

Добавим, что на этом фоне почти без внимания оказалась еще одна круглая дата – 80-летие конференции в сирийском городке Блудан, где собравшийся в сентябре 1937 года по призыву главы Верховного мусульманского совета в Палестине и верховного муфтия Иерусалима Хадж Амина аль-Хусейни панарабский саммит отверг выводы комиссии лорда Пилля, предложившей первый, существенно более благоприятный для арабов вариант раздела Палестины, и призвал к «бойкоту еврейских товаров и деятельности». А в 1945 году эта идея стала

официальной линией новообразованной тогда Лиги арабских государств (ЛАГ), в структуре которой в 1949 г. было создано Бюро по бойкоту Израиля, координировавшее арабские санкции против стран и организаций, поддерживавших экономические отношения с Израилем.

С тех пор попытки мобилизации экономических средств давления стали неотъемлемым элементом «гибридной войны» арабов и их союзников – исламистских, коммунистических и прочих – против еврейского государства. Причем с однозначным поражением или проигрышем по «очкам» в «конвенциональных» и «доконвенциональных» конфликтах с Израилем (арабо-израильские войны и террористические кампании) акцент антиизраильского «красно-зеленого альянса» на торгово-экономические инструменты борьбы ощутимо возрастал. Пиком этой деятельности считается «нефтяное эмбарго» экспортирующих углеводородное сырье арабских стран в отношении государств, поддержавших Израиль в Войне Судного дня 1973 года (прежде всего США и их европейских союзников, а также Японии), с целью оказать политическое давление на мировое сообщество и уменьшить поддержку Израиля западными странами.

Бойкот нанес некоторый ущерб развитию израильской экономики, но в целом арабская блокада не достигла своей цели. Она не смогла остановить рост израильской индустрии, сельского хозяйства, торговли, науки и технологий, гуманитарной сферы и, более того, в известной мере стимулировала экономическое развитие Израиля и укрепление его связи с иностранными рынками. (Как, заметим в скобках, оказала положительное влияние и на развитие энергосберегающих технологий и обновление «основного капитала» в странах Запада). В свою очередь, инициированный арабо-мусульманским и коммунистическим блоком бойкот отрицательно отразился на экономике арабских государств, лишив их многих выгод торговли с Израилем и странами свободного мира.

В том числе, и благодаря обстоятельствам, указанным в начале статьи: инициаторы бойкота сами стали объектом ответных санкций. Так, в 1977 г. Конгресс США принял закон о запрете американским компаниям поддерживать антиизраильский бойкот или участвовать в нем. В законе говорилось, что бойкот наносит вред «самой идее свободной торговли между нациями». Закон среди прочего преследовал цель «прекратить губительное влияние иностранных бойкотов на американский образ жизни еврейских членов нашего общества». Вслед за США подобные законы были приняты в Австралии, Великобритании, Канаде и других странах.

Более того, тот факт, что большинство компаний демократических стран продолжали торговать с Израилем, не помешал многим из этих стран расширить объем торговли и с арабскими странами. Что же касается самого Израиля, то по-настоящему тема экономических связей уже на рубеже 1970-х – 1980-х гг. переставала быть функцией его отношений с арабо-исламским миром. В том числе и потому, что ориентированная на развитие продвинутых индустриальных и аграрных моделей израильская экономика и консервативная аграрно-индустриальная и сырьевая экономика большинства арабских и мусульманских стран двигались в разных плоскостях.

Так, после подписания мирного договора с Израилем в 1979 г. Египет, который до этого решительно поддерживал антиизраильский бойкот, выступил против него. Но на практике объем торговли между Израилем и Египтом в 1980-х – начале 2000-х гг. был невелик из-за нежелания властей Египта, профсоюзных и прочих организаций проводить курс на экономическое и политическое сотрудничество с Израилем. И напротив, отсутствие дипотношений и формальное состояние конфликта между Израилем и странами Персидского залива не стало непреодолимым препятствием для развития отношений в отдельных экономических областях и сфере безопасности.

Другим примером является Турция, отношения Изра-
иля с которой, начавшиеся в 1949 году, продолжали
укрепляться и в последующие десятилетия, пока на ру-
беже прошлого и нынешнего веков они не приобрели ха-
рактер стратегического партнерства в военной, политиче-
ской и экономической сфере. Однако с установлением
в 2002 году в Турции исламистского режима Р.Т. Эрдога-
на, заменой европейского вектора внешней политики
Турции на доктрину «неоосманизма» и переходом Анкары
в лагерь наиболее жестких критиков Израиля стратеги-
ческое партнерство Турции с Израилем было постепенно
свернуто. А в 2010 году, после участия турецкого руко-
водства, сделавшего заявку на символически значимый
в арабо-исламском мире статус главного покровителя па-
лестинских арабов в организации резонансной антиизра-
ильской провокации, отношения перешли в состояние
открытого конфликта. Но масштабное экономическое со-
трудничество двух стран продолжало развиваться, вклю-
чая двукратный рост взаимного товарооборота с момента
начала дипломатического кризиса.

Само по себе влияние темы конфликтных взаимо-
отношений Израиля с арабами Западной Палести-
ны/Эрец-Исраэль (Земли Израиля), что до недавнего
времени считалось едва ли не главным фактором про-
должения арабо-израильского конфликта, на готовность
арабских и иных стран Третьего мира поддерживать
с ним торгово-экономические отношения остается
предметом разногласий. С одной стороны, подписание
в сентябре 1993 г. «Палестино-израильского соглаше-
ния о принципах» (т.н. «соглашения Осло») привело
к ослаблению арабского бойкота Израиля. Так, 1 октяб-
ря 1994 года представители шести арабских государств
Персидского залива, к которым вскоре присоединились
страны Магриба (Алжир, Тунис и Марокко, а также Мав-
ритания, установившая с Израилем дипотношения) за-
явили о своем отказе от режима бойкота еврейского
государства.

Верно и то, что с началом в сентябре 2000 года нового витка террористической войны палестинских группировок против Израиля (т.н. «Интифада аль-Акса») был вновь усилен и антиизраильский арабский бойкот. Его участником (хотя в основном на декларативном уровне) стала и возникшая в результате «соглашений Осло» Палестинская национальная администрация (ПНА). Формально поддерживая с Израилем дипломатический диалог и де-факто, являясь частью его финансовой системы, товарного рынка и рынка труда, ПНА, тем не менее, регулярно призывает к проведению международных кампаний по бойкоту израильской продукции и прекращению иностранных инвестиций в экономику Израиля.

С другой стороны, нетрудно заметить, что арабо-израильские войны, волны террора и экономические бойкоты, которые сопровождали Израиль на протяжении почти всей его истории, не смогли стать препятствием его поступательного (несмотря на негативные тенденции в отдельные годы) экономического развития. Так, ВВП Израиля вырос с 1,5 млрд долларов США в 1949 году до 387,4 млрд долларов по номиналу, или 361 млрд по паритету покупательной способности (PPP) в 2017 году. Что в расчете на душу населения было больше, чем во Франции, Великобритании и любой стране Южной Европы, причем ВВП и PPP в Израиле к 2017 году практически сравнялись. С 2012 года средние темпы роста израильской экономики составляют 3,3%, что существенно выше среднего в странах-членах OECD. Объем экспорта вырос с 50 миллионов в 1949 до более 105 млрд. долларов в 2017 году, а объем валютных активов (foreign exchange reserves) достиг 116 млрд. долларов в феврале 2018 года при почти полном их отсутствии в начале пути.

Причем качественный скачок этих показателей, ознаменовавших превращение Израиля в один из ведущих мировых центров инноваций и технологических разработок (the start-up nation), произошел как раз в первом и начале второго десятилетия нынешнего века, большая

часть из которых прошла на фоне «Интифады Аль-Акса», «арабской весны» и стагнации дипломатического процесса. Что, в принципе, подтверждает мнение тех, кто не усматривает какой-либо значимой связи между внушительным экономическим ростом Израиля (особенно израильским «экономическим чудом» последних полутора-двух десятилетий) с итогами арабо-израильского и тем более палестино-израильского «мирного процесса».

Сторонники такой точки зрения предлагают обратить внимание, например, на факт ежегодного роста ВВП Израиля на 8–14% на протяжении пятилетия после победоносного завершения Шестидневной войны. И это несмотря на то, что позиция разгромленных Израилем арабских стран еще более десятилетия оставалась в рамках доктрины трех «нет»: не признавать Израиль; не вести с ним переговоры; не подписывать с ним мира. А в 1990-е годы (на фоне массовой алии из бывшего СССР) рост ВВП был в среднем 9% до заключения «соглашений Осло» и порядка 4–7% после них. Так что ни негативного влияния первого, ни прямого позитивного влияния второго события на экономический рост Израиля, если следовать этой логике, зафиксировано не было (скорее, в некотором смысле, наоборот). Далее, к началу мирных переговоров с Египтом в 1977 году Израиль пришел с 42,5%-ной ежегодной инфляцией, которая в эпоху «позитивных ожиданий» начала мирного процесса с арабскими странами подскочила до 111,4% в 1979 и 445% в 1984 году. Ее падение до 19,7% в 1986 году и нынешних однозначных (3%) цифр было достигнуто с помощью политики, к которой мир с Египтом едва ли имел прямое отношение.

На самом деле, как справедливо отмечает израильский дипломатический эксперт и публицист Йорам Эттингер, этот «уникальный экономический рост был следствием массовой еврейской репатриации в Израиль, ответственной фискальной политики, высокой концентрации интеллектуальных ресурсов и «прорывных» гражданских и военных разработок плюс, в последнее время, появления

собственных источников энергии. А также благодаря созданию мощного потенциала сдерживания противников и повышению уровня национальной устойчивости (моральной, политической и экономической). И вовсе не зависел от мирных соглашений с Египтом и Иорданией, и тем более, от «соглашений Осло» с ООП». ¹

Разумеется, вообще отбрасывать влияние арабо-израильского конфликта на социально-экономические процессы в еврейском государстве и тем более на его положение в системе региональных и в целом международных отношений, в свою очередь так или иначе влияющих на национальную экономику, тоже неверно. Так, существенную роль эти обстоятельства играют во взаимоотношениях Израиля со странами Европы, которые были и остаются важными (временами – основными) партнерами Израиля в международной торговле, и двусторонние отношения с большинством из них всегда были корректными и нередко дружескими. Однако постоянно усиливавшаяся зависимость Европы от арабских государств-производителей нефти способствовала усвоению и арабского нарратива в отношении Израиля. Что дало о себе знать и в 1970-х – начале 1990-х годов, когда арабский террор и арабский экономический бойкот достигли своего пика. А также после начала «Интифады Аль-Акса», когда усиление пропалестинской ориентации и «несбалансированности политики» Европейского союза в арабо-израильском конфликте, как это виделось в Иерусалиме (включая участие некоторых европейских правительственных структур, компаний и общественных организаций в кампаниях по бойкоту Израиля), нередко выливалось в серьезные дипломатические кризисы.

Такой кризис возник и в конце 2015 года, когда Еврокомиссия (орган исполнительной власти ЕС) рекомендовала членам союза ввести специальную маркировку израильских товаров, произведенных на территориях, занятых Израилем в 1967 году – в Иудее и Самарии (Западный берег реки Иордан), на Голанских высотах и

в Восточном Иерусалиме. В Израиле этот демарш ЕС был воспринят как акт дискриминации и делигитимации еврейского государства; в ответ Иерусалим объявил о приостановке дипломатических контактов с институтами и представителями Евросоюза на тему урегулирования конфликта с палестинцами на период «проведения ревизии роли ЕС в ближневосточном мирном процессе». Лишь после получения заверений от Брюсселя о неприятии политики бойкота Израиля и отсутствии у руководства ЕС намерений навязать сторонам конфликта территориальные параметры урегулирования инцидент был исчерпан.

И все же не следует забывать, что при всех разногласиях речь идет о взаимоотношениях внутри одного и того же клуба демократических режимов западного типа. Потому во взаимоотношениях Израиля и Евросоюза существует вполне отработанный процесс «вынесения за скобки» вопросов, по которым стороны не в состоянии договориться – пока или в принципе, и развития масштабного сотрудничества практически по всем остальным интересующим их сюжетам. Так, критическое отношение к региональному курсу еврейского государства никогда не было непреодолимым препятствием для развития достаточно динамичных отношений со странами европейского экономического сообщества (ЕЭС) и ЕС. Товарооборот между Израилем и странами Евросоюза в 2016 году составил более 42 млрд долларов, что делает этот регион первым-вторым по значимости рынком сбыта израильской продукции (в том числе оборонной, с тенденцией увеличения доли военного экспорта в Европу с 1/5 до 1/3 его общего объема). На сегодняшний день Израиль воспринимается как неформальный член Евросоюза, имеющий в ряде его институций и программ более высокий статус, чем, например, такие европейские страны, как Норвегия и Швейцария.

Итак, говорить о реальном эффекте используемых врагами Израиля рычагов экономической войны с еврейским государством в целом не приходится.

Взлет и падение BDS

Данный финал стал тяжелым вызовом для всей антисионистской концепции «красно-зеленого альянса», ответом которого была попытка перетащить свою антиизраильскую активность на поле «политики прав человека». Этим ультимативным «человеком», по замыслу инициаторов новой стратегии, понятно, является палестинский араб, гуманитарные и гражданские права которого, в нарушение международного права и человеческой морали, якобы подавляет «коллективный еврей-сионист».

Собственно, именно эта концепция и стала идеологической базой движения BDS, которое, как принято считать, берет начало в Дурбане, Южная Африка, где в 2001 году проходила Всемирная конференция ООН против расизма. Участники собравшегося в ее рамках форума неправительственных организаций вместо координации усилий по борьбе с реальными проявлениями расизма использовали эту площадку для запуска программы бойкота Израиля в широких областях общественной жизни – академии, образования, медиа, социальной реабилитации, культуры, спорта, политики и прочих – как и переориентированной на новые цели собственно правозащитной деятельности. А формальные рамки это движение приобрело с возникновением в июле 2005 года Палестинского национального комитета BDS, объединившего около 170 "правозащитных" организаций в арабских анклавах, управляемых ПНА и десятки филиалов в различных странах мира.

Методы, применяемые направляющими центрами BDS и связанными с ними организациями, получили название политики «дипломатической интифады», включавшей широкий набор кампаний по делигитимации и изоляции еврейского государства. Популярными ее элементами были бесконечные иски в международные суды чаще всего с жалобами на надуманные «преступления сионистского

режима против палестинского народа» и бесчисленные демарши в международных организациях – особенно на Генассамблее и в целевых подразделениях ООН (таких как ЮНЕСКО и Совет по правам человека).

Мероприятием такого рода был состоявшийся в конце ноября 2017 г. визит в штаб-квартиру ЕС в Брюсселе делегации членов Объединенного арабского списка (ОАС – присутствующего в Кнессете блока левых, арабских националистических и исламистских партий израильских арабов). Этот визит был частью усилий лидеров этих партий и их союзников в ПНА и арабских странах осложнить прохождение в Кнессете поданного туда законопроекта, закрепляющего еврейский характер Израиля. Очевидным итогом этих шагов (что подтвердил член ОАС Юсеф Джабарин в интервью для газеты «Jerusalem Post») стала сравнительно недавняя инициатива членов т.н. «Прогрессивного альянса социалистов и демократов» – блока депутатов от ультралевых и антиглобалистских партий в Европейском парламенте.

В письме, направленном в начале декабря 2017 года верховному представителю Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Федерике Могерини и президенту Европарламента Антонио Таяни и практически дословно цитировавшем обвинения израильских арабских парламентариев, 189 евродепутатов подвергли критике представленный в Кнессете законопроект, объясняя свой демарш «борьбой против легализации системной дискриминации палестинского арабского меньшинства в стране». Очевидно, что оба антиизраильских мероприятия – и визит депутатов ОАС, и демарш «Прогрессивного альянса социалистов и демократов» – были явно приурочены к столетию «Декларации лорда Бальфура».

Другим направлением BDS была активная манипуляция международным общественным мнением. Широкий спектр таких действий включал и бесполезные, в смысле удовлетворения реальных потребностей арабского насе-

ления, но имевшие немалый пропагандистский эффект «караваны солидарности» (типа нашумевших «Флотилий свободы»), пытавшиеся прорвать надуманную «гуманитарную блокаду» сектора Газы. И почти уже ритуальные демонстрации активистов исламистских и левозэкстремистских организаций у возведенного в нулевые годы «забора безопасности», ставшего одним из эффективных препятствий проникновения арабских террористов во внутренние районы Израиля. И подстрекательства к террору и постановочные столкновения с силами безопасности с последующим многодневным муссированием темы «непропорционального применения силы оккупационной армией» во всех доступных СМИ. И, наконец, организация резонансных провокаций против израильских учреждений, дипломатических представительств и израильских культурных центров за рубежом.

Третьим направлением, на которое делалась особая ставка, были попытки возрождения на этой новой основе уже провалившейся в прошлом идеи бойкота созданных израильянами научных разработок и культурологических проектов и в особенности – продукции израильских производств. Последнее инициаторам подобных акций казалось логичным в свете тренда, который набирал популярность в системе международных отношений на рубеже веков, особенно после принятия в первом десятилетии этого века Евросоюзом принципа *moral economy* – требований обуславливать экономические отношения со странами соблюдением ими личных и коллективных гражданских прав граждан.

Как раз в рамках этой логики была предпринята упомянутая попытка вывести продукцию израильских предприятий, расположенных за «Зеленой чертой», за рамки преференций, предоставляемых Израилю в рамках соглашений о свободной торговле. Что немедленно спровоцировало попытки организаций и активистов BDS добиваться бойкота на Западе всей израильской продукции в принципе.

Но именно на этом пункте столь энергично и небезуспешно стартовавшая кампания стала давать сбои, которые, в конечном итоге, стали прологом к кризису всего проекта BDS. В качестве причины эксперты называют низкий уровень уязвимости израильской экономики к политически мотивированным кампаниям бойкота, поскольку до 90% израильского экспорта осуществляется в рамках прямых договоренностей продавца и покупателя (business-to-business). А востребованность качественной израильской продукции в сфере медицины, ирригации, сельского и водного хозяйства, науки, передовых индустриальных технологий, образования и безопасности отодвигает политические соображения на второй план.

Что объясняет, например, причину, по которой, несмотря на антитеррористическую операцию ЦАХАЛ в Газе в 2014 году, в ходе и непосредственно после которой антиизраильская пропаганда превысила все прежние рекорды, ее влияние на внешнеэкономические активы Израиля было минимально. Так, израильский экспорт в Великобританию, чьи лидеры довольно критично настроены в отношении деловой и гражданской активности Израиля за «Зеленой чертой», и которая является одним из признанных операционных центров организаций, связанных с BDS, подскочил в 2014 году по сравнению с 2013 годом на 38%, а торговый баланс вырос на 28%.²

Все это является частным случаем более общего феномена: политика бойкотов не может быть по-настоящему эффективной, потому что противоречит реальным интересам стран и серьезных национальных и транснациональных компаний, задающих тон в том сегменте системы мирохозяйственных связей, в который включен Израиль. Достаточно вспомнить среди прочих фактов, что Израиль обладает одним из крупнейших в мире интеллектуальных ресурсов в сфере STEM (Science, Technology, Engineering and Mathematics) – 140 ученых, технологов и инженеров-исследователей на 10000 занятых

в народном хозяйстве (в США этот показатель равняется 85 на 10000). В силу чего Израиль занимает второе, после США, место в мире по абсолютному числу венчурных компаний высоких технологий, входит в пятерку крупнейших в мире экспортеров вооружений и оборонных технологий (6–7 млрд. долларов в год). А также располагает 5 из 10 компаний, производящих медицинские препараты, услуги и приборы, которые вошли в составленный Форбс список корпораций, меняющих мир,³ и центрами исследований и развития (R&D), созданными в Израиле более 250 крупнейшими в мире корпорациями в сфере высоких технологий. Включая Intel, Microsoft, IBM, Apple, Motorola, Computer Associates, Qualcomm, HP, EMC, GE, AT&T, Xerox, Dell, AMD, Marvell, Cisco, GM, Google, Oracle, Paypal, McAfee, Polycom, Telefonica, Ebay, AOL, Yahoo, SanDisk, SAP, Siemens, Philips, Deutsche Telekom, Samsung, Kaspersky Labs и прочие.

Тем большее понимание в деловых, а за ними и в политических кругах встречают более активные, чем ранее, усилия Израиля и международных организаций, созданных для обеспечения свободной экономической деятельности, по пресечению BDS-инициатив в экономической сфере. Моральная же дилемма, связанная с необходимостью предпочесть деловые интересы защите гуманитарных ценностей и человеческих прав, разрешается в тот момент, когда выясняется, что благосостояние самих палестинских арабов – это последнее, что интересует большинство организаторов бойкота израильской продукции.

Примером такого подхода является отказ ПНА, являющейся главным вдохновителем кампании, принять предложение спецпредставителя президента США на Ближнем Востоке Джейсона Гринблатта (Jason Greenblatt) принять участие в международной конференции по решению гуманитарных проблем в секторе Газа. От внимания комментаторов не укрылось, что власти ПНА явно предпочли пропагандистские выгоды очередного дипло-

матического столкновения с США и Израилем возможности принять участие в усилиях по обеспечению арабского населения электричеством, водой, канализацией и услугами здравоохранения.⁴

Другой яркий пример этой же тенденции дает деятельность Совета ООН по правам человека, тон в котором нередко задают наиболее одиозные диктаторские режимы и который известен своей почти одержимой предвзятостью к еврейскому государству. Как заметила посол США в ООН Никки Хейли, объясняя готовность своей страны постепенно прекратить сотрудничество с СПЧ, Израилю – единственной реальной демократии на Ближнем Востоке, имеющей основательные достижения в сфере соблюдения прав человека, посвящено более 70 осуждающих резолюций Совета. И только, например, семь – Ирану, известному достижениями совсем иного рода, что является, по словам Хейли, «достаточной причиной понять, что что-то там идет не так, как нужно».⁵

Подтверждения этим словам долго ждать не пришлось: на рубеже прошлого 2017 и начала нынешнего года в СПЧ ООН стал площадкой для показательного действия. Которое даже авторы редакционной заметки в «New York Times» – газеты, отличающейся резко критическим настроением в отношении руководства Израиля и его политики в Иудее и Самарии, назвали «территорией абсурда». Верховный комиссар ООН по правам человека Райяд аль-Хуссейн (который прославился заявлением, что он не видит разницы между Дональдом Трампом и «Исламским государством») дал указание подведомственному ему Управлению составить «список компаний, которые напрямую участвуют в строительстве израильских поселений на оккупированных палестинских территориях». И тем самым, согласно логике авторов документа, содействуют «нарушению прав человека» и «разрушению всех аспектов жизни палестинцев».⁶ Комментируя итоги отчета, Н. Хейли упомянула, что в нем «разумно не названы конкретные компании, однако сам факт появ-

ления этого документа служит еще одним напоминанием антиизраильской одержимости Совета».

Меньше всего, пишут журналисты «NY Times», членов СПЧ волнует тот факт, что эти израильские и зарубежные компании «предоставляют палестинцам множество рабочих мест, которые обеспечивают существование им и их семьям, и которым в этих местах нет замены. Равно как и то обстоятельство, что эти компании продают товары и услуги всем, кто в них нуждается, без различия происхождения». Показательно, что та же структура ООН никогда не выражала обеспокоенность влиянием на состояние прав человека деятельности любых корпораций на любых других «оккупированных территориях», включая те, где реально происходят этнические чистки. И даже более того: выпустила в 2002 году меморандум, что подобная деловая активность, например, в Западной Сахаре нарушением прав человека по определению не является. Таким образом, заключают журналисты, «демарш СПЧ не имеет ничего общего с противодействием нарушениям человеческих прав, но только попыткой любым способом нанести ущерб Израилю». И потому не является ничем иным, кроме как «долгоиграющей машиной антиизраильской пропаганды».⁷

Но этими факторами причины, по которым на сегодняшний день компания делигитимации Израиля в целом провалилась, не исчерпываются. Назовем еще несколько из них.

Большинство вменяемых мировых лидеров понимают, что среди комплекса первоочередных вызовов и угроз, стоящих перед человечеством, «палестино-израильский конфликт» занимает маргинальное место и не разрешается не столько из-за неуступчивости Израиля, сколько по совершенно другой причине. А именно, из-за отсутствия готовности ради его завершения к каким-либо компромиссам с Израилем (а, по мнению многих, и готовности смириться с самим фактом его существования) как у радикально-националистической (ФАТХ/ООП), так и у исла-

мистской (ХАМАС и прочие) фракции палестино-арабских элит. В итоге легитимность BDS в глазах этих лидеров слабеет с инфляцией официальной причины, выдвинутой этим движением в качестве морального обоснования идеи антиизраильских санкций.

«Утверждение, что провал палестино-израильских переговоров приведет к масштабному международному бойкоту Израиля, в корне ошибочно», – полагает сотрудник Института стратегических исследований им. Бегина и Садата в Рамат-Гане Эфраим Инбар. «Те, кто такое утверждают, просто пытаются оказать на него давление. На практике у Израиля имеются крепкие двусторонние торговые связи с множеством стран мира, которые не прекратятся или будут заморожены из-за [такой мелочи, как] тупик в дипломатических переговорах».⁸ Сюда же можно добавить один из итогов перехода «арабской весны» в «исламистскую зиму»: у многих мировых, региональных и национальных лидеров (в том числе и ряда стран Ближнего Востока) усиливается видение Израиля не как источника, а напротив, как возможного ультимативного фактора решения острейших проблем региональной и глобальной безопасности.

Не меньшее значение имеет успех активизировавшейся в нынешнем десятилетии «периферийной стратегии» внешней политики Израиля, дополняющей стратегическое партнерство с США, Великобританией и Германией. Что означает расширение израильского торгово-экономического и дипломатического присутствия в регионах, находящихся, с одной стороны, вне зоны арабо-израильского конфликта, а с другой, – вне европейского эпицентра BDS. В первую очередь, со странами, являющимися региональными «центрами силы» и факторами экономического и/или политического влияния на глобальном уровне – Индия, Китай, Россия, Южная Корея, а в последние годы – также ключевые страны Африки и Латинской Америки.

Особую важность в этой стратегии получил тот ее аспект, который мы обозначили как «мир в обмен на техно-

логии». То есть установление стратегического партнерства Израиля с теми из этих стран и региональных блоков, которые не готовы ради поддержания неактуального для них нарратива арабо-исламского конфликта с еврейским государством упускать возможности партнерства с мировым центром разработок и поставок передовых технологий в различных сферах экономики и обороны, каковым сегодня является Израиль.

Так, исследование, инициированное МИДом Израиля, включавшее репрезентативный опрос населения 54 стран мира, в том числе тех, которые не имеют дипломатических отношений с еврейским государством, показал, что в 50 из них большинство граждан признает и уважает достижения и мощь Израиля в различных сферах. От разведки, развития вооруженных сил, эффективных оборонных технологий и борьбы с традиционным и кибернетическим терроризмом – и до прорывных сельскохозяйственных, водных, энергетических, и прочих разработок. И готовы признать, что их страны могут выиграть от сотрудничества с Израилем в этих и иных сферах. Так, например, думает не только 80–90% принявших участие в опросе жителей «немусульманских регионов» (особенно популярна эта точка зрения была в странах Евразии и Африки). Но и почти половина опрошенных граждан 12 стран Ближнего Востока, лишь две из которых имеют дипотношения с Израилем, а некоторые формально находятся с ним в состоянии войны.

Наконец, дело и в характере и образе, который сегодня приобретает движение Boycott, Divestment and Sanctions. Вытесненное из центров принятия значимых решений на площадки, где оно только и имеет относительный успех – некоторые международные структуры и общественные организации, исламистские сообщества, ультраеврейские СМИ и, надо признать, не столь малочисленные ВУЗовские кампусы, где тон задают носители тенденциозных пропалестинских и анти-сионистско-антисемитских нарративов, – оно вырождается в маргинальный тотали-

тарно-экстремистский проект. Его участники, как сегодня видится многим, пытаются агрессивно диктовать свою повестку дня с помощью обструкции, тенденциозного манипулирования информацией, расистской дискриминации, физического и интеллектуального насилия и подавления инакомыслия. То есть, методами, борьба с которыми якобы и является декларированной целью данного движения.

По признанию Асафа Рамировского (Asaf Romirowsky), исполнительного директора организации «Ученые за мир на Ближнем Востоке», «большинство сотрудников академических учреждений, которые участвуют или поддерживают BDS, относятся к категории «академиков-активистов» (феномен, развивающийся в Северной Америке с 1960-х годов): они в основном занимаются «политическим театром» вместо того, чтобы заниматься [собственно] наукой». Эти радикальные критики Израиля, нередко отрицающие его право на существование как еврейского государства или его право на существование в принципе, по оценкам ученого, «вместо участия в рациональном анализе всего сложного контекста арабо-израильского конфликта занимаются антиинтеллектуальной демонизацией Израиля и его сторонников». В итоге, заключает Рамировский, противостоять этим сотрудникам ВУЗов довольно сложно, ибо они, по сути, не исследователи, а полемисты, и потому их коллегам крайне сложно поддерживать с ними диалог с помощью рациональных аргументов.⁹

Но и в этих условиях можно говорить, что активисты BDS по-настоящему не достигли своих целей даже в тех интеллектуальных кругах, которые ранее были в принципе готовы взвесить их аргументы. Так, поддерживающий BDS профессор Калифорнийского Университета Марк Пилисук (Marc Pilisuk) подтвердил, что главной причиной провала их движения стало отсутствие «общественного признания» декларируемых ими целей и методов. Действительно, устойчивая антисемитская репутация движе-

ния BDS способствует резкому снижению его влияния даже там, где его идеи прежде распространялись «вирусным способом» – в тех профессиональных академических союзах, где тон задают упомянутые академики-активисты.

Их последним значимым успехом стала резолюция в поддержку академического бойкота Израиля, принятая в 2013 году Ассоциацией американских исследований (American Studies Association – ASA), но победа оказалась «пирровой». Практически сразу после этого решения о прекращении связей с ассоциацией заявили три ведущих объединения американских ученых – Американская ассоциация университетских профессоров, Американский совет по образованию и Ассоциация американских университетов и объединения сотрудников ряда ведущих ВУЗов. А более 250 глав ВУЗов и ведущих научных организаций США осудили декларацию ASA как «вопиющее нарушение базовых принципов академической свободы».

Судя по всему, эти академические лидеры разделяли реакцию бывшего президента Гарвардского университета и министра финансов США Лоренса Саммера (Lawrence H. Summer), который назвал абсурдной «идею, что из всех стран мира, где могут нарушаться гражданские права, проводится неприемлемая внешняя политика или приниматься неверные решения, лишь одна страна – Израиль достойна бойкота». Л.Саммер призвал ввести своего рода ответный бойкот бойкотирующих, предложив университетам взвесить осмысленность оплачивать тех преподавателей, кто принадлежит к ASA или участвует в ее [антиизраильских] мероприятиях.¹⁰

В итоге, по признанию газеты «New York Times» (в прошлом охотно предоставлявшей трибуну сторонникам BDS), ASA превратилась в «парию» академического истеблишмента США, послужив предупреждением тем научным и профессиональным ассоциациям, которые подумывали принять аналогичную версию в отношении Израиля как «виновника» продолжения ближневосточного

конфликта.¹¹ Так или иначе, на сегодняшний день нет крупной академической структуры, которая приняла бы идею BDS, и ни одного серьезного университета, где такой шаг бы по-настоящему обсуждался.

Аналогичная тенденция, чем дальше, тем больше завоевывает и другую сферу, где в недавнем прошлом активисты БДС чувствовали себя весьма вольготно, – культуры и искусства. Примером стала инициатива депутата Законодательного собрания Флориды Рэнди Файн (Randy Fine) запретить проведение в штате концерта популярной певицы новозеландского происхождения Эллы Марии Йелич-О'Коннор (Ella Marija Yelich-O'Connor), использующей сценическое имя Лорд. Причиной этого обращения стала отмена запланированного на июнь 2018 года концерта Лорд в Тель-Авиве, что случилось из-за давления активистов международной кампании бойкота Израиля BDS. А основанием – Закон штата Флорида, единогласно принятый его законодательным собранием ровно два года назад (в марте 2016 года), однозначно запрещающий местным официальным инстанциям какие бы то ни было деловые отношения с организациями, поддерживающими бойкот еврейского государства.

Следует иметь в виду, что Флорида здесь не одинока: аналогичные законы, запрещающие государственным структурам инвестировать или пользоваться услугами компаний, бойкотирующих Израиль, приняты на федеральном уровне Конгрессом США, а также тремя десятками штатов и растущим числом муниципалитетов. И подобная тенденция набирает силу и в ряде других демократических стран. Таким образом, послание, содержащееся в инициативе Рэнди Файн, имеет только одно толкование: усилия по делегитимации Израиля являются обоюдоострым оружием и могут для их инициаторов иметь свою правовую, политическую и экономическую цену.

Именно это, судя по всему, имел в виду премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, который высту-

пая 6 марта с.г. на конференции AIPAC, заявил, что «хорошие новости не ограничиваются способностью еврейского государства защитить себя с помощью военной силы и процветающей экономикой страны». Израиль, по его словам, налаживает новые отношения со странами мира, и «довольно скоро те, кто не имеет отношений с нами, сами окажутся изолированными», в силу чего, как заметил Нетаньяху, страны и учреждения, которые поддерживают антиизраильский бойкот, не должны удивляться, если сами станут объектом изоляции и бойкота.¹²

Понятно, что BDS в его нынешнем виде вряд ли может быть приемлем во вменяемых политических и рационально мыслящих интеллектуальных кругах, как и среди широкой публики. И чем дальше, тем больше. Все это объясняет, почему в общем балансе на данный момент усилия сторонников BDS доставили Израилю не более, чем мелкие неприятности. И, следовательно, Израиль находится на пути к победе и в этой войне.

¹ Yoram Ettinger. Israel's defiant economic growth // *Israel Hayom*, 28.11.2014.

² См.: Israel-UK Trade Soars to Record Highs in 2014 // *TheTower.org*, 10.10.2014.

³ 10 Health Tech Companies Changing The World // *Forbes*, 01.06.2014.

⁴ David M. Weinberg. Pick your Palestinian State // *Israel Hayom*, 15.03.2018.

⁵ Цит. по: Eric Cortellessa. In Geneva, Haley to demand Human Rights Council change its treatment of Israel // *The Times of Israel*, 06.06.2017.

⁶ Цит. по: В ООН готовят список компаний, участвующих в строительстве поселений на палестинских территориях // *Новости ООН*, 31.01.2018. – <https://news.un.org/ru/story/2018/01/1322511>

⁷ The Perversity of Israel Boycott Blacklist // *The New York Post*, 02.12.2017.

⁸ Efraim Inbar. The Boycott Mirage // *BESA Center Perspectives Paper*, No. 237, 09.02.2014.

⁹ Цит. по: Mitchell Bard. Faculty and BDS // *The Jerusalem Post*, 26.10.2015. – <http://www.jpost.com/Blogs/Classroom-Battlegrounds/Faculty-and-BDS-430100>

¹⁰ Цит. по: Richard Perez-Pena. Scholars' Group to Disclose Result of Vote on an *Academic* Boycott of Israel // *The New York Times*, 15.12.2013.

¹¹ Peter Shmidt. Backlash against Israel Boycott Throws Academic Association on Defensive // *The New York Times*, 05.01.2014.

¹²"Netanyahu: We will boycott the boycotters // *The Times of Israel*, 06.03.2018; Full Transcript of Netanyahu's AIPAC Speech // *Jewish Press News Briefs*, 20 Adar 5778 – 06.03.2018.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и турецких государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израйля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50.
287. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим".
288. **В.И.Месамед:** "Феномен белорусско-иранских отношений".

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-йеменски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.
297. **В.В. Куделев:** "«Арабская весна»: марокканский феномен".

2018 г.

298. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский:** "Военная мощь Турецкой Республики".
299. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о сирийском конфликте".
300. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользающее партнерство".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

- 114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
- 115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
- 116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
- 117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
- 118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

- 119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
- 120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
- 121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
- 122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
- 123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
- 124. Analytical records. "Terrorism"
- 125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
- 127. "Iran and Russia" (collections of essays)
- 128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
- 130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)" by **V.Mesamed**
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by **N.Podgornova**
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel (1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising. (90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays)

287. "The states of Israel and the Baltic states between past and future" by **E.Yakimova**

288. "Phenomenon of Belarus-Iran relationship" by **V.Mesamed**

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**

290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**

291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**

292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**

293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**

294. "The Arab Spring" in Yemani way" by **P.Rjabov**
295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**
296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)
297. "The Arab Spring: a Moroccan phenomenon" by **V.Kudelev**

2018

298. "The military power of the Republic of Turkey" (volume 1, 2) by
T.Ganiev and S.Zadonskiy
299. "Thoughts on the Syrian conflict" by **Ju.Scheglov**
300. "The state of Israel and the European republics of the former
Soviet Union: the slipping partnership" by **E.Yakimova**

Для заметок

Научное издание

Владимир (Зеэв) Ханин

**ИЗРАИЛЬ НАКАНУНЕ И В ГОД СВОЕГО
70-ЛЕТИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ**

Подписано в печать 16.07.2018 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 16,5 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 1397

Первая оперативная типография
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12